

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Т. М. Гавристова

**БУДДИЗМ
ДАОСИЗМ
КОНФУЦИАНСТВО**

Учебное пособие

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Рекомендовано

*Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальностям История,
Музеология, Социально-культурный сервис и туризм*

Ярославль 2010

УДК 294.3+299.512/513

ББК Э34-3 я73

Г 12

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2010/2011 учебного года*

Рецензенты:

Воля Г. Аргирова, доктор истории, научный сотрудник I степени
Института исторических исследований Болгарской Академии наук,
кафедра всеобщей истории Ярославского государственного
педагогического университета им. К. Д. Ушинского

Гавристова, Т. М. Буддизм. Даосизм. Конфуцианство:
Г 12 учебное пособие / Т. М. Гавристова. – Изд. 2-е, перераб. и
доп.; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ,
2010. – 140 с.

ISBN 978-5-8397-0788-7

Пособие состоит из трех очерков, посвященных наиболее распространенным в странах Дальнего Востока религиозным учениям: буддизму, даосизму и конфуцианству – и их воздействию на формирование в регионе науки и культуры. В приложении представлена лекция автора на тему «Искусство садов и парков в Китае и Японии» и материалы справочного характера.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальностям 030401.65 История, 031502.65 Музеология, 100103.65 Социально-культурный сервис и туризм (дисциплины «Дальневосточные религии», «История мировых религий», «Религии народов мира», «Сравнительная история мировых религий», блоки ГСЭ, ОПД), очной формы обучения.

УДК 294.3+299.512/513

ББК Э34-3 я73

ISBN 978-5-8397-0788-7

© Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2010

*Моей племяннице Леночке Пугачевой
с благодарностью за интерес
к культуре Дальнего Востока*

Введение

Середина I тысячелетия до н. э., именуемая «осевым временем», является поворотным моментом в истории человечества. Обособление духовной (и интеллектуальной) деятельности от материального производства привело к возникновению новых религиозных и философских учений в разных регионах мира. Некоторые из них: буддизм и христианство – обрели статус мировых религий. Ареалом распространения даосизма и конфуцианства стали регионы Юго-Восточной Азии (далее ЮВА) и Дальнего Востока (далее ДВ).

Распространение религиозных воззрений шло «вширь» (в плане освоения проповедниками новых территорий) и «вглубь» (религия стала определять взаимоотношения между людьми в семье, обществе, государстве). На основе развития религиозной практики сложились психология, этика, эстетика и нормы права.

В рамках данного учебного пособия рассматриваются буддизм, даосизм и конфуцианство – три наиболее распространенные в регионе ДВ религии, оказавшие воздействие на все стороны общественно-политической, экономической и культурной жизни, сыгравшие особую роль в развитии таких государств, как Китай и Япония. Сходство учений очевидно. В их рамках человек рассматривался как часть Вселенной, как микроструктура, взаимодействующая с макромиром. В процессе морального и нравственного самосовершенствования он мог приблизиться к Богу: обрести бессмертие, стать буддой или цзюнь цзы (благородным мужем). Боги были бессильны помочь человеку в главном – в деле спасения:

избавиться от страданий, познать Дао, обрести в душе гармонию каждый человек мог только собственными усилиями.

Близость идей буддизма, даосизма и конфуцианства содействовала их длительному и вполне мирному сосуществованию в рамках отдельных государств. В Китае, Корее, Японии последователи трех религий уживались друг с другом в течение двух с половиной тысячелетий. В Китае буддизм обрел «вторую родину», восприняв идеи даосизма и конфуцианства и трансформировавшись в учение чань. Этические (преимущественно конфуцианские) и эстетические (буддийские и даосские) установки, развиваясь, обогащали и дополняли друг друга. Взаимодействуя, они способствовали возникновению на ДВ особой «синтетической» культуры на основе традиций естественного синтеза, отличительными чертами которой стали историческая преемственность и восприимчивость. В ее границах сложилась специфическая система воспитания и образования. Комплекс гуманитарных и естественнонаучных знаний базировался на даосском и конфуцианском фундаментах соответственно. Буддизм определил направления развития вербального и визуального искусства: поэзии, живописи, театра, искусства садов и парков.

Взгляды конфуцианских, буддийских и даосских наставников оказали воздействие на мировую культуру, нашли отражение в творчестве всемирно известных литераторов и художников, режиссеров и операторов, дизайнеров и кутюрье. В их числе Р. Брэдбери, Г. Гессе, Т. Манн, Р. Роллан, Дж. Д. Сэлинджер, Б. Окри, Н. Гумилев, Д. Мережковский, В. Набоков, В. Хлебников, А. Матисс, В. Ван Гог, Н. Рерих; представители африканского модернизма (О. Огуйбе и другие); Ф. Феллини, Р. Виктук, П. Рабанн, а также десятки тысяч ученых и врачей самых различных специальностей. А. Эйнштейна, К. Циолковского, В. Вернадского привлекали идеи гуманизма и слияния с природой, трансмиграции (переселения) душ и самосовершенствования. В них многие видели «ключ» к пониманию специфики Востока в целом и тайн загадочной «восточной души» в частности.

Во второй половине XX в. интерес к учениям актуализировался благодаря феномену «японского экономического чуда», яв-

ление которого специалисты нередко связывали с особенностями социальной психологии, сформировавшейся под воздействием буддизма, даосизма и конфуцианства, с установками «конфуцианского капитализма». Динамичное развитие КНР и успехи ее жителей на пути строительства «конфуцианского социализма» еще более усилили интерес к религии ДВ.

Учебное пособие предназначено для студентов, изучающих специальный курс по истории религий ДВ, а также для всех интересующихся проблемами истории и культуры региона. Целью его написания стали обобщение и систематизация накопленного в рамках разработки курса по истории религий ДВ и ЮВА материала по истории буддизма, даосизма и конфуцианства, содержащегося как в древних философских трактатах и литературных памятниках, так и в современных исследованиях. Большую помощь автору оказали труды П. А. Буланжс, В. П. Васильева, Л. С. Васильева, Т. П. Григорьевой, Е. В. Завадской, В. И. Корнева, А. Н. Кочетова, В. В. Малявина, И. П. Минаева, Л. С. Переломова, Е. Б. Рашковского, И. И. Семеновко, Д. Судзуки, А. Дж. Тойнби, К. Ясперса и других ученых. При написании пособия автор руководствовался личными впечатлениями от пребывания в КНР на стажировке в 1992–1993 учебном году.

Учебное пособие состоит из трех очерков. В них рассматривается история возникновения, философия, этика и комплекс взаимосвязанных с буддизмом, даосизмом и конфуцианством социокультурных традиций, предпринята попытка проанализировать взаимосвязь сложившейся в Китае системы образования и науки с учением Конфуция; естествознания и медицины – с даосизмом; поэзии, живописи и японских традиционных видов искусства – с идеями буддизма. В приложении представлена лекция автора на тему «Искусство садов и парков в Китае и Японии» и материалы справочного характера.

1. БУДДИЗМ

1.1. Возникновение и распространение буддизма

История возникновения буддизма связана с именем странствующего отшельника Сиддхартхи Гаутамы, прозванного Шакьямуни, позднее именовавшего себя Буддой, что в переводе с санскрита и пали означает «просветленный высшим знанием», «осененный истиной» или просто «просветленный». В любой книге, посвященной буддизму, можно найти рассказ о том, как складывалась его жизнь. Согласно легенде, он явился на свет, чтобы выполнить спасительную миссию – указать живым существам путь избавления от страданий.

Будда избрал для своего воплощения на земле образ царевича Сиддхартхи из знатного рода Гаутама (отсюда его родовое имя) племени Шакьев, живших в долине Ганга. Младенец увидел свет необычным путем. Его мать, жена правителя Шакьев, Майя (Махамайя – Великая Майя), увидела во сне, что к ней в бок вошел белый слон. На следующий день брахманы, призванные разгадать значение сна, объявили, что Майя зачала и родит либо правителя всего мира, либо Будду. Спустя девять месяцев младенец покинул тело матери столь же необычным путем, что и был зачат, – через ее подмышку. Ребенок сразу встал на ноги, сделал семь шагов и воскликнул: «Я буду первым среди всех!» Мудрец Асита, извещенный об этом, предрек новорожденному свершение великого религиозного подвига. Мальчику дали имя Сиддхартха (выполнивший свое назначение).

Правитель Шакьев Шуддходан не желал сыну религиозной карьеры. С ранних лет он отличался необыкновенным умом, красотой и выносливостью. Ему не было равных в силе, меткости стрельбы из лука, во владении изящными искусствами. В юности по настоянию отца Сиддхартха женился на прекрасной девушке, своей двоюродной сестре Ясодхаре. Двадцать девять лет жил он в неге и холе, довольстве и роскоши. Жена родила ему сына. Ничто не омрачало их счастья. Но однажды во время прогулки за пределами дворца молодой принц увидел *покрытого язвами*

изможденного больного, согбенного заботами и годами дряхлого старика, погребальную процессию и погруженного в раздумья аскета. Эти четыре встречи изменили жизнь беспечного принца. Узнав о страданиях живых существ, он в ту же ночь тайно покинул дворец, став отшельником, чтобы найти путь, ведущий к избавлению от страданий. Обрив голову и облачившись в грубые одежды, принц начал странствовать, предавая себя самоистязанию и самобичеванию, стараясь искупить вину за годы беззаботной жизни, стремясь познать великую истину. Семь лет он истязал свою плоть и читал священные книги.

Однажды, сидя под деревом Бодхи, предаваясь размышлениям, Гаутама прозрел. Он понял, что *страдания правят миром; что их причиной является сама жизнь с ее страстями и желаниями; что уйти от страданий можно, только погружившись в нирвану; и что существует путь, посредством которого познавший истину может избавиться от страданий и достичь нирваны.* Познав четыре священные истины, Гаутама обрел просветление и стал Буддой. Несколько дней он провел под деревом Бодхи, не в силах двинуться с места. Злой дух искушал его, призывая не возвещать мудрости людям. Будда прошел через искушения и двинулся в Сарнатх, где в «Оленьем парке» произнес свою первую проповедь.

Сарнатх располагался вблизи города Бенареса (современное название – Варанси), поэтому первая проповедь Будды именуется бенаресской. Ее слушали пять аскетов и два пятнистых оленя. В ней впервые была изложена суть учения. Так Будда «привел в движение колесо дхармы».

Развивая учение, Будда разработал *путь постижения истины и приближения к нирване.* Он включал восемь ступеней и предполагал: 1) *праведную веру (следует верить Будде, что мир полон скорби и страданий и что необходимо подавлять в себе страсти);* 2) *праведную решимость (следует твердо определить свой путь, ограничивая страсти и стремления);* 3) *праведную речь (следует следить за своими словами, чтобы никому не причинить зла; речь должна быть правдивой, искренней и доброжелательной);* 4) *праведные дела (следует избегать недобродетельных поступ-*

ков, сдерживаться и свершать только благородные дела); 5) праведную жизнь (следует вести жизнь достойную, не принося вреда живым существам); 6) праведную мысль (следует следить за направлением своих мыслей, изгонять злые и сосредоточиваться на добрых); 7) праведные помыслы (следует уяснить, что зло – от плоти); 8) праведное созерцание (следует постоянно и терпеливо тренироваться, достигать умения сосредоточиваться, созерцать и погружаться в себя в поисках истины).

Учение Будды распространялось быстро. Согласно легенде, большие группы аскетов отказывались от самоистязаний и становились его последователями; раскаявшиеся богатые блудницы падали к его ногам, даря ему роскошные дворцы; юноши просили Учителя стать их наставником. Многие брахманы становились проповедниками буддизма.

Оставшуюся жизнь Будда провел в проповедях. Он дожил до глубокой старости и скончался в возрасте около восьмидесяти лет. Умер он от пищевого отравления. Предчувствуя кончину и готовясь к уходу из жизни, Будда искупался в реке Какутха и последние часы провел в окружении учеников. Перед смертью, лежа под деревом Бодхи, он принял позу льва (лег на правый бок, правую руку положил под голову, левую вытянул вдоль тела, выпрямил ноги) и обратился к собравшимся возле него ученикам и мирянам: «Мне нечего больше сказать вам, кроме того, что все сказанное обречено на разрушение. Стремитесь всеми силами к спасенью!». В момент смерти Будды разразилось землетрясение, грохотал гром, сверкали молнии. Уход его из жизни называют великим переходом в нирвану. По преданию, он скончался в мае, в полнолуние. Этот день буддисты всего мира считают «вторым рождением» Будды, моментом его прозрения и «трижды святым днем»¹.

На седьмой день после смерти Будды все было подготовлено к церемонии кремации: благовонные масла, гирлянды цветов, сан-

¹ Переход (или погружение) Будды в нирвану впоследствии стало одним из излюбленных сюжетов буддистской живописи, скульптуры, поэзии. Особый интерес представляют живописные и скульптурные изображения, которые можно рассматривать как аналог икон. Центральное место в композиции всегда занимает фигура Будды, мирно отходящего в небытие в окружении учеников. Он выглядит безмятежным и спокойным.

даловое дерево и золотые носилки. Огонь на погребальном костре был зажжен его учениками. Множество людей присутствовали на церемонии. Останки Будды были заложены в золотой сосуд. Впоследствии они были разделены на восемь частей и захоронены в различных концах света. Во время раскопок на территории Китая вблизи монастыря Фамэньсы в городке Фамэньчжэнь в 1981 г. одна из таких капсул была обнаружена археологами.

Согласно легенде, при жизни Будда обладал редкими способностями и качествами. Он общался с богами, был всевидящим (у него имелся особый глаз на лбу). Всевиденье Будды включало обычное зрение, видение прошлого, настоящего, будущего, намерений и поступков всех живых существ во Вселенной. Ему приписывалось Высшее Знание и ряд волшебных качеств: он мог спускаться под землю и возноситься на небо, летать по воздуху, вызывать огненные мистерии, принимать любой облик.

Был ли Будда реальным человеком? Является ли его история вымыслом от начала до конца? Можно ли связывать рождение буддизма с деятельностью конкретного человека? На эти и другие вопросы пытались ответить отечественные и зарубежные историки, философы, филологи, теологи, религиоведы, представители различных отраслей знания. Г. Ольденберг, Т. В. Рис-Дэвидс, В. П. Васильев, И. П. Минаев считали весьма правдоподобным рассказ о жизни Будды. Е. Сенар, Г. Керн не видели реальной основы в легенде о нем и считали ее заимствованной из ранних источников. Исследование возникновения буддизма продолжается. Большинство ученых придерживается мнения, что Будда, создатель учения, – реально существовавший человек, хотя доказано, что первые его жизнеописания появились спустя полвека после предполагаемой смерти.

Известны пять биографий Будды. В их числе «Махавасту» (I в. до н. э. – II в. н. э.), включаемая рядом школ буддизма в Виная-питаку; «Лалитавистара» (II–III вв.), созданная сектой сарвастивадинов; «Буддхачарита», изложенная философом и поэтом Ашвагхошей (I–II в.), «Ниданакатха» (I в.) и «Абхихинишкраманасутра», принадлежавшая перу Дхармагупты.

Местом рождения Будды принято считать парк Лумбини (Непал), местом смерти – Кушинагар (Индия).

Основные разногласия в среде ученых существуют относительно времени жизни Будды (IX–III вв. до н. э.). Буддийские исследователи (адепты буддизма) традиционно относили дату его рождения к 623 г., а дату смерти – к рубежу 544–543 гг. до н. э.; ряд ученых называли 560–480 гг. Большинство современных авторов сошлись в том, что Будда родился в 564 г. и скончался в 483 г. до н. э.

Реальная и мифологическая биографии Будды переплетаются. Согласно мифологической традиции, его жизнь может быть представлена следующим образом. В течение многих кальп (кальпа – период времени, равный 24 000 божественных лет или 8 640 000 000 человеческих лет) Будда рождался на Земле в виде различных живых существ: восемьдесят три раза – святым, пятьдесят восемь раз – царем, двадцать четыре раза – монахом, восемнадцать раз – обезьяной, тринадцать раз – купцом, двенадцать раз – курицей, восемь – гусем, шесть – слоном, а также рыбой, крысой, плотником, кузнецом, лягушкой, зайцем – всего пятьсот пятьдесят раз. Поскольку мир за это время погрузился во мрак неведения, боги сочли, что пора ему родиться в облике человека, достичь просветления и при жизни, став Буддой, начать проповедовать, указать человечеству путь к спасению.

Проводниками идей буддизма были *бхикшу* (монахи-аскеты). Они жили и странствовали группами, объединявшими не менее шести человек. В сезон дождей они собирались в каком-нибудь уединенном месте, в пещерах, лесах, вблизи населенных пунктов. Члены общин отказывались от всякой собственности, обривали голову, облачались в лохмотья. Их имущество ограничивалось кружкой для сбора подаяний, миской для воды, бритвой и посохом. Большую часть года они странствовали, собирая милостыню. Есть бхикшу могли лишь вегетарианскую пищу до полудня, позднее в рот нельзя было брать ни крошки.

В пещерах, заброшенных сооружениях, лесных хижинах, пережидая сезон дождей, последователи Будды размышляли, вели благочестивые беседы, практикуясь в искусстве медитаций

(самососредоточения и самоуглубления), разрабатывая правила поведения (этические нормы) и основы своего учения (теорию и практику). Умерших хоронили близ мест их обитания. Позднее в честь деятелей раннего буддизма на местах их захоронения миряне возводили памятники (ступы), куполообразные склепы с замурованным входом, вокруг них возникали монастыри.

Постепенно складывался устав монастырской жизни, росло количество монахов, служек, рабов. Свободно странствующие бхикшу осели на постоянное место жительства в монастырях, строго придерживались устава *сангхи* – общины монахов данного монастыря – и подчинялись его настоятелю.

Монастыри стали единственной формой организации буддизма. Они превратились в центры распространения его идей, хранения священных книг. При монастырях возникали университеты и библиотеки. В монастырях ученые-монахи записывали на древних языках – санскрите и пали – первые священные тексты – сутры. Здесь вновь обращенные в веру служки и послушники обучались грамоте, изучали священные тексты, приобщались к учению.

Первые сангхи появились в период правления царя Ашоки (III в. до н. э.) и представляли собой объединения людей, порвавших с мирской жизнью, земными радостями и заботами. Вступая в сангху, следовало отказаться от семьи, собственности, касты, принять обет целомудрия, пройти обряд посвящения, сбрить усы, бороду, волосы, надеть монашескую одежду. Освоив азы учения и устав монастыря, послушник получал второе посвящение и становился монахом (бхикшу). Вопрос о приеме в общину решался большинством голосов и был приурочен к сезону дождей, когда монашеская община собиралась в полном составе. Внутри сангхи царила строгая дисциплина. Монахи группировались вокруг авторитетных проповедников, образованных людей, выходцев из высших и состоятельных слоев общества.

Одежда у всех бхикшу была одинаковой: свободная безрукавка, переходящая в широкую юбку, накидка типа тоги, конец которой перекидывался через левое плечо, оставляя правое обнаженным, и легкие сандалии. Тускло-желтый цвет одежды должен был символизировать ее изношенность, потертость. Со временем

в Китае и Японии монахи начали облачаться в одежды серого и черного цвета.

Монахи соблюдали множество постов и обетов. Как минимум двести пятьдесят три запрета и правила определяли их жизнь и быт. Им запрещалось танцевать и участвовать в театрализованных постановках и шествиях, употреблять спиртные и тонизирующие напитки; спать на удобном ложе, иметь в собственности изделия и предметы из серебра, золота и драгоценных камней. Бхикшу должны были просматривать питьевую воду, чтобы не уничтожить, утоляя жажду, какое-либо живое существо, случайно туда попавшее. В женщинах им предписывалось видеть только сестер и матерей.

Существовали монахи и монастыри на подаяния мирян, которые, подавая милостыню, накапливали добродетели. Каждый мирянин мог стать *упасакой* (почитателем, попечителем), что не вносило в его жизнь существенных изменений. Упасака в присутствии монахов должен был признать «три драгоценности», укладывающиеся в буддийскую формулу: «Я прибегаю к Будде, я прибегаю к дхарме, я прибегаю к сангхе!» – и принять *пять моральных принципов «Панча сила» («Панча шила»): 1) отказ от убийства живого существа; 2) отказ от воровства; 3) отказ от лжи; 4) отказ от употребления алкоголя; 5) соблюдение супружеской верности.* Обязанностью упасаки становилась материальная поддержка сангхи. Она рассматривалась как высшая добродетель и приравнивалась к дарам Будде.

Монахи и проповедники, как и сам Будда (создатель учения), были окружены почитанием и поклонением. Им приписывались магические силы: умение летать по воздуху, передвигать с помощью мысли предметы, делать золото, вызывать привидения, исцелять болезни, изменять погоду, вселяться в тела других существ, отыскивать клады. На практике они были учителями и врачами и в обществе выполняли разнообразные функции.

1.2. Литературные памятники буддизма

Письменных источников эпохи зарождения буддизма не сохранилось. Первые памятники – «Надписи царя Ашоки» (III в. до н. э.) – относятся ко времени, когда буддизм представлял собой уже сложившуюся религию. Ранняя история буддизма известна благодаря преданиям, записанным в разное время, но значительно позднее, чем жил Будда.

Сборник религиозно-канонической литературы «*Типитака*» (в буквальном переводе: «Три корзины») на языке пали – единственный полностью дошедший до нас литературный свод, воспроизводящий подлинное слово Будды. Версии на других языках сохранились во фрагментах. «*Типитака*» была зафиксирована письменно в I в. до н. э. за пределами Индии (на Шри-Ланке), куда ее привезли миссионеры.

Книга включает произведения различного содержания, не исчерпывающегося только религиозной тематикой, и состоит из трех частей. Первая часть – «*Виная-питака*» – представляет собой сборник древних канонических правил существования буддийских общин, своеобразные морально-этические нормы жизни для монахов и мирян. Вторая часть – «*Сутта-питака*» (в буквальном переводе: «Корзина поучений») – включает поучения и беседы Будды. Проповеди его нередко именуют сутрами. В нее входят памятники художественной литературы на языке пали – «*джатаки*», повести о прошлых рождениях Будды, истории его жизни и перевоплощений, а также рассказы о деяниях *бодхисаттв*. Третья часть свода – «*Абидхарма-питака*» – это метафизические рассуждения.

В Тибете, куда буддизм проник позднее из Северной Индии, к «трем корзинам» добавились местные легенды и предания. Все вместе взятое составило два сборника: «Танджура» и «Канджура», – написанные на санскрите.

Более поздняя буддийская литература на санскрите, китайском, тибетском, кхмерском и японском языках – канонических языках буддизма – имеет свои региональные особенности. Она гораздо обширнее, но историческая ценность ее значительно меньше.

1.3. Раскол в буддизме.

Хронология распространения буддизма

История раннего буддизма изучена слабо. Ее можно проследить через собрания (съезды) монахов – *сангити*, – на которых учение восстанавливалось по памяти и очищалось от всевозможных наслоений. После смерти Будды 500 его учеников собрались на первом сангити (в буквальном переводе: «декламация по памяти»). В ходе него они восстановили подробности из жизни Учителя, утвердили своды его высказываний («Сутта-питака»), куда вошло более 80 тыс. приписываемых ему речей, и дисциплинарных правил («Виная-питака»). Все монахи, за исключением одного, по имени Пурана, признали истинность сводов.

В IV в. до н. э. на втором сангити в городе Вайшали (Индия) произошел раскол общины верующих. Ортодоксальные монахи объединились в секту *тхеравада*. Они утверждали, что знание учения Будды и есть просветление. Их противники, последователи Пураны, образовали группу *махасангхиков*. Истиной они считали познание божественной природы буддизма. Буддийские исследователи объясняли причины раскола не только различиями во взглядах на сущность учения, но и разными подходами к тому, на каком языке проповедовал Будда.

При третьем царе из династии Маурьев – Ашоке – на третьем сангити в городе Паталипутре (Индия) в 253 г. до н. э. были унифицированы основы учения тхеравады. Ашока объявил себя его покровителем и стал упасакой, а период его правления (268–231 гг. до н. э.) вошел в историю как «золотой век» буддизма. Повсюду в Индии начали строиться монастыри; монашеская община стала богатеть; те, кто отказался следовать идеям тхеравады, были изгнаны из сангхи как отступники. Так произошло выделение двух направлений в буддизме. Последователи тхеравады, «школы старой мудрости», проживают в настоящее время в Шри-Ланке, Мьянме, Таиланде, Лаосе, Камбодже. *Сарвастивада*, отделившаяся от тхеравады на третьем сангити, распространилась в Индии, Непале, Китае, Японии, Юго-Восточной и Средней Азии и Тибете.

На их основе оформились и два направления в изучении буддизма и его традиций: *хинаяна* («малая колесница», «узкий путь спасения») и *махаяна* («большая колесница», «широкий путь спасения»). Странники первого придерживались установок первоначального буддизма, настаивали на строгом соблюдении устава, на изучении природы дхармы. Они считали возможным достижение нирваны этическим путем в процессе самосовершенствования, однако подчеркивали, что он крайне сложен и доступен только монашеству. Последователи махаяны разработали теорию божественной субстанции и слепой веры в ее созидательные способности. Согласно их взглядам, космическое тело Будды могло принимать различные формы ради спасения живых существ от страдания и разъяснения его учения всем, кто вступил на путь сансары. Махаяна распространила возможности достижения нирваны на всех мирян и дала человеку надежду на спасение.

Основателем махаяны считается буддийский богослов Нагарджуна, ученый-монах Бихарского монастыря, живший в I в. до н. э. По преданию, его появление на свет было предсказано Буддой. С именем Нагарджуны связано оформление культа создателя буддизма: Сиддхартха Гаутама Шакьямуни превратился в бога.

В I в. от махаяны отделилась *ваджраяна* («алмазная колесница», *тантризм*). В переводе с санскрита слово «*мантра*» обозначает «тайное зрение». Последователи учения уделяли особое внимание ритуальному действию, жестам, речи, использованию *мантр*, магических формул и заклинаний, вхождению в транс. Однако, несмотря на появление третьего направления в буддийской мысли, дальнейшая ее история развивалась в противоборстве между сторонниками хинаяны и махаяны.

Выйдя за пределы Индии, в I в. до н. э. буддизм утвердился в Шри-Ланке, в первых веках н. э. – в Кушанской империи, в Средней, Передней и Центральной Азии, в I в. – в Китае, в IV в. – в Корее, в VI в. – в Японии, в VII в. – в Тибете, в XIII–XVI вв. – в Монголии, в XVII – XVIII вв. – в Бурятии и Туве.

1.4. Пантеон буддизма

Пантеон буддизма сложился в первых веках н. э. Высшим, мудрым и милосердным божеством стал Будда – создатель учения. Наряду с ним почитались еще 999 будд, в миру достигших просветления. В их числе Майтрейя (будда будущего, грядущего мирового порядка); Ваджрапани (последний, тысячный будда, борец с заблуждениями и тупостью), Адибудда (творец мира), Манджушри (символ мудрости), Тара (будда милосердия), Вайрочана (будда Центра), Акшобья (будда Востока), Ратнасамбхава (будда Юга), Амитабха (будда Запада, владыка рая), Амогасиддхи (будда Севера) и другие. Всего, согласно буддийской традиции, должно появиться на свет 1008 будд. Однако время появления последних восьми еще не наступило.

Предметом культа в буддизме являются и *бодхисаттвы* – существа, достигшие совершенства и заслужившие переход в *нирвану*, но добровольно оставшиеся в миру, чтобы спасти другие существа. Они стали воплощением щедрости, мудрости, нравственности, терпеливости, мужественности – лучших человеческих качеств.

Пантеон буддизма пополнился за счет появления святых – *архатов* (героев-мучеников). В хинаяне их число достигло 16, в махаяне – 18. Наряду с ними почитаются пратьекабудды (в буквальном переводе – «будды для самих себя»), достигшие нирваны и избавившие себя от страданий. В ваджраяне объектом поклонения являются также *идамы*, божества-охранители, имеющие мирный, полугневный и гневный облик.

1.5. Философия буддизма

Учение Будды изложено в сутрах (проповедях). Первая – бенаресская – сутра, приводящая в движение «колесо жизни», посвящена истине. «Есть две крайности, которых следует избегать. Это потворство чувственным наслаждениям, низкое, вульгарное... и бесполезное стремление и склонность к чрезмерному аскетизму». Срединный путь способствовал, по мнению Будды, истинному видению и знанию, вел к миру, высшей мудрости, просветлению и нирване.

Во второй сутре были изложены взгляды Будды на человеческое тело и душу. Он считал, что тело (рупа) не имеет души (если бы существовала душа, тело не было бы грешным – бранным; иначе существовали бы возможности создать тело по усмотрению души).

Третья сутра – «Закон зависимого происхождения» – посвящена движению «колеса жизни» – сансары. По мнению Будды, оно было приведено в движение неведением. Из-за неведения возникли моральные и аморальные действия человека, в результате сформировалось обыденное, ориентированное на традиционные ценности сознание. Оно выделило в окружающем мире категории формы, которые стали объектами восприятия с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса и мышления. В процессе взаимодействия возникли желания, превратившиеся в источник жажды вечного существования и нового рождения. Однако следствием рождения и неизбежным итогом жизни являлись старость и смерть. Иными словами, живое существо обречено на вечный круговорот жизни до тех пор, пока не обратится к истинам буддизма, не познает четырех истин и не достигнет просветления.

В «Лотосовой сутре» было дано представление о десяти уровнях существования: 1) ад; 2) голод (уровень духов); 3) животное состояние; 4) гнев (уровень демонов); 5) гуманность, спокойствие (уровень человека); 6) экстаз (небесный уровень); 7) стремление к самоусовершенствованию; 8) стремление познать истину и реализовать ее (уровень созидания тела радости); 9) уровень бодхисаттв (обретение тела дхармы); 10) высший уровень (обретение самосуществующего тела будды). Каждое живое существо, по мнению Будды, могло обрести просветление. Путь к нему лежал через уход от реального мира и приобщение к миру высшей реальности и абсолютного постоянства посредством обретения нирваны.

Круговорот жизни человека (общества, Вселенной) начинался с невежества (рождения) и завершался озарением (смертью). Этот процесс ученые – последователи буддизма – объясняли волнением *дхарм, частиц мироздания, составляющих основу всех вещей и явлений, первоэлементов как материального, так*

и духовного мира. По своей природе они пассивны, однако под воздействие определенных видов энергии могут возбуждаться и тогда становятся источником различных превращений, имеющих место в живой и неживой природе, обществе, Вселенной. В возбужденном состоянии дхармы постоянно движутся и изменяются. Обретая покой, они исчезают, гаснут, как пламя свечи. Именно поведение дхарм и придавало многим явлениям характер изменчивости, неустойчивости, иллюзорности и нереальности.

Буддизм отрицает реальность феноменального мира – среды, где живет человек. В ней все представляет собой различные и постоянно меняющиеся комбинации дхарм, которые нельзя считать однородными. Сторонники махаяны выделили 5 типов дхарм в зависимости от типов бытия: 1) дхарма формы – рупа – являлась основой физических конструкций; 2) дхарма мысли – чита и 3) дхарма сознания – чайтасика – контролировали изменения в интеллектуальной деятельности человека и общества; 4) конструкции дхарм, не связанные ни с физическими, ни с умственными характеристиками, своеобразные импульсы и, наконец, 5) дхармы просветления.

Согласно представлениям о дхарме, вопрос о том, куда делся Будда после смерти и выхода из «колеса жизни» (после обретения бессмертия), был решен путем разработки концепции дхармакам (космического тела Будды, возникшего в результате просветления). Сам же процесс озарения или просветления рассматривался в виде шести совершенств, в число которых входили милосердие (дана), моральные совершенства (сила), настойчивость (кшанти), энергия (вирья), медитация (самадхи), мудрость (праджня).

Достичь высокого сакрального статуса просветления – стать буддой и погрузиться в состояние нирваны – могли немногие. Прежде всего это было доступно монахам, избравшим «узкий путь» спасения, соблюдавшим основные нормы буддийской этики (пять основных и множество различных обетов и запретов) и отрешившимся от обыденной жизни. Однако махаяна предоставляла такую возможность всем последователям буддизма, живущим в миру и придерживающимся его моральных правил и норм.

1.6. Этика буддизма

Смысл строгого соблюдения этических рекомендаций заключался в законе *кармы*. Ее рассматривали как сумму добродетелей и пороков индивида не только в нынешней жизни, но и на протяжении прежних рождений. Именно она определяла итоговую готовность (или неготовность) к достижению нирваны. Под кармой понимались сознательные моральные (кусала) и аморальные (акусала) действия, дающие возможность человеку совершенствоваться, наращивать добродетели.

Каждое живое существо имеет карму, которая есть его ответственность и наследство, его спасение и убежище. Именно карма, по мнению адептов буддизма, приводит живые существа в низкие и высокие состояния. Нередко карму сравнивают с рекой, жизнь которой поддерживается множеством ручейков и небольших речек (желаний). Они несут чистые воды (добрые дела) и различные нечистоты (плохие поступки). В зависимости от того, что окажется преобладающим, находится судьба реки: сохранит ли она свою полноту и чистоту своих вод, превратится ли в чистый водоем или зловонный ручей, отдаст ли энергию озеру или морю или пересохнет.

Аналогичным образом складывается и карма. Она может быть позитивной, если образуется в совокупности добродетельных поступков, или негативной, созидательной и разрушительной. Она присуща семье, роду, этносу, обществу, государству. В ходе истории одни индивиды наращивали позитивную, другие – негативную карму, а в итоге пожинали то, что посеяли.

Закон кармы сыграл огромную роль в укреплении этического стандарта мирян. Каждый член общества начал сознавать, что в своей земной жизни он должен заложить фундамент для достойного существования будущих поколений, накапливать добродетели, чтобы обеспечить в дальнейшем себе и своим потомкам возможность обретения незамутненного сознания, дающего право на просветление и переход в нирвану. Следовало вырабатывать такие формы сознания и поведения, чтобы наращивать позитивную карму, и стремиться, чтобы негативная ослабевала. Необходимо было соблюдать принцип ахимсы (ненасилия) – непричинения зла

и даже непротивления злу насилием. Нужно было культивировать в себе терпимость во всем, любовь ко всему живому. Нельзя было нанести урон растениям, убить насекомое. Следовало соблюдать множество заповедей. В их числе следующие:

- 1) ненависть побеждают любовью, а не ненавистью;
- 2) не сотвори себе кумира;
- 3) побеждай гнев любовью;
- 4) побеждай зло добром;
- 5) не причиняй другому того, что неприятно тебе;
- 6) смотри дружелюбно на злого и доброго;
- 7) царь почитается в своих владениях, одаренный человек – повсюду.

Считалось, что добрые и злые дела человека (общества, семьи) следуют за ним как тени. Свообразным образцом поведения последователя буддизма можно считать пример, приведенный в легенде о Пурне.

Красивый и мечтательный юноша по имени Пурна решил посвятить себя служению религии. Он попросил Будду изложить ему учение. Учитель выполнил просьбу и направил способного ученика в страну Шропапараптака, где жили люди, известные своей жестокостью.

Накануне отъезда Будда призвал Пурну к себе и спросил: «Что ты подумаешь, когда они воспылают гневом и оскорбят тебя?». Пурна ответил: «Я подумаю, что они добры и кротки, ибо могли побить меня руками и камнями». Будда продолжил: «Они вспльчивы и могут побить тебя руками и камнями, как ты поступишь?». Пурна ответил: «Я скажу, что они добры и кротки, так как могли побить меня палкой или мечом». Будда спросил: «А если они нападут на тебя с палками и мечом?» На это Пурна заметил: «Я подумаю, что они добры и кротки, ведь они могли лишить меня жизни». Будда спросил: «А если они лишат тебя жизни?». Пурна сказал: «Я подумаю, умирая, что они были добры и кротки, и освободили меня от нечистого, брэнного тела». Будда получил удовлетворение от ответов ученика.

Провожая его в путь, он сказал: «Ты хороший ученик, Пурна, иди, а достигнув другого берега, освобождай и утешай». Когда

Пурну пытались убить, он скинул свои одежды и смело шагнул навстречу смерти.

Конечной целью последователей буддизма стало избавление от страданий и переход в нирвану. По словам Будды, «это исчезновение мучений, так что не остается никакой страсти; это отказ, освобождение, избавление, отречение, наконец, от снедающей жажды». В буквальном переводе на русский язык слово «*нирвана*» обозначает «*затухание*», «*остывание*». Буддийские ученые рассматривают ее как состояние полного блаженства, которого можно достигнуть, только избавившись от страданий, желаний и страстей. По ощущению оно похоже на то, что испытывает здоровый человек с нормальной температурой тела, погрузившись в воду с аналогичной температурой при той же температуре воздуха, абсолютно расслабившись. В таком состоянии обычно исчезает представление о времени и пространстве, о собственном «я», о родных и близких и нет ни сил, ни возможностей описать свои ощущения от восприятия окружающей действительности. С одной стороны, по мнению исследователей, это полное уничтожение, небытие. С другой, нирвана есть прекращение доступного познанию бытия и переход в иное – непознаваемое.

В оценке того, можно ли достичь нирваны при жизни, нет единого мнения. Адепты буддизма всегда признавали возможность достижения нирваны после смерти – избавившись от бренного тела; позднее возникло представление о том, что она достижима и при земном существовании. Практически все ученые сходились во мнении, что по мере достижения нирваны прекращается цепь перерождений, именуемая сансарой.

Путь к нирване считался многоступенчатым и вел от внезапного просветления, прозрения, озарения, «вхождения в поток, ведущий к нирване», через последнее возвращение в этот мир перед ее достижением и невозвращение к окончательному ее обретению после смерти.

Со временем идеал нирваны отодвинулся на второй план. В махаяне сложилось представление о так называемых «транзитных пунктах» между земным существованием и нирваной, рожденных воображением. Такова, например, земля будды Амитаб-

хи, где царит мир и гармония, где светит солнце и цветут сады, а с небес льется тихая музыка. Населяют ее бодхисаттвы. В границах земли Амитабхи человек освобождается от дальнейших перерождений.

Обрести внутреннюю гармонию и приблизиться к нирване можно также в процессе медитации – в ходе самоуглубления и созерцания религиозных объектов, сопровождающихся комплексом физических и дыхательных упражнений, способствующих достижению транса или экстаза. Однако обрести тело будды можно только в определенном месте. Буддийская космология сложна и исходит из существования большого количества миров, каждый из которых представляет собой плоский диск земли, лежащий в океане, который, в свою очередь, покоится в воздухе, в пространстве Космоса (акаша). В центре мира находится гора Меру, опоясанная кольцевыми хребтами, за ними – четыре континента. Главным из них считается Джамбудвипа, обычно ассоциируемый с полуостровом Индостан: только на его территории и рождаются будды.

Миры также рождаются и умирают. Они не вечны и существуют на протяжении махакальпы, которая включает четыре кальпы. Их комбинации складываются в махакальпах по-разному. Бывают пустые кальпы, в течение которых не рождается ни одного будды. В ходе нынешней кальпы в мире, согласно традиции, должно появиться на свет 1008 будд.

1.7. Буддизм в Китае

Второй родиной буддизма считается Китай, куда он проник из Индии в I–II вв. Процесс распространения учения в Китае оказался сложным и длительным. Как отмечал академик В. М. Алексеев, Китай был «страной интенсивной культуры, которая не оставляла ни одного явления жизни в первоначальной форме»². Буддизм тоже подвергся китаизации. Первые буддийские общины воспринимались жителями как секты даосизма. В IV в. ученые-монахи пытались доказать, что Будда есть воплощение Дао. Конфуцианские мыслители стремились дополнить нормы

² Алексеев В. М. Китайская народная картина. М., 1966. С. 107.

сяо (сыновней почтительности) за счет элементов буддийской этики. Таким образом, на основе синтеза идей и представлений, господствовавших в буддизме, даосизме и конфуцианстве, на ДВ сложилось весьма своеобразное религиозно-философское учение, именуемое в Китае «чань», а в Японии – *дзэн-буддизмом*.

Чань возник в Китае на рубеже V–VI вв. Название «чань» произошло от слова *дхиана* (в буквальном переводе с санскрита – «сосредоточение, медитация»). Последователи школы требовали от всех, кто признавал их идеи, отрешения от внешнего мира, погружения в себя, концентрации мыслей и чувств на каком-то одном предмете (идее), сосредоточения и погружения в суть вещей и явлений. Целью дхианы было достижение транса в процессе медитации. Считалось, что в состоянии отрешенности от окружающего и погружения в себя человек может обрести прозрение, подобно Будде, когда он, будучи простым смертным, познал четыре истины под деревом Бодхи.

Понятие «чань» последователи школы толковали по-разному. Одни рассматривали его как олицетворение близости и духовного родства, другие – как любовь к миру, третьи – как уход из земной жизни, самоуглубление, избавление от страданий, четвертые – как озарение, проникновение в сущность буддийских сутр. Различия в его трактовке связаны с тем, что само учение сложилось в результате трансформации концепции махаяны на китайской почве, в процессе слияния с идеями даосизма и конфуцианства. Отдельные положения учения чань были заимствованы из «Книги перемен» («И-Цзин»), из книги Конфуция «Суждения и беседы» («Лун-Юй»), из «Книги о Дао и Дэ» («Дао Дэ Цзин») и текстов буддийского канона.

Сутры были переведены на китайский язык монахом Даоанем, позднее дополнены идеями Сэн-чжао (384–414 гг.). Ученик Сэн-чжао Дао-шэн привнес в учение мысль о возможности мгновенного постижения истины – озарения. Позднее Дайдзэцу Судзуки отождествил ее с началом «революции в индийском буддизме», а само учение чань (в Японии дзэн) стал рассматривать как синтез китайского прагматизма и индийской метафизики.

История возникновения школы чань связана с деятельностью Бодхидхармы – двадцать восьмого буддийского патриарха Индии, который переселился в Китай и стал первым патриархом новой школы буддизма. Он привнес в учение ряд совершенно оригинальных идей и ритуал, нередко именуемый в исследовательской литературе антиритуалом. Отвергнув существовавший в буддизме ритуал как форму общения с Буддой, Бодхидхарма ввел в религиозную практику интимную чайную церемонию, которая распространилась в Китае, а позднее в Японии. «Дух чань подобен вкусу чая!» – утверждал Бодхидхарма.

Бодхидхарма рассматривал практику буддизма как медитацию при максимальном сосредоточении, лишенном зримых образов, – «цзочань бигуань» (в буквальном переводе с китайского: «сосредоточенно сидеть, уставившись в стену»). Сам Бодхидхарма провел девять лет в пещерном монастыре Китая, созерцая стену, и в поисках «невообразимого» и «невыразимого» пережил сатори. Ему открылось, что можно познать истину быстрым путем, «ткнув ум в истину». Согласно легенде, однажды он уснул, а проснувшись, вырвал себе ресницы; там, куда он их бросил, вырос чайный куст. Чай стал культивироваться как сельскохозяйственная культура и как напиток, снимающий сонливость и усталость.

С именем второго патриарха школы чань – Хой-кэ (487–593 гг.) связано возникновение обряда «вэнь-да» («вопроса – ответа»), составившего основу диалога наставников с учениками и решения парадоксальных задач. Третий патриарх – Сэн-цан (умер в 606 г.) – ввел категорию тождества субъекта и объекта, заложив базу для создания чаньской эстетики. Четвертый – Дао-синь (589–651 гг.) – разработал специальную систему тренировки тела и духа, целью которой стала подготовка человека к состоянию озарения (самадхи) – специфическому физическому состоянию, обеспечивающему вхождение в своеобразный духовный транс.

После смерти пятого патриарха – Хун-жэня (602–675 гг.) – в китайском буддизме произошел раскол. На юге учение чань стал проповедовать неграмотный дровосек Хой-нэн (637–713 гг.), провозглашенный тридцать третьим буддийским, шестым чаньским и первым патриархом южной ветви школы чань. Благодаря

ему она из малоизвестной школы превратилась в оригинальную философско-этическую концепцию, ставшую источником новых традиций в поэзии и живописи Китая, а в Японии трансформировалась в школу дзэн.

1.8. Этика и эстетика чань (дзэн)

Учение чань способствовало возникновению весьма специфической этики. У ее истоков стоял наставник Хуан-бо (IX в.). Согласно его представлениям, существовало три ступени этического поведения. На низшей люди следовали предписаниям в надежде на вознаграждение. На второй – выполняли их безо всякого расчета на выгоду. На третьей – высшей – ступени необходимо было машинально выполнять предписания, не раздумывая о моральности или аморальности своего поведения. Моральным считалось все, что вело к просветлению и познанию истины. В одной из проповедей Хуан-бо провозгласил: «Если на пути к просветлению ты встретишь какое-либо препятствие – уничтожь его, если встретишь Будду – убей Будду; встретишь патриарха – убей патриарха».

Собственных монастырей у последователей школы чань не было. Они жили преимущественно в монастырях школы люй, особо почитавшей кодекс «Виная-питаки». Поэтому в чань-буддизме сложилось особое почтение к различного рода заповедям, в том числе бытовым. Кодекс полностью регламентировал жизнь монахов, вплоть до того, что и как есть, как и какую утварь использовать во время трапезы, как использовать полотенце, в каком положении спать, с какой ноги подниматься с постели и т. д.

Трепетным было отношение последователей школы к труду. Примером тому является история о том, как у одного престарелого настоятеля школы чань ученики спрятали мотыгу, которой он работал, чтобы дать возможность старику отдохнуть. Однако тот заявил: «Кто не работает, тот не ест», – и отказывался от пищи, пока ученики не вернули ему инструмент.

Целью школы чань было пробуждение в человеке его первоначальной природы. Большое внимание уделялось процессу общения к окружающему миру, созерцанию и любованию озером

и садом, цветущим растением и тянущимся к солнцу бамбуком, грациозной позой животного, плывущими по небу облаками. Человеку следовало ощутить себя частью природы, а образ Будды рассматривался как «три меры льна», «кипарис во дворе» или «цветущая изгородь».

На основе слияния субъекта и объекта в учении чань сложилась специфическая эстетика. Ее важнейшими принципами стали, во-первых, *стирание граней между созданием произведения искусства и восприятием эстетического начала в природе, равенство мастера и материала*, с которым он работает, а нередко даже пассивная роль создателя перед активностью воздействия самой природы; во-вторых, *равенство творческой активности творящего и воспринимающего искусство*, поскольку в творческом процессе, согласно традиции чань, самое важное – увидеть, создать образ в своем сердце (синь), а запечатлеть его – дело второстепенное. Процесс восприятия поэзии, живописи и других видов искусства следовало рассматривать как сотворчество.

Традиции искусства чань были заложены величайшим художником, поэтом, музыкантом, теоретиком искусства Ван Вэем (Ван Моцзе), автором знаменитого трактата «Тайны живописи». В переводе академика В. М. Алексеева он начинается словами: «Средь путей живописца тушь простая выше всего». И далее: «Когда рука пришла к кистям и туши, бывает, что она блуждает и играет в забытии... А годы, луны вдаль идут и в вечность – и кисть пойдет искать неуловимых тайн. Таинственно прекрасное прозреть... Кто смотрит на картину, тот стремится видеть прежде всего дух».

Стихи Ван Вэя, написанные простой тушью, монохромом, признавались живописными; а его пейзажи – наполненными поэзией. Гармония поэзии и живописи, вербального и визуального, благодаря ему, стала важнейшим эстетическим принципом чань.

О жизни Ван Вэя известно немного. Он прожил всего шестьдесят лет. По одним сведениям, он родился в 701 и умер в 761 г., по другим – время его жизни приходится на период 699–759 гг. Родился Ван Вэй в провинции Шаньси в семье чиновника. Стихи начал писать рано, в двадцать лет получил высшую ученую степень (цзиньши) и пост музыкального распорядителя при дво-

ре императора. Карьера его прервалась: он был уволен, сослан в Восточный Китай, где служил чиновником, – и только спустя десять лет смог вернуться в столицу.

Предпринятое им путешествие по стране дало импульс творческой активности. Ван Вэй обрел известность как поэт, музыкант, каллиграф и художник. Некоторые его стихи стали песнями. Знать приглашала поэта в свои дома. Но к этому времени он овдовел, в нем возобладали мысли об уходе от суеты мира, об отшельническом уединении на лоне «гор и вод».

С каждым днем все слабей
Любовь и привычка к родне.
С каждым днем все сильней
Стремленье к покою во мне.
Немного еще –
И в дорогу пуститься готов.
Неужель дожидаться
Прихода вечерних годов?

Ван Вэй поселился в живописной местности в маленьком домике на реке Ванчуань. Жил он один, временами его навещали друзья-поэты. И хотя на исходе жизни он достиг высокого положения при императорском дворе, получив должность замминистра, как истинный последователь буддизма, более всего он ценил минуты общения с природой, главным источником его вдохновения.

Дождь моросит
На хмурой заре.
Вяло забрезжил
День на дворе.
Вижу лишайник
На старой стене:
Хочет вползти
На платье ко мне.

Ван Вэй воспевал дружбу и отшельничество, тоску одинокой женщины и героическое прошлое Поднебесной, мирные бдения монахов, праздность чиновников, старость и природу: горы и воды, сады и поля.

Судя по отзывам современников и немногим сохранившимся копиям с его картин, Ван Вэй был талантливым художником. В одном из поздних стихотворений он сам то ли в шутку, то ли всерьез говорит, что в прошлой жизни был, скорее всего, художником. С именем Ван Вэя связано возникновение жанра пейзажа в живописи – шаньшуй (в буквальном переводе: «горы и воды»). Считалось, что изображения гор, полей, лесов, садов обладали способностью уводить человека от суеты бренного мира, перенося его в другой – чистый мир покоя и блаженства. Поэтому пейзажная живопись высоко ценилась интеллектуальной и духовной элитой.

По выражению известного живописца XI в. Го Си, горы – «кости Неба и Земли», олицетворение мужского начала (ян) в природе. Они «мертвы без воды», воплощавшей женское начало (инь). Вода в произведениях могла выступать в виде облака, тумана или озера. Водопад обозначал встречу Неба и Земли. Соединенные в композиции горы и воды выражали идею космической мощи природы. Испытавшие на себе влияние школы чань художники подчеркивали интимность общения с природой, исполненной тишины и покоя, находящейся в согласии с человеком. Их произведения являлись незавершенными и полными недомолвок, намеков, дающих возможность индивидуального осмысления увиденного, рождения ассоциации, создания собственного аналогичного образа.

Тушь давала возможность выражения недосказанности. Особенностью пейзажа стала подчеркнутая воздушность пространства, расплывчатость форм, мягкость очертаний. Работа кистью придавала рисунку плавность и выразительность, формируя стиль сей (в буквальном переводе: «писать идею»), тесно связанный с искусством каллиграфии, так как созданный живописцем образ сопровождался стихотворным текстом. Стихи заполняли в пространстве картины пустоты. Их параллельному существованию в рамках одного произведения уделялось немало внимания.

Каллиграфия – своеобразный вид графического искусства, «цветок души человеческой», «музыка для глаза». По почерку китайцы многое могли узнать о художнике. «Штрих выдает злодея» – гласит китайская поговорка.

В каллиграфии нашли отражение философско-эстетические принципы буддизма, даосизма и конфуцианства. Умение каллиграфически писать иероглифы рассматривалось как признак высшей конфуцианской учености. В одном из классических трактатов говорится, что «скрытая в кисти, затаившаяся в ее кончике сила (энергия ян и инь) находит завершение в иероглифе. Вложенная в кисть энергия – сила – отливается в изящное, красивое». Таким образом, искусство каллиграфии является воплощением высшей гармонии и в лоне буддистской традиции считалось первым среди художеств. Реализуется оно с помощью традиционных письменных принадлежностей, именуемых в Китае «четырьмя сокровищами кабинета»: кисти, туши, бумаги и тушечницы.

Кисть – первая из «четырёх драгоценностей» – орудие художников и каллиграфов. Ее графические возможности широки: кистью можно писать слева направо и справа налево в двухмерной плоскости, с нажимом и без него. Линии, проводимые с ее помощью, могут быть разной толщины и интенсивности. Делают кисти из козьей шерсти, «волчьего волоса» (на самом деле их делают из колонка) и «фиолетового волоса» (шерсти кролика).

Вторая «драгоценность» – тушь – должна быть твердой и черной. Ее отличает гладкая и ровная текстура.

Тушечницы («третья драгоценность») – обычно делают из камня. На тушечницах было принято гравировать имя. Художники и каллиграфы особенно ценят старинные тушечницы, доставшиеся им по наследству от предшествующих поколений (от отцов, дедов, прадедов).

Бумага, изобретенная в Китае, особенно ценится, если она произведена вручную и отличается мягкостью, гибкостью, хорошо абсорбирует воду и тушь, отвечая требованиям каллиграфов и живописцев.

Произведениями каллиграфии в Китае украшали и украшают помещения: залы, гостиные, кабинеты. Каллиграфия всегда считалась искусством, способствующим физическому, эмоциональному, интеллектуальному и духовному развитию человека, помогала выработать такие качества, как терпение и настойчивость.

Японцы заимствовали иероглифику из Китая в VI в. Культ линии, стремление к стилистической четкости, высокая графическая культура (от изысканной простоты традиционного интерьера до оригами – искусства складывания из бумаги различных фигур) имеют непосредственную связь с иероглифами и слоговой азбукой кана, созданной в эпоху Хэйян и состоящей из двух модификаций. Катакана отличается угловатостью, заостренностью и является воплощением мужского начала, хирагана со свойственной ей мягкостью и округленностью – женского начала.

Медитацией в традициях чань (дзэн)-буддизма считался как процесс письма тушью, так и созерцание произведения. Движение руки с кистью, напоенной тушью, напоминает ритуальный танец, подвластный внутренней творческой концентрации мастера, способного создавать на белом листе ритмичную гармонию черных линий, штрихов, точек, передающую полифонию человеческих мыслей, настроений, чувств. Созерцание произведений искусства также является способом медитации посредством обращения к высшему смыслу буддизма.

В Киото в монастыре Дайтокудзи ежегодно в середине октября проводится своеобразный ритуал проветривания раритетов. Процедура не только имеет чисто практическое значение предохранения святынь от сырости и насекомых, но и дает возможность посетителям приобщиться к духовному и эстетическому богатству, накопленному в монастыре, что, по сути, близко любованию красотами природы. Буддистская истина гласит: «Если твои глаза видят, а уши слышат, ты, без сомнения, сохранишь в памяти, как естественно падают капли дождя с карниза крыши».

Д. Судзуки отмечал, что в Китае и Японии Будду и бодхисатв на полотнах стали изображать вместе с животными и растениями. Прежде они изображались как высшие существа, но благодаря гению монахов сошли со своего трансцендентального пьедестала, чтобы смешаться с простыми смертными, животными, растениями, скалами, камнями, землей и водой. Их изображения утратили отчужденность, стали проще и понятнее людям.

Одна из самых знаменитых картин – шедевров буддистской иконописи – хранится в Тофукудзи, крупнейшем дзэнском мона-

стыре Киото. Она изображает момент перехода Будды в нирвану. Ее автор – монах Тё Дэнсу (1352–1431 гг.). Это одно из самых больших по размеру произведений подобного рода (его ширина составляет 39 футов, высота – 26 футов). Легенда гласит, что во время гражданской войны в Киото («войны всех против всех»), когда была уничтожена большая часть городских построек, дружина клана Хосокава использовала работу Тё Дэнсу в качестве походной ширмы для защиты от врага и от ветра.

Другая легенда, связанная с историей создания произведения, раскрывает специфику эстетики дзэн. Когда художник писал картину, к нему повадилась ходить кошка. Она садилась рядом с художником и внимательно смотрела, как продвигается работа. Однажды художнику понадобилась ультрамариновая минеральная краска и он в шутку сказал кошке: «Если принесешь мне нужную краску, я тебя нарисую», хотя кошек никогда не изображали на картинах усения в числе животных, оплакивающих Будду. На следующий день кошка явилась с кусочком минерала в зубах, а потом отвела художника к месту, где можно было набрать ультрамарина. Радость и вдохновение снизошли на художника. Он сдержал слово, нарисовав кошку.

Подобного рода сюжетов в буддистской литературе множество. Их поучительность особого рода. Она обращена к человеку, чтобы пробудить в нем любовь и уважение ко всему земному и вечному: к природе, к людям, к самому себе.

1.9. Буддизм и японская поэзия

Эстетизация буддийских доктрин особенно характерна для традиционной японской поэзии. Стихосложение являлось одним из главных занятий монахов и развивалось на базе монастырей. Темы произведений были разнообразны: буддийские славословия и поэтические комментарии к коанам (логическим загадкам), эпитафии и дружеские послания, интерпретации истории и жизнеописания будд и бодхисаттв, надписи на веерах и картинах, поэзия чая, тема старости, дружбы, любви. Главной темой монахов было воспевание мира природы, ее красоты, мгновенной и вечной.

Стихи рождались в процессе бесед и медитаций и воспевали мимолетное впечатление, сиюминутный пейзаж. Как правило, это были экспромты и нередко – гениальные. Дзэнские поэты-философы считали, что каждый миг бытия насыщен радостью жизни, и ценность бытия, будь то тысячелетие или мгновение, измерялась их уникальностью и неповторимостью. По мнению Д. Судзуки, их идею лучше всего воплотил цветок вьюнка:

С каждой новой зарей
Пробуждается в пышном убранстве
К новой жизни цветок.
Кто сказал, что век его краток?
Ведь вьюнок не вянет так долго!

В одном из дзэнских трехстиший подчеркивалось:

Каждому свое:
Для сосны – тысячелетие,
Для вьюнка – лишь день.

Интерес и восхищение вызывал обычно один скромный цветок: лютик или пастушья сумка. Монахи руководствовались принципом, согласно которому «один цветок лучше, чем сто, передает свою душу». Они во всем искали душу, которую нередко отождествляли с красотой.

Играющий в потоке карп
Блеснул хрустальным бугорком
Спины.

Цветком божественным
На ветвь сухую абрикоса
Вспорхнула бабочка.

Даже лягушка, которую никак нельзя считать воплощением красоты и духовности, будоражила их воображение. Сидящая на листе бананового дерева или на цветке лотоса изумрудно-зеленая, трепещущая квакша (вака) могла стать источником вдохновения.

Одиноко лягушка
Качается под дождем
На листе банана.

Как испугался
В траве укрытой лягушки!
Сумрак вечерний.

Перу известного поэта Мацуо Басё (1644–1694 гг.) принадлежит следующее хайку (трехстишие из 17 слогов):

Старый пруд!
Лягушка прыгнула.
Всплеск воды...

Создание его связано с реальным эпизодом жизни поэта. Учитель спросил однажды: «Что Вы делали в эти дни?» «Как зелен мох после дождя», – заметил ученик. «Что же раньше – Будда или зелень мха?» – спросил наставник. «Слышали? Лягушка прыгнула в воду», – произнес Мацуо Басё. Так выглядит история создания одного из самых знаменитых хайку поэта в изложении Д. Судзуки.

Один из учеников Мацуо Басё – Кагами Сико – в 1692 г. поведал совсем иную версию. Однажды весной поэт наслаждался уединением в окрестностях Эдо. Чуть накрапывал дождик. Тихо ворковали голуби. Цветы сакуры лениво роняли лепестки под нежным дуновением ветерка. Часто слышались всплески – лягушки прыгали в воду. Учитель, очарованный окружающей красотой, написал вторую и третью строки: «Лягушка прыгнула. Всплеск воды». Кикаку, ученик Мацуо Басё, находившийся рядом, предложил для первой строчки фразу «желтые розы». Учитель решил, что больше подойдет «старый пруд».

Так, по мнению Д. Судзуки, «началась новая эра в хайку». До Мацуо Басё хокку (хайку) было игрой слов. Их писали по формуле: 7–5–5, 5–7–5 или 5–5–7 (5 и 7 – священные числа буддизма). Благодаря поэту стихосложение стало частью ритуала – медитацией. Он пытался передать свои впечатления от сердца к

сердцу ученикам, читателям, слушателям, потомкам: «Возвысь сердце! Переживи сатори, вернись в мир обыденный!». Каждый созданный им образ считался следствием озарения (сатори). Достичь его можно было, наблюдая за самыми обыденными вещами: пролетающей птицей и лениво ползущим крабом, цветущим вьюнком, лунным отражением, солнечным лучом, каплей дождя и даже за кипением воды в котелке.

Варят на ужин лапшу.
Как пылает под котелком огонь
В эту холодную ночь!

Пьет свой утренний чай
Настоятель в спокойствии важном.
Хризантемы в саду.

Точность воспроизведения образа давала возможность вместе с мастером приобщиться к тайне творчества, к моменту озарения, когда человеку удавалось соприкоснуться с Вечностью, Абсолютном и донести ощущение своей сопричастности до других. Смысл творчества Мацуо Басё видел в любви ко всему живому. Он говорил: «Нужно любить то, о чем пишешь». Свидетельством тому стала следующая история.

Однажды осенью он и Кикаку шли по рисовому полю. Увидев красную стрекозу (акатомбо), Кикаку сказал:

Оторви пару крыльев
У стрекозы –
И получится стручок перца.

«Нет, – сказал Мацуо Басё, – это не хайку. Ты убил стрекозу. Если ты хочешь создать хайку, нужно дать ей жизнь:

Добавь пару крыльев
К стручку перца –
И получится стрекоза».

Одним из выдающихся мастеров поэзии дзэн был скромный монах-отшельник Рёкан (1758–1831 гг.). Свою хижину он построил на севере острова Хонсю на берегу Японского моря. С точки зрения обывателей, он был чудаком, которому явно не хватало здравого смысла. Однако все любили и уважали его, считая воплощением кротости, любви и милосердия.

Однажды в уединенный приют отшельника забрался вор. Видя, что в доме взять нечего, грабитель огорчился. Это зрелище так тронуло сердце хозяина, что он снял с себя одежду и отдал ее вору. Схватив предложенное, непрощеный гость удалился. А вечером поэт-монах сложил следующее пятистишие:

Вору не удалось
Унести ночное светило –
И снова луна
Сквозь окошко струит сияние,
Так чиста, ясна и прозрачна.

Рёкан всем сердцем любил природу, животных, рыб, насекомых, восхищался красотой цветов и удивительными свойствами растений. Его хижина была окружена бамбуковой рощей. Он с удовольствием употреблял в пищу молодые побеги бамбука, вкусные и полезные, и боготворил это растение, так как в Японии оно считается символом мудрости и знания. С отношением Рёкана к бамбуку была связана еще одна притча.

Однажды росток бамбука пробился сквозь земляной пол жилища. Гостеприимный хозяин с интересом наблюдал за ним, когда ростку стало тесно в доме, он начал разбирать крышу, чтобы выпустить его на свободу. Отверстие в крыше Рёкан попытался сделать при помощи свечи. Сухая солома кровли вспыхнула, постройка вместе со злополучным побегом бамбука сгорела дотла. Самому хозяину едва удалось спастись, но это происшествие не изменило отношения Рёкана к жизни и природе. До конца своих дней он оставался романтиком и идеалистом и был верен идеям дзэн.

1.10. Притча и диалог в традиции дзэн

Мир чань (дзэн) нередко кажется не только своеобразным, но и странным; сложное и даже абстрактное в нем сводится иногда к обыденному, простому, житейскому; очевидные вещи предстают полными абсурда. Прежде всего это проявилось в искусстве притчи. По сути она всегда была ритуалом: человек задавал вопрос, заведомо зная о том, что однозначного ответа быть не может. Например, кто такой Будда или что есть чань (дзэн).

В Японии дзэн-буддизм превратился в одно из почитаемых религиозных направлений. В притче «Чашка чая» в весьма специфической традиционной форме дан ответ на вопрос, что есть дзэн.

Нан-ин, наставник, живший в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.), принимал у себя университетского профессора, который пришел расспросить его о дзэн. Нан-ин подал чай и, налив гостю полную чашку, постоянно продолжал пополнять ее. Профессор, наблюдая, как чай льется через край, воскликнул: «Она переполнена. Больше не войдет!». «Подобно чашке, – сказал Нан-ин, – ты полон собственных мнений и размышлений. Как я могу показать тебе дзэн, если ты сначала не опорожнишь свою чашку».

Учение дзэн мало чем отличается от чань. Главный акцент в нем сделан на любви к природе и окружающему миру. Дзэнские мыслители и наставники рассматривали природу как высшее божество, а человека – как часть природы. Они призывали относиться к природе уважительно, любить ее, не вредить ей, проповедовали, что «природа живет в нас, а мы – в природе», признавали единство окружающего мира.

Одним из основных принципов учения дзэн было недоверие к слову и тексту как форме передачи высшей истины (даже к записям канонических текстов монахи могли относиться «не иначе как к испорченной бумаге»). Причиной тому являлся сам японский язык, чуждый буддизму, признававшему лишь те из наречий, на которых проповедовал Будда. Даже пристрастие к японской поэзии изначально считалось греховным. Поэт Фудзивара Тайка (1162–1241 гг.) писал: «Стихи, которые я сочинил с детства до нынешних дней, когда я достиг преклонного возраста, могут наполнить собой целый ящик. Они составляют грехи

моих уст и не принесут мне пользы в последующем Рождении». Он последовал примеру Бо Цзюйи, который в 835 г. принес свои произведения в дар монастырю Дунлин со словами: «Пусть мои светские писания этой жизни с выпранными словами и цветистыми фразами в будущем послужат для вдохновения хвалебных гимнов, превозносящих учение Будды». Фудзивара Тайка создал 48 стихотворений, соответствовавших 48 обетам будды Амиды.

В дальнейшем, когда буддисты провозгласили, что совершенное искусство – это сам Будда, поэзия стала одним из наиболее распространенных видов творчества. Поэт-монах Сайге утверждал, что сочинить одно-единственное стихотворение – то же самое, что вырезать статую Будды. Через поэзию можно понять законы мироздания и избавиться от страданий. Однако формальная «греховность» японского языка способствовала распространению и утверждению в тесно связанных с буддизмом науке и искусстве неформальной логики, основанной на парадоксах и противоречиях.

Монахи отказались от традиционной ритуальности. Стремясь обрести внутреннюю свободу, они старались достичь просветления путем созерцания объектов природы («Если твои уши слышат, глаза видят, ты, без сомнения, сохранишь в памяти, как естественно падают капли дождя с карниза крыши», – говорил монах Мусо Кокуси (1276–1351 гг.), собравший большую коллекцию чаньской живописи) или путем размышления над парадоксальными загадками (коанами), смысл которых иногда трудно понять.

В качестве примера можно привести ставший хрестоматийным коан: «Удар двумя руками – хлопок, а что такое хлопок одной ладонью?». Лучшим ответом стала фраза: «Звучанье тишины».

Абсурдность подобных загадок была чисто внешней. Смысл их существования заключался в поиске ответа, нередко парадоксального, но четкого, конкретного, немногословного, на что уходили не только месяцы, но и годы. Так оттачивалось мастерство дзэнских наставников и учеников.

Большое внимание уделяли монахи эстетическим переживаниям, источником которых было не только создание и восприятие художественных произведений, но и любование и восхищение природой, ставшее основой дзэнского ритуала: простого,

естественного, скромного. «Повседневный образец есть правда», – говорили ученые монахи и способствовали включению в буддийский ритуал самых обычных дел, например чаепитий.

Практика дзэн с ее установками на самоограничение и самосовершенствование оказалась весьма плодотворной. Тренировка тела и духа способствовала физическому и духовному закаливанию, развивала творческий и интеллектуальный потенциал. Наставники обучали учеников умению мыслить и действовать, используя разные приемы (например, пощечины) и предметы (в ход шли посох, зеркало, четки, знамя, мяч, колокол, барабан, мотыга, лук, стрелы, меч), чтобы воспитать их честными, мужественными, милосердными, готовыми к совершению духовного подвига.

1.11. Искусство чая

Китайцы первыми открыли тайну и свойства чайного листа. Именно в Китае возник гунфу ча – особый ритуал настаивания и дегустации чая.

Чай – неотъемлемая часть повседневной и духовной жизни Китая. Одна из старинных пословиц гласит: «Переступив через порог своего дома, прежде всего позаботься о семи вещах: о топливе, рисе, масле, соли, соевом соусе, уксусе и чае».

В эпоху Тан монах Лу Юй собрал воедино крупицы знаний предшественников и современников и написал первый в мире сводный трактат о чае «Ча Цзин» («Книга о чае»). Книга способствовала популяризации искусства чаепития в регионе ДВ.

В Китае чай заваривают преимущественно в керамических чайниках. Лучшими считаются чайники из красной глины. Маленькие чайники (на одну – две чашечки), с точки зрения мастеров чая, полнее передают его аромат и вкус.

Чай – уникальный напиток, естественный биостимулятор. Он содержит комплекс витаминов, теинов, масел, соединения фтора и другие ценные вещества, улучшает зрение, помогает человеку сосредоточиться, оказывает мочегонное и очищающее действие, повышает общий тонус организма. В Китае верят, что употребление чая увеличивает продолжительность жизни.

Наиболее полно эстетика дзэн реализовалась в японской чайной церемонии. Ее истоки восходят к XII в. Чай завезли в Японию из Китая в VII в. В Китае его ценили как лекарственное растение, помогающее при усталости, болезни глаз, ревматизме, и как средство, скрашивающее времяпрепровождение. Однако такого культа чая, как в Японии, не сложилось ни в одной стране.

С чайной церемонией японцев познакомил дзэнский монах Эйсай (1141–1215 гг.). Вкус чая стал отождествляться со смыслом дзэн. По мнению многих, и то и другое очищало тело и душу. В конце XV в. монахи освоили технику чайного ритуала, в XVI в. она достигла совершенства.

Чайная церемония «тя-но-ю» (в буквальном переводе: «искусство чая») получила широкое распространение в Японии. В процессе ее проведения стала использоваться специальная посуда, отличавшаяся удивительной простотой.

Монах Сэн-но Рикю (1521–1591 гг.) придал чайной церемонии тот вид, который она сохранила до настоящего времени. Он ввел стиль *ваби* (красота бедности, суровая простота, шероховатость), уменьшил размеры чайной комнаты с шести до двух татами (1 татами равен 1,8 кв. м). Высота и ширина двери, ведущей в нее, составила 60 см. Чтобы войти в чайную комнату, следовало согнуться, в прямом и переносном смысле «оставив меч за порогом», отказаться от дурных помыслов.

Освещение в чайной комнате было приглушенным, в нише напротив входа устанавливали камень, цветок, карликовую сосну, а чаще всего какэмоно (картину кисти старого мастера или каллиграфически выписанный иероглиф) или композицию икебаны (искусства аранжировки растений), что настраивало входивших на особый лад. Ничто не могло нарушить естественной гармонии и изысканной, утонченной обстановки.

Основными правилами чайной церемонии стали: *ва* (гармония) – единение людей с природой и друг с другом; *кэй* (почтительность) – взаимоуважение и равноправие, стремление избежать конфликтов; *сэй* (чистота) – очищение в ходе соприкосновения с прекрасным; *дзюку* (спокойствие) – тишина. Когда ученики спросили у Рикю: «В чем секрет пути чая?», он ответил:

«Их семь. Приготовьте такой чай, чтобы гости получили удовольствие. Положите уголь таким образом, чтобы вода закипела быстро. Поставьте цветок так, чтобы он ожил. Летом должно быть прохладно, зимой тепло. Приходите немного раньше установленного времени. Приготовьте зонт, даже если нет дождя. Расположитесь сердцем к каждому из гостей». Эти семь принципов, наряду с четырьмя правилами, должны постоянно присутствовать в сердце того, кто следует пути чая.

Чайная церемония обычно проходит в специальном уединенном домике в саду, где царит спокойствие и тишина. Убранство сада создавало ощущение близости к природе. Выложенная крупными камнями дорожка, петляющая среди деревьев и кустарников, обычно ведет к бассейну с водой – цукубаи. В сумерках их освещает каменный фонарь – пристанище душ умерших.

В ходе церемонии используется не изысканный фарфор, а керамические чашки, которые нередко предварительно подвергаются процессу искусственного старения. Зимой чай подают в толстостенных чашках – они хорошо сохраняют тепло; летом употребляются более тонкие и легкие. Иногда чай подается в специальных чашках, предназначенных персонально для мужчин и для женщин.

Характер чайной церемонии зависит от времени года. Можно выделить два типа тя-но-ю: кой-тя (приготовление густого чая) и усу-тя (приготовление жидкого чая). Первый заваривают в большой керамической чашке, из которой каждый участник церемонии отпивает и передает ее соседу, жидкий чай – в небольших чашках для каждого гостя отдельно.

Гости, хозяин, чайная утварь всегда составляли единый организм, подчиненный общему ритму. В атмосфере тишины, покоя, сердечности и доброжелательности человек ощущал себя свободно, естественно, не был скован правилами этикета. Правила чайной церемонии гласят: «Настрой свое сердце в лад с другими сердцами», «никто не должен жить ради себя, не считаясь с другими».

Участники церемонии обычно одеты в однотонные шелковые кимоно с тремя или пятью фамильными гербами и белые таби (специальные носки, предназначенные для деревянной обуви – гэта). Каждый должен иметь при себе небольшой складной

веер. Гости, как правило пять человек, сначала в сопровождении хозяина проходят по дорожке родзи (в буквальном переводе: «земля росы») через сад к чайному домику. У бассейна с водой принято омыть руки и рот.

Чайный домик делится на три части: чайную комнату, комнату ожиданий и подсобное помещение. При входе в чайный дом (тясицу) гости должны оставлять обувь на специальном камне, затем следовало встать на колени и вежливо поклониться, выразить восхищение убранством чайной комнаты и находившимся в нише какэмоно. Участники церемонии рассаживались, приветствовали хозяина, который, в свою очередь, сделав глубокий поклон, усаживался напротив гостей у жаровни, где заранее устанавливался котелок с кипящей водой. Рядом на циновке находились все необходимые предметы – атрибуты чайной церемонии: чашка (самая драгоценная реликвия), коробочка с чаем, деревянная ложка, бамбуковый венчик для взбивания чая, керамические сосуды (чайники, чашки, пиалы) – все старинное, безукоризненно чистое.

Все стадии ритуала совершались в строгом порядке. Попробовав сладких угощений, гости направлялись в сад. О начале церемонии возвещал гонг – пять и семь ударов (размер японских пятистиший – танка). По зову гонга участники церемонии возвращались в чайную комнату, убранство которой несколько менялось. В ней становилось светлее: включалось освещение или отодвигалась бамбуковая штора. Вместо какэмоно в нише ставили вазу с цветком. Хозяин вытирал чайницу и ложку специальной тканью – фукуса, мыл мешалку в горячей воде, которую наливал из чайника ковшом, засыпал чай в чашу, заливал ковшом горячей воды, иногда взбивал мешалкой, после чего чай слегка загустевал. Крепкий зеленый чай приготавливался из молодых листьев чайных кустов в возрасте от двадцати до семидесяти лет.

1.12. Эстетические принципы дзэн-буддизма. Бонсай, бонкэй, бонсэки. Икебана

Культ чая оказал огромное воздействие на культуру Японии (архитектуру, живопись, каллиграфию, керамику) и способствовал возникновению традиционного искусства: *икебаны, бонсай,*

бонкэй, бонсэки, оригами и других. В Японии сложилась особая форма восприятия предметов искусства, основанная на поэтико-метафорическом мышлении, позволяющем раскрыть внутренний смысл произведений через символ, образ, знак. Чтобы понять его, иногда достаточно было штриха или намека. Живописцы и поэты использовали минимум художественных средств, что позволяло зрителю и читателю по-своему воспринимать произведения искусства, превращало процесс пассивного созерцания предмета в творческий, активный, приобщало к созданию настоящих шедевров множество людей. Так были разработаны эстетические категории *ваби* (в буквальном переводе: «красота бедности»), *саби* (красота старины, печали) и *югэн* (невыразимая словами истина), ставшие основными принципами японской массовой культуры.

Устройство садов, составление композиций из цветущих растений, выращивание карликовых деревьев, создание миниатюрных пейзажей получило особое распространение в Японии и поднялось на уровень высокой художественности, иными словами, превратилось в искусство. С одной стороны, это было связано с особым, трепетным отношением японцев к природе, любованием ею с целью очищения души и тела; с другой, господство в стране идей дзэн-буддизма стимулировало умение через символ, знак, намек – через малую форму – воспринимать явления большого порядка.

В Японии сложилось особое отношение к миниатюре: капля росы, травинка, цветок здесь издавна вызывали восхищение. «Сорвешь в пруду маленький листок лотоса и залюбуешься им! А мелкие листики мальвы! Вообще все маленькое трогает своей прелестью», – писала в «Записках у изголовья» Сэй Сенагон.

Начало «пейзажам в горшках» положил поэт и художник Ван Вэй, вырастив в желтом фарфоровом сосуде орхидеи и, чтобы подчеркнуть их изящество, положив вокруг стеблей белые камешки. В эпоху Мин (1644–1912) возникло направление в искусстве с устойчивым набором готовых форм, носивших причудливые названия: «дракон», «мать и дитя», «братья», «танцующая птица», «черепаха». В наставлениях по садоводству этого периода отмечалось: «Цветок растет круглый год, а любуются им де-

сять дней». Карликовое дерево растет годы, десятилетия, на то, чтобы вырастить его, уходит иногда целая жизнь.

Особый уход, состав, качество и количество почвы, специальные приемы подрезки корней и формирования кроны позволили мастерам добиться того, что с годами крошечное растение в строении и пропорциях обретало облик взрослого дерева.

Термин «бонсай» произошел от китайского «пэньцзай» (в буквальном переводе: «выращивание в горшке»). С XI в. он стал использоваться в качестве названия традиционного вида японского искусства. Смысл выращивания бонсай заключался в стремлении следовать буддийской идее «одно во всем и все в одном».

Искусство бонсай – это игра, забава, провокация. Оно стимулирует полет фантазии. Любуясь небольшим деревцем, можно в мыслях создать картину природы и таким образом через малое приобщиться к большому, через идею – к Абсолюту. Вот такие мысли вызвало любование миниатюрным трехлетним деревцем сосны, выращенным из естественного карлика, найденного у подножья горы Фудзи. Британец, долгое время проживший в Японии, сказал: «Я слышу мелодичное пение в сосновом лесу у подножия Фудзи, а в траве под деревьями – голос лягушки. Как поэтично! На этом дереве также поет птичка... Облака плывут в небе, и легкий ветерок приятно шелестит в хвое». Знаток бонсай, японский писатель Синобу Нодзакэ заметил следующее: «Сосна может вызвать перед глазами картину морского побережья, где за сосновой рощей видны пеннистые океанские волны, скользящие белые парусники и морские чайки...».

Об отношении японцев к бонсай Синобу Нодзакэ писал: «Любитель бонсай, когда он достигает пожилого возраста, часто обнаруживает невозможность существования без бонсай. Когда он ест, он должен видеть бонсай на столе или рядом. Когда он навещает друга, он берет с собой крохотный бонсай или два, чтобы было, чем гордиться. На ночь он поставит своих любимцев около постели и заснет, только вдоволь наглядевшись на них... У таких людей любовь к бонсай становится самой жизнью. Столь велика сила бонсай».

Бонсай различаются по форме (прямостоящие, свисающие, каскадные), по размерам (от 30 мм до 1,5 м); большое внимание ма-

стера бонсай всегда уделяли количеству листьев, плодов, цветов, а также возрасту растений. Особенно ценятся те, выращиванию которых были отданы десятилетия жизни. Чаще всего это сосны, вишни, яблони, иногда с плодами в натуральную величину.

Наряду с бонсай старейшими пейзажными формами в Японии считаются бонкэй («пейзаж на подносе») и бонсэки («камень на подносе»). Они являлись своеобразными символами священных гор, буддийского центра мироздания и обители даосских бессмертных мудрецов.

Наиболее ранние изображения бонкэй и бонсэки относятся к XIII–XIV вв., когда в Японии получил распространение обычай любования камнями. В конце XIV в. сегун Асикага Ёсимицу, известный покровитель искусства, построил в Киото поместье, одно из строений которого – Кинкакудзи («Золотой павильон») – сохранилось до настоящего времени. В пруду возвышается скала прихотливых очертаний под названием Кудзэн-хаккай-сэки (в буквальном переводе: «камень девяти пиков и восьми морей») – знаменитый камень был специально для аранжировки сада привезен из Кореи.

Возможность создавать садовые композиции имели немногие. Миниатюрные формы оказались более доступными. Для их создания изначально использовались черные лаковые подносы овальной формы с бортиком высотой около пяти сантиметров (бон). Наибольшее внимание уделялось подбору камня, вокруг которого и создавалась композиция.

Тематика бонсэки была различной, она зависела от времени года и посвящалась весне, осени, зиме, лету. Одной из классических и очень популярных в Японии является композиция из одного камня на крупном песке в сочетании со свитком, на котором изображено поднимающееся над волнами океана солнце. Композиция посвящалась памяти великого мастера чайной церемонии Сэн-но Рикю и одновременно считалась символом Японии (Ниппон) – страны восходящего солнца.

Большой вклад в развитие бонсэки внес император Го-Мидзуно-о (1596–1680 гг.), меценат и любитель искусства. Он впервые ввел в обиход подносы с низким бортиком и прямые

доски для композиций, благодаря чему расширилась тематика бонсэки. Разрешалось применять несколько камней вместо одного, создавать макеты гор, лесов, рек, морей, используя крупный, мелкий, мельчайший песок, воспроизводить изображение тумана.

Бонкэй отличается от бонсэки тем, что в композиции, наряду с камнями, использовались растения. Большая часть бонкэй выполнялась из кэто, разновидности торфа. Впервые его применил мастер Тисэн Идзуми в 1891 г. Вода в бонкэй имитировалась с помощью песка. Из обожженной глины, фарфора, металла и дерева создавались фигурки людей, изображения гор, деревьев, домов, мостов, вулканов и водопадов. Мастера использовали мох, засушенные цветы и растения.

Нередко композиции бонсэки и бонкэй были сюжетами для поэтических упражнений. В сказке «Выбор невесты» говорилось, как однажды, собравшись жениться, князь предложил избраннице испытание. На поднос поставили чашку с горкой соли, в которую воткнули веточку сосны. Девушке предложили сочинить пятистишие (танку) на заданную тему, и она поразила жениха следующим экспромтом:

На горе О-Бон
Всю вершину замели
Белые снега,
Лишь высокая сосна
Как прежде зеленеет.

С традицией дзэн-буддизма было связано возникновение искусства аранжировки цветов. Наиболее распространенный стиль Рикка («стоящие цветы») связан с именем выдающегося мастера икебаны Икенобо (XVI в.). Стиль базировался на строго канонизированных правилах расстановки растений, которые помещались в сосуде прямо – одним большим пучком – вокруг главного стебля, центра композиции (сосны, бамбука, кедра), высотой 1,5–1,8 м, не соприкасаясь со стенками контейнера (вазы).

С установлением ритуала чайной церемонии было связано появление новых стилей: Чабана («чайные цветы») – скромных, утонченных, изысканных, неброских и неярких композиций с

минимальным количеством растений, часто всего одним цветком в простой вазе, и Нагэире («брошенные в сосуд цветы») – вертикальных композиций, для которых было характерно естественное однонаправленное расположение растений, наличие в композиции пространства, пустоты, воздуха.

В конце XIX в. возник стиль Морибана. По мере его распространения мастера начали использовать не только срезанные цветы, но и сухие ветки, которые устанавливались в низких плоских вазах с помощью специальных металлических стержней. Изменилась и тематика композиций: в них стали использовать макеты ландшафтов, естественные материалы – камни, мох.

Школа Согэцу («луна и травы»), основанная в 1926 г., объединила традиции стилей Нагэире и Морибана. В настоящее время это наиболее популярное в Японии направление аранжировки растений. Ее основатель Софу Тэхигара стремился превратить икебану в особый вид искусства и сумел сделать это, заметно расширив возможности создателей композиций.

Мастера Согэцу стали использовать низкие и высокие сосуды, подносы, а в качестве исходных материалов – цветущие растения, листья, ветки, стволы, корни, коряги, пни, камни, металл, стекло, керамику, фарфор, перья, бумагу, веревку, пластмассу.

Форма аранжировки в целом была обусловлена, как и в искусстве бонсай, особой пространственной конструкцией, включавшей три измерения, по смыслу соответствовавшие категориям: Небо (Син), Человек (Соз), Земля (Тай, Хикаэ). К ним добавлялись дополнительные элементы – дзюси (эстетическое воздействие).

Каждая композиция строилась по схеме, которая регламентировала главные линии и даже угол наклона. Асимметрия являлась одним из важнейших принципов икебаны, однако она создавалась искусственным путем и должна была соответствовать строго определенным установкам. Особое внимание уделялось форме и цвету композиции, ее соответствию времени года, строению, которое она создавала.

Небо (вертикальный вектор, перпендикулярный Земле) олицетворяло мир природы, Вселенную. Земля (горизонтальный вектор) – весь объем жизненных, повседневных дел. Взаимо-

действие их (в строго определенных позициях) выражало скорбь и печаль, радость и грусть, имело серьезный (философский) и игровой (иронический) подтекст. Умение найти соответствующее настроение, создать и уловить его требовало длительного и трудоемкого обучения.

В XVII в. искусство икебаны было включено в программу учебных заведений и рассматривалось как часть просвещения, приобщение к культуре, механизм обучения человека умению видеть, чувствовать, понимать красоту изысканного. Наряду с каллиграфией икебана стала одной из главных составляющих в процессе воспитания и образования знатных женщин, способствовала формированию у них высокого художественного вкуса. Превращение искусства аранжировки растений в массовое привело к универсализации и унификации эстетического и нравственного восприятия японцами окружающего мира, наложив отпечаток на процесс формирования японского национального характера и японской идентичности.

Контрольные вопросы

1. Какая страна является родиной буддизма?
2. Как называется сборник буддийских священных текстов?
3. Назовите священные языки буддизма.
4. Что означает название «Типитака»?
5. Что означает имя «Будда» в переводе на русский язык?
6. К какому роду принадлежал Будда?
7. К какому племени принадлежал Будда?
8. В долине какой реки жило племя, к которому принадлежал Будда?
9. Как звали отца и мать Будды?
10. Назовите четыре священные истины буддизма.
11. Что такое дхарма?
12. Что такое карма?
13. Что такое нирвана?
14. Где и когда царевич Сиддхартха обрел просветление и стал Буддой?
15. Кто и где слушал первую проповедь Будды?
16. Кто такие бхикшу?
17. Что такое медитация?
18. Кто объединялся в сангху?
19. Назовите принципы «панча сила».
20. Какую страну называют «второй родиной» буддизма?
21. Что такое чань?
22. Что нового привнес в буддизм Бодхидхарма?
23. Назовите основные правила чайной церемонии.
24. Приведите пример коана и хайку.
25. Кто является основоположником стиля «шаншуй»?
26. Что такое «бонсай»?
27. Назовите традиционные искусства буддизма.
28. Из чего делают оригами?
29. Кто произвел «революцию в хайку»?
30. Назовите правила, по которым строится икебана.

2. ДАОСИЗМ

2.1. Возникновение даосизма

Даосизм возник в Китае в середине I тысячелетия до н. э. Его создателем считается полубогородительный философ Лаоцзы, живший в VI в. до н. э. О его жизни почти ничего не известно. Из трактата Чжуанцзы «Тянься» («Поднебесная») и главы «Жизнеописание Лаоцзы» в «Исторических записках» Сыма Цяня ясно одно: Лаоцзы был старше Конфуция. Настоящее имя основателя даосизма Ли Дань (или Ли Эр). Он родился в уезде Ку царства Чу. Лаоцзы – прозвище (в буквальном переводе с китайского языка: «старый младенец»).

Известно, что некоторое время Ли Дань занимал должность главного хранителя архива династии Чжоу. Однако и Сыма Цянь сомневался в достоверности сведений о личности создателя даосизма. Имя его обросло легендами. Их сюжеты в течение столетий питали китайскую литературу и искусство. Бесчисленное множество мастеров воссоздало на шелке, фарфоре, лаке, в дереве и в камне образ мудрого старца, верхом на буйволе покидающего Китай. Именно ему приписывается авторство знаменитого книжного памятника древнего Китая – «Книги о Дао и Дэ» («Дао Дэ Цзин»). В нем изложены основные идеи даосизма.

Согласно преданию, Лаоцзы оставил свой трактат по просьбе начальника пограничной заставы, отправляясь в путешествие на запад. В нем изложены взгляды философа на природу, общество, человека и Вселенную. Книга представляет собой сборник афоризмов, мудрых и весьма странных изречений и формул.

О жизни создателя даосизма существует немало легенд. Согласно одним, он был зачат земной женщиной от падающей звезды; согласно другим, являлся воплощением высочайшего существа, именуемого Тайшан Лаоцзюань, который поместил святой воздух во чрево яшмовой девицы и спустя восемьдесят один год способствовал рождению мудреца по имени Лаоцзы. Новорожденный провел в чреве матери почти всю жизнь и поэтому родился стариком. В легенде говорится, что волосы у него были белые,

лицо желтое, борода редкая, уши длинные, глаза большие, зубы редкие, а на ладонях – кресты. Ему приписывают то, что он научил человечество находить полезные ископаемые и производить лекарств, бороться со злом и избавляться от голода, вырабатывать золотую слюну и перевоплощаться. Согласно преданию, в 502 г. произошла встреча Лаоцзы и Кунцзы, основателей двух главных религий Китая.

2.2. «Книга о Дао и Дэ»

«Книга о Дао и Дэ» состоит из пяти тысяч иероглифов и подразделяется на 81 главу. Трактат включает две части: «Дао Цзин» (в буквальном переводе: «Книга о Дао») и «Дэ Цзин» («Книга о Дэ»).

По вопросу об авторстве книги до настоящего времени идут споры. Среди ученых наиболее распространена версия о том, что трактат не имеет никакого отношения к Лаоцзы, упомянутому Сыма Цянем. Создание трактата датировано примерно 300 г. до н. э. и приписывается тезке Лаоцзы. В отличие от многих исследователей Го Можо считал автором трактата Лаоцзы, древнекитайского философа, жившего в VI в. до н. э.

В «Книге о Дао и Дэ» дана характеристика двух основных категорий даосизма: Дао (в буквальном переводе: «всеобщий закон, первоначало, путь») и Дэ (в буквальном переводе: «гармония»), – определивших всю схему мироздания.

Первоначально категория Дао рассматривалась в качестве духовного разума, божественного бытия, Высшего существа, имеющего Разум и Слово. Позднее, по мере изучения даосской литературы, Дао стали считать источником всего сущего, всеобщим законом, управляющим миром, первоначалом и первоматерией.

Смысл данной категории не укладывается в привычные для европейского мышления понятия. Дао – это сущность всего, «корень Неба и Земли», «мать всех вещей», основа мира. Иероглиф «Дао» состоит из двух частей: шоу (голова) и цзоу (идти) – и означает «путь, по которому ходят люди». Дао вечно, существовало всегда и во всем, его никто не создавал и никто не в силах уничтожить. Это «хаотический порядок и благой беспорядок» –

нечто невидимое и неслышимое, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное. Оно дает начало всему; это имя, форма, пустота, бытие, из которого рождается все сущее. В «Книге о Дао» записано: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает все сущее ("десять тысяч вещей"). Все сущее ("десять тысяч вещей") несет на себе инь и обнимает ян. Эти пневымы (ци) взаимодействуют и образуют гармонию».

С точки зрения даосизма все в мире взаимосвязано и Дао по сути не есть нечто необыкновенное. По словам Чжоу Жудэна (XVII в.), «оно там, где учащиеся учатся, крестьяне пахут землю, монахи декламируют сутры, чиновники управляют и каждый радуется своей доле».

2.3. Диалектика даосизма

Диалектика учения проста. «Все сущее носит в себе темное и светлое начала, испускает Ци (энергию) и создает Дэ (гармонию)». Когда Лаоцзы говорит «одно», имеется в виду первозданный космический хаос, где темное и светлое начала еще не разделились; под «два» понимается момент рождения двух начал, а под «три» – обретение гармонии, которая и способствует возникновению всего сущего. И далее: «Все вещи обволакиваются инь (женское начало в природе), проникаются ян (мужское начало), наполняются Ци и образуют Дэ». Таким образом, все в мире оказывается взаимосвязанным.

Однако Дао – это не только первоначало и первооснова всего сущего, но и всеобщий закон, это «путь и путник вместе», это «таинственная добродетель», покой и движение одновременно.

На всех уровнях бытия, согласно учению даосизма, действуют закономерности, выраженные бинарно. В космосе, природе, обществе, человеческом организме происходит упорядоченная и сбалансированная циркуляция внутренней энергии Ци, которая находится в постоянной взаимосвязи с формой существования Син, происходит развитие во времени (ян) и пространстве (инь). Последние две категории первоначально отождествлялись с «темнотой» и «светом», но в дальнейшем стали служить для обозначения полярных принципов мироздания. Инь: луна, земля,

женский, темный, слабый, мягкий, холодный, пустой, внутренний. Ян: солнце, небо, мужской, светлый, сильный, твердый, горячий, полный, внешний.

Инь и ян («Земля» и «Небо» с большой буквы – *прим. авт.*) в даосизме рассматриваются как реальные природные феномены и как символы жизнеутверждающих закономерностей. Категории Ци и Син считаются возможными состояниями всего сущего. Все категории объединяются рамках Дао, которое представляет собой нечто общее для всех бинарных оппозиций. Это источник, закон и сущность одновременно.

Дао следует рассматривать как главенствующую категорию, как универсальный закон бытия, как благо для мира; Дэ – как следствие Дао. Лаоцзы писал: «Небо не может не быть высоким. Земля не может не быть широкой. Солнце и Луна не могут не двигаться. Они получают энергию от Дао... Человек следует законам Земли. Земля следует законам Неба. Небо следует законам Дао. Дао следует самому себе».

Человек тоже есть порождение Дао. В самом человеке имеются два начала: биологическое и человеческое. Об их взаимодействии в «Книге о Дао и Дэ» написано следующее. «Тот, в ком природное и человеческое побеждают, и называется настоящим человеком». Человек должен жить в соответствии с Дао. Отступники, нарушители Дао гибнут в молодом возрасте. Лаоцзы учил: «Кто не соблюдает Дао, погибнет раньше времени». «Кто причастен Дао – Пути, тот нескончаем». «Я слышал, что могущий жизнь питать не встретит на земле тигра, носорога, а в бою он не страшится лат и оружия. Носорогу некуда свой рог вонзить, тигру некуда когтями своими вцепиться, оружию некуда свой клинок всадить. По какой причине это? Для него не существует сферы смерти».

В «Чжуан-цзы» обретение Дао, а в конечном счете и бессмертия рассматривается в контексте самосовершенствования и свершения неких общественно полезных деяний. «Большая Медведица обрела его (Дао – *прим. авт.*) и не бывает не точной; солнце и луна обрели его и с древности не знают отдыха... Хуанди

обрел его и вознесся на облака... Си Ванму обрела его и воссела на горе Шаогуан...»).

В даосизме упрочились древнекитайские представления о том, что Вселенная (макрокосм) и человек (микрокосм) создавались по одной схеме. Материалом для их создания являлись *пять первоначал*: земля, вода, огонь, металл, дерево, – а осуществилось оно вследствие взаимодействия двух великих сил: мужской (ян) и женской (инь), – символами и покровителями которых стали животворящее Небо и плодоносящая Земля.

Философия даосизма основывается на своеобразной диалектике. «Из бытия и небытия произошло все, из невозможного и возможного – исполнение, из длинного и короткого – форма. Высокое подчиняет себе низкое, высшие голоса вместе с низшими производят гармонию, предшествующее подчиняет себе последующее... Из несовершенного происходит цельное, из кривого – прямое, из углубленного – гладкое, из старого – новое... То, что сжимается, – расширяется, то, что ослабевает, – усиливается. То, что уничтожается, восстанавливается».

«Стремясь к малому – приобретаешь, стремясь к многому – впадаешь в заблуждение». «Чрезмерная скупость неизбежно вызывает большие расходы, чрезмерное накопление неизбежно вызывает большие потери». «Слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое». «Существа, достигнув расцвета, стареют». «О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье, в нем притаилось несчастье». «Справедливость снова превращается в хитрость, добро снова превращается в зло».

Сущностью диалектики даосизма является превращение противоречий друг в друга. Взаимопревращение противоположностей есть явление весьма распространенное и присущее всем элементам мироздания: макро- и микроструктурам. «Превращение в противоположность есть Дао».

Превращение предметов в свою противоположность, с точки зрения даосских мыслителей, являлось следствием процесса количественных накоплений. Слова Лаоцзы подтверждают это: «Дерево в обхват толщиной вырастает из мельчайшего (ростка): девятирусная терраса начинается с насыпи земли»; «путеше-

стве в тысячу ли начинается с первого шага»; «великие дела в Поднебесной начинаются с мелочи».

В традиции даосизма очевидно осознание того, что самоотрицание является внутренним источником всякого движения. Лаоцзы понимал диалектику не как борьбу противоположностей, а как их примирение (взаимодействие и гармонию). Некоторые даосские установки в этом смысле, бесспорно, интересны: «Когда человек дойдет до неделания, то нет того, что не было бы сделано», «Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным».

В конце периода Чуньцю, когда жил Лаоцзы, основная тенденция в развитии общества проявлялась в падении рабовладельческого строя и возникновении новой формы государственности. Лаоцзы отвергал принципы управления, которые сложились в Китае. Критикуя принцип «управления на основе правил поведения», он сетовал, что «правила поведения подрывают преданность и доверие, кладут начало смутам». Его не удовлетворял и новый принцип «управления на основе закона». Лаоцзы писал, что, «когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников». Он протестовал против политики «почитания мудрых», выступал против захватнических войн, которые вели между собой правители отдельных государств. Таким образом, Лаоцзы отвергал как старые, так и новые методы управления страной, не считая нужным искать реальные пути выхода из кризисной ситуации. Видя ослабление династии Чжоу, он ушел со службы, поселился в уединении, пытаясь обрести покой и счастье, и пришел к выводу, что истоки кризисов, катаклизмов, войн, смут лежат в знаниях и желаниях. По его мнению, «управление страной при помощи знаний – несчастье для страны; управление без помощи знаний – счастье для страны». Идеальным он считал «управление, построенное на надеянии». Ему представлялось, что правитель не должен иметь никаких желаний и устремлений, тогда народ естественным образом начнет следовать за правителем.

Лаоцзы осуждал любое стремление что-либо изменить в природе и жизни людей. Любую деятельность он рассматривал как зло и говорил, что «осуществление надеяния приведет к тому, что не останется ничего, что бы не управлялось». Исходя из это-

го, идеальное управление в представлении Лаоцзы могло быть только в «маленьком государстве с небольшим населением». «И пусть в нем имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не переселятся далеко от своих мест. Если даже имеются лодки и колесницы, не надо ездить на них. Если даже имеются латы и оружие, не надо их выставлять. Пусть народ снова плетет узелки и употребляет их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одежда – красивой, жилище – удобным, а жизнь – радостной. Пусть соседние государства издали смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, но люди до самой старости и смерти не должны ходить друг к другу». Фактически он призывал к возрождению родового общества, замкнутого, изолированного, непросвещенного.

Лаоцзы считал злом и всякое знание. Он отмечал: «Правитель старается, чтобы мудрые не смели что-нибудь сделать: когда все станут бездеятельными, на Земле будет полное спокойствие». «Кто свободен от всякого рода знаний, тот никогда не будет болеть», «Нет знания, вот почему я не знаю ничего», «Когда я ничего не делаю, то народ делается лучше; когда я спокоен, то народ делается справедливым; когда я не предпринимаю ничего нового, то народ обогащается». Однако власть правителя Лаоцзы ценил очень высоко. Он считал, что в мире существует четыре величия и одно из них – правитель: «Дао велико, Небо велико, Земля велика, и Правитель велик».

2.4. Космогония даосизма

Космогония даосизма нашла отражение в мифе о Паньгу – первочеловеке (впервые миф был письменно зафиксирован в III в.). В нем говорится, что первоначально Вселенная была подобием яйца. По мере роста Паньгу (в течение 18 тысяч лет) светлое начало (белок, ян) образовало небо, а желтое (желток, инь) – землю. Чтобы они не соединились, Паньгу встал между ними, головой упираясь в небо, а ногами – в землю. Его рост ежедневно увеличивался на один чжан (примерно три метра), и когда он понял, что небо и земля отстоят друг от друга на 90 тысяч ли (46 тысяч километров) и никогда не соединятся, он умер. Дыхание его ста-

ло ветром и облаками, голос – громом и молнией, левый глаз – солнцем, правый – луной. Руки, ноги и туловище образовали четыре стороны света и горы, из крови возникли реки, из вен и жил – дороги. Плоть стала деревьями и почвой, волосы на голове и борода – звездами, волосы на теле – травой и цветами. Из зубов и костей образовались металлы и камни. Из пота – дождь и роса. Из костного мозга – нефрит. Из семени – жемчуг. Вши и другие паразиты, жившие на его теле, превратились в людей.

Согласно одной из поздних легенд, смена дня и ночи происходит, когда Паньгу открывает и закрывает глаза. Ясную погоду объясняли его хорошим настроением, плохую – дурным. Есть также легенда о том, что он сам сотворил небо и землю с помощью топора и молота.

2.5. Этика даосизма. Обеты и добродетели

Этика даосизма проста. Важнейшей добродетелью даосы считали воздержание. В «Книге о Дао и Дэ» подчеркивалось: «Для того чтобы служить Небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержание. Воздержание – это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства». В дополнение к ним в даосизме существовало и пять строжайших обетов: 1) не убивать живых существ; 2) не пить вина; 3) не одобрять словами того, чего не одобряешь сердцем; 4) не воровать; 5) не предаваться сладострастию – и десять добродетелей: 1) почтительность к родителям; 2) уважение к государю и учителям; 3) любовь ко всем тварям; 4) терпение; 5) чистота; 6) самопожертвование; 7) питание (кормление) всех тварей: сеяние травы, посадка деревьев, разведение лесов и т. д.; 8) строительство и обслуживание гостиниц у дорог; 9) просвещение неразумных; 10) чтение священных книг (а также совместные собрания в кумирнях, в ходе которых происходили чаепития и воскурение благовоний, совершение жертвоприношений, выращивание цветов).

2.6. Даосизм и развитие естественнонаучных знаний

Идеалом концепции даосизма является мудрец. С точки зрения Лаоцзы, это не узурпатор власти, а мудрый учитель, наставник, пастырь, полный забот о Поднебесной. Настоящий мудрец – воплощение мудрости, честности и справедливости. Облик ученых-даосов заметно отличался от буддистских и конфуцианских мыслителей, что нашло отражение в искусстве и иконографии. Даосы, как правило, излучают здоровье, бодрость, веселье. В отличие от изможденных буддистских монахов и обремененных высшими знаниями конфуцианцев, у них большой, толстый живот (источник жизненных сил). Нередко их изображают в окружении семьи и детей (воспроизводство себе подобных есть тайный смысл даосской практики). Характерно для изображений даосских мудрецов и наличие высокого лба – средоточия тончайшей интеллектуальной энергии.

Согласно даосским представлениям, мудрец погружен в созерцание отсутствующего. Он как бы спит вещим сном. Его сон хранит в себе Великое Пробуждение, дарует радость открытия жизни. Поклонение мудрецам способствовало развитию в рамках даосской традиции комплекса наук: философии, медицины, фармакологии, астрономии, геологии – и оккультных знаний: алхимии, астрологии, геомантии.

У древних китайцев философия и медицина были тесно связаны между собой. В трактатах большое внимание уделялось изучению человека, его взаимоотношений с природой и космосом, его здоровья, возможностей укрепления духа и тела, обретения долголетия и бессмертия. Даосские медики считали, что дух и тело истощаются и приходят в упадок от напряжения, и, если предаться спокойствию и беззаботности, сохранять дыхание, принимать хорошую пищу и полезные лекарства, можно прожить до ста лет. В трактате «Люйши чунью» («Весна и осень господина Люя») принцип долголетия объяснялся следующим образом: «Долголетие происходит не оттого, что к короткой жизни присоединяется ее продолжение, а оттого, что человек до кон-

ца использует положенное ему количество лет, устраняя все, что для него вредно».

Целью лечения было установление баланса взаимодействия противоположностей. Прежде всего использовался принцип прибавления недостающего (бу) и отнятия избыточного (се). Решающим фактором для выздоровления считались внутренние силы организма, который за счет их концентрации лечится сам, восстанавливая необходимый баланс пяти важнейших элементов (вода, огонь, земля, дерево, металл), двух первоначал (инь, ян) и двух состояний (Ци, Син).

В качестве лекарств применялись препараты животного, растительного и минерального происхождения. В китайских аптеках в настоящее время можно купить самые разнообразные снадобья, свойства которых были изучены даосами. У каждого из них свое особое назначение. Киноварь и янтарь используются для успокоения нервной системы; миндаль для улучшения кровообращения; медвежья желчь – для снятия боли и стресса; женьшень – для стимуляции сердечно-сосудистой деятельности. Китайские медики лечат отварами и ароматами, что делает медицину не только наукой, но и искусством.

Основные идеи, на которых базируется традиционная китайская медицина, сформировались более двух тысячелетий назад. Они изложены в книге «Нэй Цзин» («Внутренний канон»). Она датируется 221 г. до н. э. В эпоху Хань появилось руководство по клинической диагностике и терапии «Шаг хан лунь» («Трактат о болезнях, вызванных охлаждением»). В эпоху Мин была создана первая медицинская энциклопедия «Бэнь цао гань му» («Энциклопедия трав»). Она была составлена Ли Шичжэнем и содержала описание 1892 лекарственных растений. Эти и другие книги были переведены на иностранные языки и оказали большое воздействие на развитие европейской медицины.

В даосских трактатах говорилось: «Кто питается хлебом, тот умен, но не проживет долго; кто ест камни (то есть пилюли из минералов), будет тучен и не состарится; кто ест траву чжи, тот проживет долгое время; но того, кто питается первоначальным воздухом, не зароешь в землю, его не убьет и само Небо». «На-

чало болезней, сокращающих жизнь, заключается во влиянии холода и жары на мозг и тело, в потере соков, особенно детородных; если долго смотреть, от этого портится кровь, если долго лежать – страдает дыхание, от долгого сидения – изнуруется мясо (мышцы), от стояния – кости, от хождения – жилы».

Смена времен года и изменение погоды, по мнению китайских медиков, оказывают влияние на человеческий организм. Важнейшими являются шесть факторов («аномалий»): ветер, холод, жара, влажность, сухость и жжение. Они наносят организму вред, так же как и резкие изменения в эмоциональном состоянии. Их семь: радость, гнев, тревога, тоска, печаль, страх и удивление. Взаимодействие внешних факторов (шести аномалий) с внутренними (семью эмоциями) лежит в основе учения о природе заболеваний. Объектом внимания даосских медиков является человек, а не болезнь, которая сама по себе рассматривается как частное проявление общего нарушения равновесия в организме.

В Китае распространено предание о Шэньнуне, испытывавшем на себе свойства ста трав, чтобы выяснить, пригодны ли они для употребления в пищу или в качестве лекарств. На протяжении тысячелетий китайцы постоянно экспериментировали над собой с риском для жизни, эмпирически устанавливая характер действия разнообразных веществ (многие из них оказывались ядовитыми). Они классифицировали их по способности вызывать холод, жар, тепло и прохладу. Например, корица (по свойствам «теплая») использовалась для лечения простудных заболеваний; мята («холодная») использовалась как жаропонижающее.

Все эти знания были необходимы для того, чтобы обрести бессмертие. В трактате «О соли и железе» отмечалось, что бессмертные (сянь) ели снадобья с примесью золота, пили раствор жемчуга и жили вечно, «как Космос, Небо и Земля». Неудачи в обретении бессмертия объяснялись «суею сует» – мирскими заботами. Мудрецы-даосы советовали всем избравшим путь сянь жить в уединении, предаваться раздумьям и созерцанию, в тайне хранить место своего пребывания. Стремящийся к обретению бессмертия должен был отказаться от еды и воды. Первоначально следовало избегать употребления мяса и вина, затем прямой

пищи, потом овощей и зерна. Постепенно даосы удлиняли периоды между приемами пищи, пытались научиться обходиться немногим: легкими фруктовыми суфле, соками, пилюлями и микстурами из орехов, ревеня, сельдерея, корицы. Предписывалось уметь утолять голод с помощью собственной слюны. Таким образом даосы стремились создать для своих духов-манад, численность которых оценивалась в 36 тыс., благоприятные условия, чтобы они не покидали тела. Отказывая себе в еде, даосы пытались усилить позиции духов-манад, чтобы они материализовались, став доминирующими элементами в организме. После этого тело могло дематериализоваться, а человек обрел бы искомое бессмертие.

Корни учения о бессмертных (сянь) уходят в глубокую древность. Долголетие рассматривалось китайской традицией как «высшее счастье», о чем свидетельствовали надписи на ритуальной бронзе II–I тыс. до н. э. Позднее, в VIII в. до н. э., в благожелательных надписях на бронзе появились восклицания: «Нань лао!» («Да задержится старость!») и «У сы» («Да не будет смерти!»), – которые можно рассматривать как проявление зарождения веры в обретение бессмертия. В дальнейшем одной из приветственных императорских здравниц стало пожелание: «Десять тысяч лет жизни!», «Десять тысяч лет счастья!». Такие надписи встречались на императорской одежде и посуде; так чиновники и министры приветствовали правителя при восхождении на престол.

Иероглиф «сянь» (в буквальном переводе: «бессмертный») представлял собой сочетание двух понятий: «человек» и «гора». Его появление было тесно связано с обожествлением странников, отшельников, юродивых, «божьих», или, как говорили в Китае, «горных» людей. Этот дуализм доктрины бессмертия обусловил и двойственность представлений о бессмертных: с одной стороны, подчеркивалось их земное долголетие, с другой – паранормальные силы, способность к трансмиграции, преображению.

Идея бессмертия оказалась весьма привлекательной для общества, особенно для его высших слоев. Поиски бессмертия начались в глубокой древности. Идеи вечной жизни занимали Цинь Шихуана, правителей многих средневековых династий, импера-

торов Мин, председателя КПК и лидера КНР Мао Цзэдуна и его преемников.

Для того чтобы обрести бессмертие, даосы разработали комплекс физических и дыхательных упражнений. В их числе постукивание зубами, потирание висков, взъерошивание волос, чередование глубокого, поверхностного и «утробного» дыхания. Для укрепления здоровья медики рекомендовали также принимать разные позы: тигра, оленя, медведя, обезьяны, птицы. Чтобы принять позу тигра, следовало встать руками и ногами на землю и прыгать (или просто передвигаться: ходить, бегать) вперед и назад. В позе оленя необходимо было зафиксировать тело в состоянии покоя и медленно через определенные интервалы времени вытягивать шею вверх. Чтобы принять позу медведя, рекомендовалось присесть, обняв колени. Повторять упражнения следовало многократно, пока не выступит пот.

Даосские медики использовали для лечения больных метод акупунктуры (иглокалывания и прижигания). Он основан на коррекции энергии ци в организме человека. Ци – это биоэнергия. Она циркулирует в организме человека благодаря наличию в нем системы особых каналов – меридиан. Сущность метода состоит во введении специальных (золотых, серебряных, платиновых) игл, а также кнопок, вживлении металлических шариков в активные точки тела или прижигании их с помощью полынного шнура (в Японии – мокси). Каждая точка тела, в соответствии с теорией пяти элементов, определенным образом связана с той или иной функциональной системой организма. Воздействуя на точку, можно восстановить в организме баланс и гармонию.

Даосы уже в древности умели таким образом лечить сахарный диабет, туберкулез, столбняк. Они знали, как ставить диагноз по пульсу, по голосу и так называемым «окнам» организма (по состоянию ушей, глаз, носоглотки). Название болезни могло быть сформулировано весьма специфическим образом, например «ветер в почках» (нефрит) или «сухость в печени» (цирроз).

Даосские медики считали, что наряду с пищей, которую они относили к внутренним причинам заболеваний – «инь», вредоносное воздействие на человека оказывают внешние причины

заболеваний – «ян» (жара, холод, ветер, сухость и т. д.), а также нейтральные: травмы, укусы, инфекции. В одном из трактатов отмечалось: «Чрезмерное употребление сладкого, кислого, горького, соленого, острого, переполнение тела всеми пятью вредно для жизни человека. Нездорово чрезмерно предаваться радости, грусти, гневу, страху и печали, переполнение души пятью чувствами вредно для жизни человека».

Многие рекомендации, лечебные приемы и методы врачевателей оказались весьма результативны, однако следует заметить, что врачи и пациенты возлагали надежды не только на лекарственные препараты и опыт специалистов-лекарей, но и на магические заклинания, обеты, заповеди. Все болезни даосы считали наказанием за грехи и стремились к их искуплению и совершению добрых дел. Чтобы обрести покой и бессмертие, следовало совершить не менее тысячи двухсот добродетельных поступков, что значительно затрудняло существование жаждущим обрести бессмертие.

Большую роль в жизни даосов играла астрология и астрономия. Даосы хорошо знали небосвод, расположение звезд и планет. Они подготовили множество астрономических атласов, карт и астрологических календарей, составляли гороскопы и делали предсказания. Без совета прорицателя никто не начинал серьезных дел. Правители, чиновники, торговцы, крестьяне и другие категории населения пользовались услугами астрологов-даосов. Сватовство в Китае всегда начиналось с обмена гороскопами невесты и жениха.

Китай также явился родиной еще одного направления оккультных наук – геомантии. Связав небесные явления и светила с законами земного существования, геоманты разработали учение о внутренней структуре Земли, о так называемой мантии, а также о взаимодействии явлений природы и земного рельефа. Мантия – это внутренняя сфера Земли, располагающаяся между земной корой и ядром. Именно даосы-геоманты изобрели компас для ориентировки на местности. Они немало сделали для изучения качества почвы. Даосы также одними из первых научились находить полезные ископаемые в недрах земли. Геоманты приписывали драгоценным камням и металлам особые свойства: способности

влиять на людей и спасать от недуга, приносить успех и победу в сражениях, вызывать и предотвращать чувство любви, предохранять от смерти.

К наиболее почитаемым камням они относили гранат, охраняющий путешественника (лекарство от лихорадки и желтухи); аметист (спасающий от алкоголизма и расстройства ума), аквамарин (разновидность алмаза, лекарство от кожных болезней), бриллиант (царь камней), изумруд, жемчуг (средство от бессонницы и глазных болезней), лунный камень, рубин (как и все алмазы, предохраняющий от самых тяжелых недугов), сардоникс, сапфир, опал (олицетворение верности и надежды), турмалин, топаз (символ честности и порядочности), бирюзу (лекарство от болезней сердца, средство избавления от страха). Астрологи и геоманты советовали носить камни, соответствующие не только зодиакальному созвездию и дате рождения, но и дню недели и даже часу появления на свет.

Увлечение волшебными эликсирами и пилюлями из минералов способствовало развитию алхимии. Алхимия не входила в число официально признаваемых конфуцианской традицией наук, однако, наряду с другими отраслями естествознания, такими как математика, медицина, астрономия, астрология и геомантия, представляла собой одно из важнейших направлений научного знания, прежде всего в период Средневековья. Алхимическая практика толковалась как аналог изучения мирового процесса, обеспечивала целостное видение мира. Предметом ее изучения было бессмертие.

Большое значение имело место и время занятия алхимией, личность алхимика, вера, что опыты принесут пользу только в том случае, если их проводит высоконравственный человек.

Функционально алхимия подразделялась на «внешнюю» (вай дань), лабораторную, и «внутреннюю» (нэй дань), психофизиологическую.

Первое направление предполагало изготовление эликсира бессмертия лабораторным путем, вторая – в самом теле адепта. Китайская алхимия не ограничивала себя поисками теоретического и эмпирического знания и была направлена на достижение

практических результатов: в их числе здоровье и долголетие, совершенство и бессмертие, что сближает ее с физикой и химией, философией, фармакологией и медициной.

«Внешняя» алхимия основана на лабораторных опытах, в ходе которых алхимик из ряда веществ (из киновари, свинца, ртути) создает эликсир бессмертия (дань). Даосские ученые-испытатели трудились над трансмутацией металлов, перерабатывали разнообразные вещества, искали новые способы приготовления лекарственных препаратов. В ходе бесчисленных опытов, методом проб и ошибок совершались великие открытия. Именно даосские алхимики открыли порох, хотя значение своего открытия не сумели своевременно осознать и оценить. Из киновари, свинца, ртути они пытались получить и «трансмутационное» золото. Добывалось оно путем трансформации неблагородных металлов и само по себе наделялось трансмутационными свойствами. Это направление в развитии алхимии основывалось на представлениях о том, что все металлы являлись не чем иным, как незрелым золотом, и созревали постепенно в недрах земли. В лабораторных условиях алхимик посредством нагревания ускорял процесс созревания. К тому же золото, не подверженное коррозии, совершенно справедливо наделялось способностью сохранять все, что с ним соприкасалось. В одном из трактатов отмечалось: «попадая в рот, перегнанная киноварь продлевает жизнь, но золото... негибнущее и нержавеющей, считается драгоценнейшим из всего сущего. Когда маги принимают его, то их жизнь становится вечной».

Второе направление – «внутренняя» алхимия – сформировалось под непосредственным воздействием буддизма. Ученые пытались создать эликсир бессмертия в самом человеческом организме, который рассматривался как микрокосм – его, путем специфического психофизического аутотренинга, предполагалось довести до состояния сянью.

Алхимики-теоретики стремились к созданию некой универсальной космической модели и посредством ее созерцания приблизиться к Дао. Алхимики-практики стремились к утилитарной цели – созданию эликсира бессмертия. На практике их намере-

ния и действия переплетались. Совершение алхимического акта превращалось в некое представление для любования и осмысления. Попытки по созданию «золота» в процессе окисления свинца превращались в настоящее зрелище – в импульс эстетического наслаждения. Это «было золото не для продажи... а для созерцания и удивления».

Практика алхимической возгонки веществ была тесно увязана с магией числа (лучшие дни дня опытов – дни ян: 7 и 9 лунные дни), с медициной (позвоночный столб человека считался главным каналом прохождения жизненной энергии). Бамбуковый посох даоса также символизировал вертикальную ось мироздания. В длину он достигал 7 чи (около двух метров) и имел 9 коленцев (по числу отверстий человеческого тела).

2.7. Культы и обряды

На протяжении III в. до н. э. – II в. н. э., а также в последующий период, особенно в эпоху Тан (VII–X вв.), даосизм превратился в одну из наиболее почитаемых в Китае религий. Даосы создали жертвенники и кумирни в честь многочисленных богов и героев, духов и бессмертных разраставшегося даосского пантеона. Они принимали участие в организации многих бытовых обрядов, прежде всего свадеб и похорон. Даосизм включил в себя практически все древнекитайские культы и обряды, суеверия и верования. В его пантеон, наряду с создателем даосизма Лаоцзы, вошли основатель конфуцианства Кунцзы и Будда. Даосы поклонялись великому множеству божеств, духов, героев и бессмертных. Их число не поддается учету. Наиболее почитаемыми среди них были древнекитайский император Хуанди, первочеловек Паньгу, богиня Запада Сиванму, а также весьма абстрактные Тайчу (Великое Начало) и Тайцзи (Великий Предел). В даосизме существовал также и культ мудрого правителя. Император Хуанди считался изобретателем повозок, лодок, одежды, наземных жилищ и письменности. Его жена Лэй Цзу прославилась своим умением разводить шелковичных червей и достижениями в шелкоткачестве. Не менее прославленным правителем был Шэньнун (в переводе с китайского языка обозначает «священный земле-

делец»). Он изобрел мотыгу, научил свой народ земледелию и распространил в Китае искусство выращивания проса. Шэньнун также выявил лечебные свойства сотен различных растений, в том числе корня женьшеня. Еще два правителя-мудреца Яо и Шунь, потомки Хуанди, во время сильных наводнений отказались от строительства дамб и начали строить каналы и углублять русла рек, чтобы обуздать стихию воды и сохранить ее для урожая. Изобретение метода строительства каналов и ирригационных (оросительных) сооружений приписывали чиновнику Юю, получившему прозвище «Великий».

Специфической категорией почитаемых даосами божеств были бессмертные: алхимик Вэй Боян (изобретатель эликсира бессмертия) и восемь бессмертных (ба-сянь); рассказы о них популярны в народе; их изображения (в виде фигурок из дерева, камня, кости, лака или рисунков на свитках) имеются в каждой китайской семье. С именами ба-сянь связано множество разнообразных и весьма любопытных легенд и историй.

В легенде о Вэй Бояне говорится о том, что он изготовил волшебные пилюли, чтобы обрести бессмертие. Вместе с учениками и собакой он отправился в горы. Там пилюлю сначала дали собаке – она издохла, что никого не смутило. Вэй Боян принял пилюлю и упал бездыханным. То же самое сделали несколько его учеников. Остальные вернулись домой, чтобы взять все необходимое для совершения обряда похорон. Когда они ушли, принявшие пилюли воскресли и превратились в бессмертных, а остальным оставили послание, убеждая последовать их примеру.

Старейший из ба-сянь, Чжунли Цюань, удачливый полководец эпохи Хань, потерпел поражение из-за вмешательства небесных сил, знавших об уготованной ему судьбе. После поражения Чжунли ушел в горы, стал отшельником, научился тайнам трансмутации металлов, раздавал золото бедным и обрел бессмертие.

Чжан Голао, второй из ба-сянь, имел волшебного мула, который за день мог пройти десять тысяч ли, а на время стоянки складывался так, как будто был из бумаги, и помещался в специальную трубочку. Понадобится мул: его вытаскивают, разворачивают, брызгают водой – и он снова жив, здоров и готов к

переходам. Чжан Голао жил очень долго, не раз умирал, но вновь воскресал и в итоге обрел бессмертие.

Люй Дунбинь, третий из ба-сянь, в детстве отличался острым умом, «запоминал по десять тысяч иероглифов в день», вырос, получил ученую степень, стал мудрецом, под влиянием Чжунли Цюаня увлекся учением даосизма, узнал его тайны и стал бессмертным. У Люй Дунбиня имелся волшебный меч, который сделал его непобедимым.

Ли Тегуай, четвертый из ба-сянь, отправившись однажды на встречу с Лаоцзы, оставил свое тело под присмотром ученика. Ученик, узнав о болезни матери, ушел, а тело патрона сжег. Когда Ли Тегуай вернулся на землю, то был вынужден вселиться в тело только что умершего хромого нищего, получив прозвище «Железная нога».

Хань Сяньцзы, пятый из ба-сянь, племянник одного из учеников Конфуция, живший в эпоху Тан, умел предсказывать будущее, причем настолько точно, что его способности вызывали преклонение и восхищение не только его дяди, но и других сторонников конфуцианства.

Шестой из ба-сянь, Цао Гоцзю, брат одной из императриц, стал отшельником и поражал окружающих знаниями в области даосизма, научившись проникать в суть всех вещей.

Седьмой из ба-сянь, Лань Цайхэ – китайский юродивый – пел песни, собирал милостыню, делал добрые дела, раздавал беднякам деньги.

Хэ Сяньгу, восьмая из ба-сянь и единственная женщина в их числе, с детства отличалась странностями, отказалась выйти замуж, могла обходиться без пищи и воды, ушла в горы и обрела бессмертие.

Народная фантазия наделила ба-сянь чертами волшебными и человеческими, что сделало их одновременно и людьми, и героями, и божествами. Они честны и справедливы, всегда готовы защитить правое дело. Их поступки, мысли, желания близки китайскому простонародью: земледельцам, рыбакам, ремесленникам, торговцам.

В честь божеств и великих героев даосы создавали храмы, в которых ставили своих идолов, совершали обряды жертвоприно-

шения. Обслуживали храмы жрецы. В начале XX в. их число превышало 100 тыс. человек. Они разделялись на монашествующих и живущих в миру. По совместительству, особенно в сельской местности, они выполняли функции гадателей, врачей, предсказателей, магов.

Во главе даосской общины стоял верховный жрец (патриарх), носивший титул Тянь-ши (Небесный учитель). Династия его восходила ко II в. Подобно большинству даосов, он жил в миру, имел семью, пользовался большим уважением. Считалось, что он главенствует над людьми, жрецами и даже над духами. Резиденция Тянь-ши находилась в горах «Дракона-тигра» в провинции Цзянси. Когда в 1932 г. китайская Красная Армия заняла эти земли, последний (шестьдесят третий) Тянь-ши скрылся.

На протяжении долгих веков существования даосизм испытывал взлеты и падения. Однако совершенно очевидным всегда было то, что образованные сословия (ученые-чиновники, землевладельцы) больше тяготели к конфуцианству, а городские и сельские низы – к даосизму. Даосские идеи, традиции, обряды и заповеди были проще, а следовательно привычнее и понятнее простому народу. Многих прельщали возможности уравнилельного распределения имущества, жесткий порядок и регламентации, характерные для даосской общины. С простым народом даосизм был тесно связан и через практику гаданий и врачеваний, магических заклинаний и суеверий. Высшие сословия, следовавшие установкам и заповедям конфуцианства, также обращались к традициям даосизма, к его культуре простоты и естественности, слияния с природой. Каждый китайский интеллигент в душе оставался немного даосом, поклоняясь культу мудрецов и древностей, сохраняя контакты с гадателями, предсказателями, врачевателями, хранителями даосской традиции.

В целом же китайское общество на протяжении тысячелетий устойчиво демонстрировало толерантность и даже индифферентность в религиозном отношении. В Китае не было ни конфессиональных конфликтов, ни столкновений, ни войн, никто не навязывал никому своих убеждений. В то же время религиозные традиции были чрезвычайно сильны. Конфуцианские ученые

в обязательном порядке должны были овладеть содержанием «Книги о Дао и Дэ» и «Чжуан-цзы». Обучение детей в школах начиналось с изучения книг Конфуция и усвоения ритуала ли; накануне женитьбы новобрачные непременно обращались к даосским гадателям с целью составления гороскопов; на юге страны, если в семье умирал мужчина, отпевать его приглашали даосов, а если женщина, то буддийских монахов. В Пекине в христианских храмах было принято устанавливать скульптуры даосских и конфуцианских святых, божеств и героев, Будды и падать перед ними ниц. Даосские жрецы неоднократно совершали богослужения в конфуцианских храмах и даже в императорской резиденции. Еще в 1927 г. выдающийся китайский писатель и ученый Сюй Дишань высказал мысль о том, что для понимания китайской культуры и повседневности знакомство с конфуцианством дает меньше, чем знание даосизма, в ареале воздействия которого находилось не только сословие ученых-чиновников, но и весь народ (крестьяне, ремесленники, торговцы).

Контрольные вопросы

1. Где и когда возник даосизм?
2. Почему даосизм называют региональной религией?
3. В каком трактате изложены основные идеи даосизма?
4. Что такое Дао?
5. Что такое Дэ?
6. Что представляет собой «Дао Дэ Цзин»?
7. Кому приписывается авторство «Книги о Дао и Дэ»?
8. Приведите примеры воплощения мужского и женского начала в природе.
9. В чем суть диалектики даосизма?
10. В чем суть идеи недеяния?
11. Почему в даосизме существует культ мудрецов?
12. Какие науки развиваются в системе даосизма?
13. Назовите оккультные науки. С чем связано существование в даосской традиции оккультных наук? Что изучают оккультные науки?
14. Что изучает геомантия?
15. Назовите основные направления развития даосской медицины.
16. Кто такие «бессмертные»?
17. Сколько «бессмертных» почитается даосской традицией?
18. В чем заключается смысл достижения бессмертия? Почему идея бессмертия определила направление развития даосских наук?
19. Социальная база даосизма. В чем причины его популярности в странах ДВ?

3. КОНФУЦИАНСТВО

3.1. Конфуций и его ученики

Почти одновременно с учением Лаоцзы в Китае возникла религия, создателем которой историческая традиция считает Кунцзы (в буквальном переводе: «учитель Кун»). В Китае его называли Кун Фуцзы (почтенный учитель Кун, господин Кун), в Европе и Америке он известен под именем Конфуция.

Первая наиболее полная биография Конфуция была составлена историографом Сыма Цянем (145–90 гг. до н. э.). Он поместил ее в разделе «Шицзя», посвященном жизнеописаниям представителей знатных родов. По своему происхождению и положению Конфуций не принадлежал к аристократической среде и удостоился чести за мудрость и знания. И хотя во II–I вв. до н. э. его труды еще не были канонизированы, а сам он не был причислен к святым, авторитет его в государстве и обществе был велик. Сыма Цянь писал: «Когда я прочитал книги, составленные Конфуцием, мне захотелось представить себе этого человека. Я побывал на родине Учителя Куна и видел его покои, его колесницу и одежды, его сосуды для жертвоприношений и ученых мужей, совершавших в надлежащие дни и часы торжественные обряды. Я преисполнился благоговения и не мог заставить себя покинуть этот дом. Среди владык мира сего немало было тех, чья слава умирала вместе с ними, а память о Конфуции, даром что носил он платья из грубого холста, любовно сберегается уже более десяти поколений. От государей до простых людей все, кто упражняется в шести искусствах, считают его своим Учителем. Нет, не зря зовут его величайшим мудрецом!»

Весь жизненный путь Учителя Куна в его собственном изложении уместился в несколько строк:

В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению,

В тридцать лет я имел прочную опору.

В сорок лет у меня не осталось сомнений.

В пятьдесят лет я знал веленье Небес.

В шестьдесят лет я настроил свой слух.

А теперь в свои семьдесят лет я следую зову сердца, не нарушая правил...

Конфуций родился в 551 г. до н. э. на востоке Китая, в царстве Лу, в уезде Чанпин, в городе Цзоу. В награду за доблестную военную службу его отец получил должность управляющего небольшим городком Цзоу, которая обеспечила ему спокойную старость. Однако отец скончался, когда сыну не исполнилось и трех лет. После смерти кормильца семья осталась в бедственном положении. Однако мать Конфуция, юная, волевая и заботливая женщина, сумела дать сыну достойное воспитание и образование.

Образованным человеком в Китае считался тот, кто в совершенстве владел *шестью искусствами (умениями)*. В их числе умения 1) *выполнять ритуалы*; 2) *понимать музыку*; 3) *стрелять из лука*; 4) *управлять колесницей*; 5) *читать*; 6) *считать*. Конфуций с помощью матери овладел ими, благодаря чему получил свою первую должность «хранителя амбаров» в доме Цзи, который относился к числу наиболее знатных и влиятельных аристократических родов царства Лу. По свидетельству Сыма Цяня, он «занимался измерениями и взвешиваниями». Приблизительно в это время Конфуций женился, в его семье появился сын Бо Юй. В дальнейшем Конфуций занимал различные должности, некоторое время был советником Дангуна, правителя царства Лу, участвовал в политических интригах. Когда ему исполнилось тридцать лет, он открыл школу. В ней получили возможность учиться дети и взрослые, представители всех сословий.

Конфуций не только способствовал распространению среди китайского населения культуры и знаний, но и проповедовал свое этико-политическое учение, содействовал формированию морали и нравственности, распространение которой, по его мнению, могло бы привести к созданию совершенного во всех отношениях (идеального) государства.

Точно установить число учеников Конфуция невозможно. Конфуцианская традиция свидетельствует, что при жизни Учитель обучил две – три тысячи учеников, семьдесят два из них обрели мировую известность. Вместе с учениками он совершил большую поездку по китайским царствам в поисках достойного

правителя. В годы странствий Конфуций собирал песни, сказания, легенды, предания, записывал географические сведения и хронику исторических событий. В дальнейшем эти записи стали основой классических конфуцианских трактатов.

Последние годы жизни Конфуций провел в столице царства Лу в кругу учеников, удалившись от государственной деятельности. Его авторитет и слава значительно возросли, ученики заняли высокие должности при дворе. В государстве Лу его именовали «го лао» (почтенный старец государства). Подобного титула до него не получал никто. Конфуций скончался на семьдесят третьем году жизни в 479 (или 478) г. до н. э. Ученики, верные формуле сяо (сыновней почтительности), совершали траурные церемонии в течение трех лет после его смерти, а один из них, по имени Цзы Гун, прожил в хижине у могилы Учителя шесть лет. Как отмечал Сыма Цянь, «последующие поколения соорудили храм Учителя, где были собраны одежда, головные уборы, музыкальные инструменты, повозка, книги Конфуция». Могила Конфуция стала местом паломничества, а его учение со временем превратилось в идеологическую основу китайской государственности.

3.2. Каноническая литература конфуцианства

Классические конфуцианские сочинения включают «Пятикнижие» («У-Цзин») и «Четверокнижие» («Сы-Шу»), однако не все они относятся к разряду религиозной литературы. «Пятикнижие», основной канон конфуцианства, состоит из «И-Цзин» («Книги перемен»), сборника магических формул и заклинаний; «Шу-Цзин» («Древней истории»), истории легендарных императоров; «Ши-Цзин» («Книги песнопений»), сборника древней поэзии, отчасти космологического и мифологического содержания, в который включены религиозные песни и гимны, связанные с обрядами жертвоприношения; «Ли-Цзи» («Книги церемоний»), описания многочисленных обрядов, в том числе религиозных; «Чунцю» («Книги весны и осени»), хроники одного из китайских княжеств.

«Четверокнижие» включает «Дасюэ» («Великое учение») – систему взглядов и представлений о самосовершенствовании человека, изложенную, на основе идей Конфуция, одним из его

учеников; «Чжунюн» («Книгу о середине») – учение о необходимости соблюдать во всем гармонию и избегать крайностей; «Лун-Юй» («Книгу изречений и афоризмов Конфуция и его учеников»); «Мэнцзы» учение философа Мэнцзы, самого выдающегося из последователей Конфуция (371–289 гг. до н. э.). В них изложены представления о правилах поведения, об управлении государством и обществом, о человеке и мудром правителе, о добродетелях и знании, об отношении к природе и социуму, сформулирована система социально-политической этики. Конфуция не интересовали вопросы метафизики, космогонии, в его учении крайне мало религиозно-мистических элементов. Больше всего Учителя привлекало поведение человека на Земле, и не случайно именно человек и человеколюбие (жэнь) стали центральными идеями его философско-этической концепции.

Не все произведения, включенные в списки канонической литературы, написаны Конфуцием. Из тех трудов, которые принадлежали перу Учителя и дошли до наших дней, наиболее полным и важным трактатом, содержащим основы его учения, является «Лун-Юй», запись суждений и бесед Конфуция с учениками. Текст книги был канонизирован в эпоху Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.). К ее началу были известны три текста произведения: 1) «Лу Лун-Юй», составленный в царстве Лу; 2) «Ци Лун-Юй», составленный в царстве Ци; 3) «Гувэй Лун-Юй», обнаруженный в доме Конфуция, где он был спрятан его учениками в период гонений на конфуцианскую литературу при императоре Цинь Шихуане. В эпоху Тан (618–907 гг.) текст был выбит на каменных стелах, благодаря чему и дошел до наших дней.

По форме книга напоминает отрывистые дневниковые записи. Это бессистемное собрание афоризмов и анекдотов, записанных учениками со слов Учителя. Изречения Конфуция в ней перемежаются вопросами и ответами на них учеников. Основная идея книги связана с проблемой эволюции человека в процессе воспитания и образования, приобщения к знанию и высшей духовной культуре – вэнь.

На протяжении двух с половиной тысячелетий «Лун-Юй» была очень популярна в Китае. Текст книги должен был знать

каждый образованный человек, а специфическая литературная форма способствовала легкому ее усвоению. В 1928 г., когда в Китае подверглись запрету официальные церемонии жертвоприношений Конфуцию, специальным приказом Министерства образования «Лун-Юй» изъяли из списка обязательной литературы для изучения в учебных заведениях, однако продолжали читать в семьях, в домашней обстановке, что отнюдь не умалило ее воздействия на жизнь местного населения. «Лун-Юй» заучивали наизусть многие поколения жителей Дальнего Востока. Идеи, изложенные в ней, оказали воздействие на формирование национальной идентичности жителей Китая и Юго-Восточной Азии (Кореи, Японии). В книге нашли отражение разнообразные идеи Конфуция. В их числе жэнь (человеколюбие), вэнь (культура), Дао (путь, закон), и (долг), ли (этикет, ритуал), дэ (гармония), сяо (сыновняя почтительность) и другие.

3.3. Конфуций о человеке

Суть человеческой природы Конфуций видел в стремлении к самосовершенствованию. «Богатство и знатность – вот то, к чему стремятся люди. Если установить для них Дао в достижении этого, то они это и получают. Бедность и презренность – вот что ненавидят люди. Если не установить для них Дао в избавлении от этого, то они от этого и не избавятся». «Люди могут осуществить свои стремления и желания, избавиться от ненавистных состояний, если будут следовать Дао». Так, стремление к богатству и знатности, страх оказаться в числе бедных и презираемых Конфуций отождествлял с самой человеческой природой, считал своеобразным биологическим фактором, присущим как отдельным индивидуумам, так и коллективам и этносам в целом.

Постичь Дао, с точки зрения Конфуция, означает вступить на путь познания истины или приобщиться к его учению, что даст возможность человеку осознать смысл жизни. По его словам, «если на рассвете познаешь Дао, то на закате солнца можно и умереть». Тем не менее Конфуций не верил в способность каждого человека постичь Дао и подразделял людей на категории: цзюнь-цзы, жэнь и сяо жэнь. Категории «цзюнь-цзы» и «сяо жэнь» впервые были

введены Конфуцием в оборот и в дальнейшем определили суть его учения о человеке, обществе и государстве.

Цзюнь-цзы (благородный муж) – само совершенство, идеал, пример для подражания, своеобразный эталон, на который следовало равняться представителям двух других категорий населения: жэнь и сяо жэнь. Термин «жэнь» был использован для обозначения весьма аморфной и расплывчатой категории обычных людей, которые имели возможность продвигаться, совершенствуясь, в направлении к цзюнь-цзы, обретая и накапливая добродетели, или, наоборот, деградировали и катились вниз, к сяо жэнь. Сяо жэнь (маленький, низкий, вульгарный человек) рассматривался Конфуцием и его последователями в нарицательном значении как непросвещенный, несдержанный, заносчивый, грубый человек, думающий только о выгоде, трусливый и расчетливый.

По мнению Конфуция, цзюнь-цзы обладал множеством добродетелей. Учитель отмечал: «Благородный муж всегда исходит из чувства справедливости, которое выражается в том, что в делах он следует правилам поведения (ли), в речах скромн, при завершении дел правдив». «Благородный муж всегда думает о девяти (вещах): о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы слышать четко; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости спрашивать других, когда появляются сомнения; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу». «Благородный муж всегда в помыслах о Дао, а не о еде... Благородный муж беспокоится лишь о том, что не может постичь Дао, его не беспокоит нищета». «Благородный муж беспокоится о том, что не обладает способностями, но не беспокоится о том, что люди не знают о нем». «Благородный муж избегает трех вещей: в юности, когда организм еще не окреп, он избегает любовных утех; в зрелом возрасте, когда у него появляется сила, он избегает драк; в старости, когда организм ослабевает, он избегает жадности». «Ему отвратительны те, кто плохо говорит о людях. Он испытывает отвращение к тем, кто, будучи внизу,

клеветает на вышестоящих. Ему отвратительны те, кто, обладая смелостью, не соблюдает ритуала. Он испытывает отвращение к тем, кто, будучи решителен, действует не думая».

Цзюнь-цзы и сяо жэнь принципиально противоположны друг другу по их морально-нравственным качествам. Конфуций отмечал: «Благородный человек стремится вверх, маленький человек – вниз». «Благородный муж заботится о морали, маленький человек думает о земле». «Благородный муж думает о соблюдении закона, маленький человек думает о получении благоденствия». «Есть благородные мужи, которые не обладают человеколюбием, но нет низких людей, которые обладали бы человеколюбием».

Однако Конфуций считал, что, следуя Дао и овладевая знаниями, можно приблизиться к идеалу. Он отмечал: «Те, кто обладает врожденным знанием, стоят выше всех. За ними следуют те, кто приобретает знания благодаря учению». Осуждая лень, хвастовство, праздность, тупость и веря в то, что нет пределов нравственного совершенствования, Конфуций неустанно проповедовал необходимость учиться.

«Учитель сказал: "Ю, слышал ли ты в шести фразах о шести пороках?" Цзылу ответил: "Нет". Учитель сказал: "Я расскажу тебе. Любить человеколюбие и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тупости. Любить мудрость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тому, что человек разбрасывается. Любить правдивость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к нанесению ущерба самому себе. Любить прямоту и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к грубости. Любить мужество и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к смутьянству. Любить твердость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к сумасбродству"». С точки зрения Конфуция, учение не только развивало морально-нравственные свойства человека, но и способствовало приобретению вэнь – культуры, что, собственно, и формировало личность, делало человека человеком.

Человек в учении Конфуция представал двойственным по своей сути. С одной стороны, это реальный, земной человек, обладавший собственным именем, биографией, характером; с

другой – абстракция, мифический герой, символ, объект религиозного почитания. Исходным в характеристике человека, по мнению Конфуция, выступает представление о природе человека, которое он обозначил двумя терминами: син (природа) и чжи (простой, неукрашенный). Конфуций считал, что «природа (син) каждого с другим сближает». Это касалось и чжи, то есть того, что сопоставлялось с очищенной от шерсти тушей, сближающей «тигра и барса» с «собакой и бараном». Природа (синтез син и чжи) противостояла привычке, навыку, знанию, то есть приобретенному, не полученному от рождения – вэнь (в буквальном переводе: «узор», «рисунок», «украшение»). Именно это, с точки зрения Конфуция, и отдаляло людей друг от друга. Однако для «цзюнь-цзы» этого было недостаточно. Следовало обладать еще рядом качеств: чувством долга (и); благопристойностью и знанием обрядов и церемоний (ли); человеколюбием, милосердием (жэнь); искренностью, доверием (синь); сыновней преданностью (сяо). Все эти добродетели были необходимы для того, чтобы управлять государством, обществом и людьми.

Конфуций считал, что благородный муж должен управлять государством и народом – о земле следует думать маленьким людям. По его мнению, каждый человек был обязан найти и занять то место в обществе, которое соответствовало бы его умениям, знаниям и культуре. Конфуций проповедовал определенные нормы и стереотипы поведения человека в зависимости от его места в обществе и государстве, считая идеальным порядок, когда «будет государем государь, слугою слуга, отцом отец и сыном сын».

В эпоху Хань был составлен подробный свод правил внешней учтивости, определивших стиль поведения людей в различных жизненных ситуациях: в момент рождения и смерти, в ходе бракосочетания, при поступлении в школу и получении должности. Этот свод правил известен под названием «Ли-Цзи». Этикет был основан на пяти достоинствах: 1) человеколюбии; 2) искренности; 3) нравственности; 4) мудрости; 5) честности – и трех отношениях: 1) отца к сыну; 2) мужа к жене; 3) государя к чиновникам. От их соблюдения зависело благополучие семьи, государства и Вселенной. В «Ли-Цзи» отмечалось: «Человеку

присущи качества Земли и Неба; в нем совокупаются светлое и темное; сливаются дух и душа; смешиваются совершенные ци (энергии) пяти стихий... Поэтому совершенно мудрые, устанавливая свои принципы, должны были сделать их источником Небесное и Земное, первопричиной – светлое и темное, сделать времена года – правилом, Солнце и звезды – путеводной нитью, Луну – мерилем, духов и души (умерших) – помощниками, пять стихий – исходным материалом, ритуал и долг – орудиями, чувства человеческие – пашней...».

Конфуций и его последователи пытались упорядочить жизнь в государстве и обществе, а каждого человека ориентировать на поиск своего места в мире хаоса, чтобы обрести покой. Критерием разделения общества на сословия, с точки зрения Конфуция и Мэнцзы, должны были служить не знатность рода, не материальное благополучие, а знания и добродетели, близость человека к социальному идеалу Учителя – цзюнь-цзы.

Формально этот критерий открывал возможность восхождения по служебной лестнице любому человеку, приносившему «связку сушеного мяса» – способному заплатить за обучение. Фактически все обстояло сложнее. Уже в эпоху Хань сословие ученых-чиновников оказалось отделено от простого народа «стенной иероглифов» (грамотностью) и превратилось в привилегированное. В «Ли-Цзи», например, говорилось, что к грамотным людям неприменимы грубые телесные наказания.

Китайское общество распалось на две категории: «думающих» (управляющих), носителей ритуала, и простой народ, то есть управляемых, тех, кто «слушается и повинуется». И хотя высшим смыслом существования идеального государства Конфуций и его последователи считали благосостояние народа (Мэнцзы, например, учил, что «из трех важнейших элементов государства на первом месте стоит народ, на втором – божества, на третьем – правитель»), им следовало управлять, наставляя его на путь истинный, не затрудняя себя объяснениями. Конфуций отмечал: «Правитель подобен ветру, народ подобен траве. Куда дует ветер, туда клонится и трава».

3.4. Культ предков и нормы сыновней почтительности

Одной из важнейших основ социального порядка Конфуций считал строгое повиновение старшим. По его мнению, любой старший по возрасту, статусу, положению: отец, чиновник или правитель – должен был быть беспрекословным авторитетом для младшего, подчиненного, подданного. Слепое повиновение его воле, слову, желанию, прихоти стало элементарной нормой поведения в Китае (а также в Японии и Корее) в рамках семьи, клана, общества и государства.

Конфуций считал, что государство – это большая семья, а семья – малое государство. Нормы сяо (почитание предков, уважение к старшим) превратились в элемент китайской государственности. Каждый человек был обязан проявлять почтительность к старшим: к родителям, правителям и вышестоящим. В первую очередь это касалось образованных людей, стремившихся приблизиться к идеалу цзюнь-цзы. Смысл сяо для них заключался в том, чтобы служить родителям по правилам ли, похоронить их по правилам ли, приносить им жертвы по правилам ли.

Согласно ритуалу, каждый человек должен был всю жизнь преданно заботиться о родителях, угождать им, быть готовым на любую жертву во имя их здоровья и блага, чтить их при любых обстоятельствах. Даже если отец не являлся образцом добродетели и был уличен в злодействе, воровстве, убийстве, почтительный сын мог только смиренно увещевать родителя, просить вернуться на стезю добродетели и ему не противоречить. В Китае поощрялось и даже считалось нормальным то, что сын в суде не должен был свидетельствовать против отца. По выражению Конфуция, прямота и честность заключались не в том, чтобы предать отца, а в том, чтобы покрыть его, даже если он «украл барана».

Культ сяо стал в Китае нормой жизни. Выдающиеся примеры сыновней почтительности превратились в объект для подражания. Некоторые из них вошли в сборник «Двадцать четыре примера сяо» и неизменно вызывали восхищение. Вот несколько образцов сяо. Бедняк, продавший в рабство сына, чтобы нако-

мить умирающую от голода мать, нашел в огороде сосуд с золотом и надпись: «За твоё сяо!». Восемилетний мальчик, который в душные летние ночи не отгонял от себя комаров, чтобы не беспокоить уставших за день родителей. Почтительный сын в голодный год отрезал кусок собственного тела, чтобы сварить бульон для ослабевшего отца. Добродетельный император Вэньди династии Хань, который во время трехлетней болезни матери не отходил от ее ложа, лично готовил ей еду и пробовал все приготовленные для нее лекарства, дабы они не принесли ей вреда. Сын в возрасте семидесяти лет, не называвший себя стариком, который, нарядившись в детское платье, изображал младенца перед своими родителями; чтобы развлечь их, он притворно спотыкался, падал и, разлив воду, которую им нес, плакал как ребенок.

Культ предков и нормы сяо способствовали расцвету культуры семьи и клана. Идеальной в Китае считалась большая семья, включавшая несколько поколений родственников. Целью семьи считалось рождение детей, продолжение рода. Особенно ценились большие нерасчлененные семьи, своеобразные семейно-клановые корпорации, объединявшие дедов, отцов, сыновей и внуков, жен, наложниц, неженатых и незамужних родственников, связанные общностью земли и имущества, а также нормами клановой взаимопомощи. Символами их единства были родовые храмы предков с могильниками и примыкающие к ним земли, отчуждать которые категорически запрещалось. В дни торжеств в храмах собиралась вся семья, и после ритуальной церемонии в семейном кругу решались различные вопросы, связанные с разделом имущества, распределением доходов, выбором занятий, бракосочетанием; коллективные, личные, интимные. С младенчества члены семьи-клана привыкали к тому, что общие интересы выше личных. Следование традиции и ритуалу считалось долгом каждого человека.

3.5. Конфуций о государстве

Представления Конфуция об идеальном государстве были аналогичны его представлениям о семье. Учитель выделял три типа государства. Во-первых, хорошо управляемое государство, где царят Дао (закон) и Дэ (гармония). Во-вторых, плохо

управляемое государство, утратившее Дао, сошедшее с пути. В-третьих, лишённое всякого управления государство, где царит хаос. Критериями классификации были профессионализм и нравственность правителей и чиновников, ответственных за благосостояние народа. Учитель сказал: «Когда ведешь себя ты правильно, то за тобой пойдут и без приказа; когда же ты ведешь себя неправильно, то не послушают, хотя и прикажешь».

О том, каким видел Конфуций идеальное государство, можно судить из его бесед с правителями. Цыгун, правитель Ци, спросил Конфуция о правлении. Конфуций ответил: «Когда будет государем государь, слугой слуга, отцом отец и сыном сын». Цзи Канцзы, вельможа царства Лу, спросил Конфуция о правлении. Конфуций ответил: «Правление есть исправление. Кто же не исправится, когда исправитесь Вы сами?!»

Едва ли не важнейшим условием существования идеального государства Конфуций считал доверие народа. В беседе с Цыгуном он так обрисовал совершенное правление: «Это когда достаточно еды, достаточно солдат и есть доверие народа». Цыгун спросил: «А если бы была необходимость, то что бы прежде Вы исключили из перечисленного?». «Исключил бы солдат», – ответил Учитель. Цыгун опять спросил: «А если бы была необходимость, то что бы прежде Вы исключили из оставшегося?». «Исключил бы пищу. Смерть издревле никто не может избежать, когда ж народ не верит, то не устоять».

Опираясь на представления о Небе как источнике святого начала, Дао (пути, законе) и Дэ (гармонии), конфуцианские мыслители разработали учение о небесном происхождении власти в китайском государстве, которое стало именоваться Поднебесной. Правитель получал божественный мандат (мин) на право управления. Если он соглашался следовать установленным традициям, то совершал жертвоприношения в Храме Неба и храме предков. Если он отказывался следовать правилам, то терял Дао и Дэ, а вместе с ними и право на покровительство со стороны Неба. Мэнцзы сформулировал даже тезис о праве народа на восстание против недобродетельного правителя и о насильственной смене мандата (гэ-мин). В современном Китае слово «гэ-мин» используется как аналог слова «революция».

Таким образом, конфуцианские мыслители стремились к тому, чтобы конфуцианская мораль и этика стали общепринятыми. Каждый китаец непременно с младенчества до смерти должен был руководствоваться ими в быту, в общении с людьми, в исполнении семейных, клановых и государственных обрядов и ритуалов.

3.6. Система воспитания и образования

Приобщение к конфуцианским традициям начиналось в семье. Детей с малолетства приучали следовать нормам сяо, обучали грамоте по конфуцианским книгам. Отрывки из «Лун-Юй» заучивались наизусть. Нередко в устной форме они передавались от отца к сыну, дополнялись, превращались в афоризмы и анекдоты, делались достоянием массовой культуры, возводились в ранг Дао и Дэ – Великого закона и добродетели.

Возрос и статус образованного человека. Уже в период раннего Средневековья в Китае сформировался своеобразный культ грамотности (или иероглифа) и ученых (мудрецов) – ши. Интеллект ценился очень высоко. «Трехдюймовый язычок (острый язычок, символ мудрости и остроумия – *прим. авт.*) стоит сотни-тысячной армии», – говорили в Китае.

Вся система конфуцианского образования была ориентирована на подготовку интеллектуалов. Хорошее знание древних текстов, умение писать трактаты и свободно излагать мысли, комментировать труды Конфуция – вот что требовалось от выпускников конфуцианских школ. На протяжении более чем двух тысячелетий в них обучали только этому. Дисциплины негуманитарного цикла (естествознание и другие) не считались достойными внимания. Владение ими не давало никаких привилегий. Изучение гуманитарных наук открывало путь вверх, давало возможность продвижения по служебной лестнице.

Звание «человека культуры» не гарантировалось ни сословными привилегиями, ни титулом, ни богатством. Заповедь Конфуция: «Жизнь есть учение» – определяла смысл существования образованных людей. Они должны были учиться, чтобы стать душой общества и его совестью; им следовало заниматься словесностью и искусствами. Им запрещено было демонстрировать

свои таланты. Их жизнь была подвижничеством, они искали одиночества, которое стимулировало творческую активность.

Конфуция называли Учителем «десяти тысяч поколений». Конфуцианских школ в Китае было создано множество. В них могли учиться представители всех сословий. В число обязательных для изучения дисциплин входили музыка, основы стихосложения; причем музыка использовалась в дальнейшем как фон для чтения стихов. Конфуций ввел в школах преподавание ритуала, учил, как правильно вести себя, как придавать приятное выражение лицу. Он отмечал, что «лишь через поэзию можно отточить ум. Лишь через ритуал можно сформировать личность. Лишь в музыке можно обрести внутреннее равновесие».

Большое внимание в конфуцианской традиции уделялось личности учителя. Конфуций отмечал: «Кто постигнет новое, лелея старое, тот может быть учителем». В «Лун-Юй» встречается следующая характеристика учителя: «Учитель ласков был, но строг; внушитель, но не свиреп; полон почтительности и покоя».

Весьма уважительно и внимательно относился Конфуций к своим ученикам и к самому процессу передачи знаний. «Учитель сказал: "Нестраждущих не просвещаю, непоколебимых не учу. Не повторяю тем, кто не способен отыскать по одному углу три остальных"». «Напрасно обучение без мысли, опасна мысль без обучения». На вопрос, что такое знание, Конфуций ответил: «Что знаешь, то считай, что знаешь; незнание считай незнанием. Это и есть знание». Лучшим учеником Конфуций считал того, кто «любил учиться, не гневался, не повторял ошибок».

Однако выбиться в люди после окончания конфуцианской школы было нелегко. Грамота давалась не всем, а для того чтобы получить право называться ученым, следовало выучить несколько тысяч иероглифов, уметь разбирать древнекитайские тексты. На обучение уходили годы, затрачивались значительные средства. В результате лишь самые удачливые, способные, усидчивые ученики, имевшие достаточно сил и упорства, выбивались в люди, овладевали знаниями, чтобы принять участие в конкурсных экзаменах на высшие должности, которые могли занять только ученые.

В культе образования (учености) воплотился союз власти с людьми культуры. В Китае вплоть до XVII–XVIII вв. господствовала «аристократия тушечницы», а не «аристократия меча». Благоговение вызывало все, что относилось к занятиям письмом и каллиграфией. Выбрасывать или использовать не по назначению исписанную бумагу считалось кошунством: ее с почтением сжигали в специальных урнах.

Обучение ребенка старались начать как можно раньше. В знатных семьях первыми (и единственными) игрушками детей были письменные принадлежности и листы с иероглифами. Под руководством учителя малыш постигал азы грамоты, закрашивая выведенные красной тушью знаки, и трехлетний мальчуган вполне мог радовать старших собственноручно выведенной надписью из несложных специально подобранных иероглифов.

После этого юный ученик начинал изучение книг для начального чтения: «400 фамильных знаков», «Канон из трех иероглифов» (состоящий из множества строк по три иероглифа в каждой). Они включали главным образом назидания без скидки на нежный возраст учащихся. На первой странице букваря можно было прочесть: «С чего начинается человек: его природа в основном добра. По природе люди друг к другу близки, по привычкам друг от друга далеки».

Третий букварь – «Канон тысячи иероглифов» – представлял собой связный текст в одну тысячу знаков, из которых ни один не повторялся. В нем излагались представления о жизни и мире, утверждалось, что «небо темное, земля желтая, вселенная велика и широка».

Классическое образование сводилось к подготовке государственных служащих. Учеба представляла собой механическое заучивание конфуцианских текстов. По 50 раз повторяли ученики вслед за учителем фразу за фразой. Следовало усвоить не менее 400 тысяч иероглифов, церемонии и ритуалы.

Конфуцианские школы (и училища) выпускали грамотных, получивших унифицированное образование людей. Они пополняли сословие шэньши (ученых-чиновников), которое управляло государством.

3.7. Шэньши: сословие ученых-чиновников

Кто же в Китае принадлежал к ученому сословию? В «Ли-Цзи» отмечалось: «Ученый учится многому... Он, сидя на рогожке, усваивает высшие правила... учится день и ночь в ожидании, что его пригласят на службу, укрепляется в преданности престолу, ожидая, что его повысят, напрягает усилия, чтобы быть способным к исполнению поручений... При полной вежливости он как будто небрежен, в маловажных случаях как будто стыдится; прежде чем заговорить, уже внушает доверие; заботится не о богатстве, а об изяществе; перед выгодой не повредит истине; видя смерть, не изменит своему долгу; его можно умертвить, но не устыдить... Он живет с нынешними людьми, а изучает древних, действует в настоящем, а думает о будущем».

Квалификация ученых-чиновников определялась при помощи сложной процедуры экзаменов. Истоки конкурсного отбора претендентов на высшие государственные должности восходят к эпохе Чжоу. В эпоху Хань они стали единственным путем, открывавшим возможность продвижения по служебной и социальной лестнице. Окончательное оформление многоступенчатая система конкурсных экзаменов на ученые степени получила, когда конфуцианство стало идеологией правящих кругов.

В период правления династии Тан низшую ученую степень сюэя могли получить выпускники конфуцианских школ и училищ в любом уездном центре, где экзамены проводились под бдительным надзором столичных чиновников один раз в год. Обладатели низшей ученой степени считались еще не закончившими обучение, их не допускали к государственной службе. Они учительствовали, занимались литературной поденщиной, «пахали кистью». Наиболее честолюбивые мечтали о более высокой степени цзюйжэня, дававшей право на ношение шелковой одежды, езду в паланкине и получение должности в государственной администрации. Элиту сословия ученых-чиновников составляли цзиньши. В общей массе образованных людей их было немного.

Процедура экзаменов была отработана веками. В специально отведенных помещениях, куда был закрыт доступ для всех, кроме экзаменаторов и экзаменуемых, в течение двух – трех

суток без каких-либо книг, по памяти, следовало написать сочинение в соответствии с темой и заданной формой о каком-нибудь событии в древности и на свободную тему, стараясь как можно больше цитировать конфуцианские трактаты.

Претенденты на ученые степени приходили на экзамен на рассвете, захватив с собой письменные принадлежности и корзину с провизией. Собирались у ворот городской управы. Гремел пушечный выстрел. Ворота отворялись. Появлялся правитель (уезда, города, столицы) в парадных одеждах, проверял удостоверения личности экзаменуемых, раздавал листы и темы сочинений. Параллельно производился личный досмотр; использование шпаргалок и взяточничество жестоко каралось.

С экзаменами было связано немало суеверий и легенд. Считалось, что божества не позволяют негодяям и обманщикам пройти через испытания. Обморок, истерика, припадок или какой-либо внезапный приступ болезни рассматривался как возмездие за грехи. В среде образованного сословия бытовало мнение о том, что для того, чтобы выдержать экзамены, необходимо обладать резвостью скакуна, упрямством осла, неразборчивостью вши и выносливостью верблюда.

Писатель Пу Сунлин (1640–1715 гг.), автор «Неофициальной истории конфуцианства», так писал о «семи превращениях» экзаменуемого: «Когда он входил в зал, он похож на нищего, который просит подаяния. Когда его обыскивают помощники экзаменатора, он похож на тюремного узника. Когда он удаляется в кабинку и оттуда выглядывает наружу, он похож на пчелу в улье. Когда он выходит на улицу после экзамена, он похож на изможденную птицу, выпущенную из клетки. Когда он ждет результата экзамена, он похож на обезьяну, которая ни минуты не может усидеть на месте. Когда результаты известны и он узнает, что провалился, он похож на муху, проглотившую отраву. Когда позднее его охватывает чувство ярости, он похож на птицу, разоряющую свое гнездо».

Правила отбора претендентов были жесткими. Только 2–3% от общего числа получали искомую ученую степень и право на последующую сдачу экзаменов и на соискание следующей.

Высшая ученая степень – цзиньши – могла быть присвоена лишь тем, кто успешно прошел через предыдущие туры экзаменов, то есть обладателям степени цзюйжэнь. Конкурсные экзамены на ее соискание проходили в столице, как правило, один раз в два – три года. За соблюдением правил их проведения лично следил император. Из среды тех, кто в ходе экзаменов проявлял себя как знаток ритуала и церемоний, формировались кадры высшей бюрократической элиты. Перед ней открывался путь к славе, почету, богатству. Обладатели степеней сюэца и цзюйжэнь не могли рассчитывать на получение государственных должностей, но в пределах своего уезда они пользовались большим влиянием, имели хорошо оплачиваемую работу, их уважали, с их мнением считались, к ним обращались за советом и помощью.

3.8. «Мудрое безумие»

Не все обладатели ученых степеней стремились к государственной службе. В их среде немало было тех, кто желал удалиться от обыденной жизни, приобщиться к высшим знаниям и духовности. Только добрый (шань), способный (нэн) и милосердный (жэнь) мог избрать путь, ведущий к самосовершенствованию, и стать ученым мужем – ши, знатоком церемоний.

Учитель говорил:

Когда почтительны без ритуала – суетливы;

Когда предусмотрительны без ритуала, то робки;

Когда смелы без ритуала, то мятежны;

Когда прямы без ритуала, то грубы.

Именно знания ритуала, по мнению Конфуция, возвышали человека. Он неоднократно подчеркивал, что все ученые-чиновники, должны держаться вместе, не должны дружить и общаться с теми, кто им не равен по положению и умениям, не обязаны просвещать того, кто не достоин этого: «Живя в какой-либо стране, служи лишь тем ее сановникам, кто наиболее достоин, дружи лишь с теми из ее мужей, кто полон милосердия».

Стереотип поведения, сложившийся в среде ученого сословия и копировавший этические и эстетические установки Конфуция и его учеников, в обществе воспринимался неоднозначно.

Многим он казался странным. Прикидываясь то бессловесным, то простодушным, то энергичным, то слабым и медлительным, Конфуций нередко провоцировал к весьма определенным действиям и высказываниям своих учеников, умело ими манипулируя. Его поведение всегда было немного представлением, игрой. «Когда Учитель был рядом с человеком в трауре, он никогда не наедался досыта. В тот день, когда Учитель плакал, он не пел». Его манеры вызывали недоумение и даже насмешку, тем более что Конфуций и на самом деле нередко играл роль шута.

Его близость к так называемой смеховой культуре была подмечена В. М. Алексеевым, который опирался на труды Сыма Цяня, описавшего следующее происшествие. «Конфуций предложил князю позвать дворцовых музыкантов. Шуты и карлики начали выделять разные туры. Конфуций поднялся и сказал: "Когда низкие люди издеваются над повелителями, их вина казнится смертью. Я прошу дать приказ поступить с ними по закону". Карликов убили, их головы и руки были разбросаны».

Шутовство Конфуция – особого рода. Во многом оно копирует поведение юродивого. Внешне нелепое и смешное, оно одновременно является жестким и рациональным, будучи проникнуто высоким смыслом. Лицедейство Конфуция вело к популяризации его учения, формировало мораль и этику, способствовало возникновению придворного ритуала. Манерность и шутовство Конфуция являлись механизмом распространения идей посредством игры, посредством представлений, которые он разыгрывал при дворе, используя прием трагикомического преувеличения.

Гротескным являлось и само положение Конфуция и его учеников, ученых и добродетельных, честных и милосердных, справедливых и в то же время наивных, нищих, странствующих, пытавшихся возвыситься над остальными и ставших изгоями, живущими вне семьи, изолированно от общества. Их маргинальность и амбивалентность выражалась в относительности их знаний (кроме ритуала и церемоний, они мало что знали и в быту были крайне беспомощны), материального благополучия (они имели или могли иметь стабильный доход, однако нередко странствовали и довольствовались подаяниями), социального положения (их

принимали при дворе, они имели должности, степени, но предпочитали жить уединенно, избегая всего, что могло бы оторвать их от размышлений). Они жили, балансируя между крайностями, придерживаясь принципа середины. Своеобразие их положения определило возникновение в Китае в лоне конфуцианской традиции специфического культа юродства.

Юродство – феномен, известный из истории главным образом русской культуры, не без основания рассматриваемый как «русское национальное явление». Однако в Китае получила распространение другая его форма – так называемое «мудрое безумие». «Безумцами» считались известные своей добродетельной жизнью ученики Конфуция: Янь Цзыюань, Чжунгун, Минь Цзыцзянь и Жань Боню. О Чжунгуне Конфуций отзывался грубо: «Рыжий, и с рогами, "бычок"...». По мнению Учителя, он, благодаря знаниям, был достоин государственного престола. Однако низкое происхождение мешало карьере: отец Чжунгуна землю пахал. Чжунгун служил при дворе правителя Ци, но остался «бычком», принадлежавшим «низам», к категории «пахотных животных», но «не предназначался и не использовался на сельскохозяйственных работах». Чжунгун занимался интеллектуальной деятельностью.

Другой ученик Конфуция – Жань Боню – страдал проказой. Однажды Конфуций навестил его. По руке, протянутой в окно, Учитель предсказал больному скорую смерть. Болезнь делала общение Жань Боню с внешним миром затруднительным и нежелательным, превратив его в изгоя.

Янь Цзыюань, лучший ученик Конфуция, считавший Учителя вторым «отцом», влачил нищенское существование. Из-за бедности он не имел возможности соблюдать ритуал. После смерти сына у его родного отца не было денег на достойные похороны, согласно ритуалу, чтобы приобрести саркофаг для гроба. Лишенный саркофага, нищий Янь Цзыюань утрачивал статус ши (привилегированного сословия) и тоже уподоблялся изгоям.

Примечателен и отказ Минь Цзыцзяня (четвертого из учеников Конфуция) от должности при дворе дома Ци и обещание в случае повторного приглашения отправиться «жить на реку Вэнь», которая, по преданию, находилась между царствами Лу и Ци. Уход

туда означал отшельническую жизнь, отказ от покровительства со стороны правителей и принадлежности к какой-либо социальной или политической группировке. Даже сам Конфуций, по мнению Сыма Цяня, может быть отнесен к категории маргиналов. Его появление на свет являлось плодом «дикой связи» (Конфуций родился от брака юной девушки и старика), на что указывало отсутствие церемоний, сопровождавших бракосочетание его родителей, и более чем пятидесятилетняя разница в их возрасте. Отцу Конфуция к моменту рождения сына исполнилось 70, матери – 17 лет.

Таким образом, оказавшись исключенными из традиционных родовых и социальных кланов, Конфуций и его ученики проводили большую часть своей жизни в общении друг с другом, в долгих совместных беседах, при дворе, в странствиях. В позиции Конфуция и его учеников нельзя не заметить намеренного старания казаться юродивыми, безумными, чему способствовала сама историческая традиция. Эпоха смут родила этот феномен. Кроме того, в Китае всегда действовала «логика навыворот», заставлявшая стыдиться того, что само по себе не могло быть стыдным, и, напротив, без стыда заниматься делами, которые при иных обстоятельствах считались бы постыдными. Юродство в конфуцианской традиции отождествлялось с добродетелью. Отказ от обеспеченной жизни в стране с многочисленным населением, которое было весьма сложно накормить, одеть и цивилизовать, превратился в поиск Великого Дао.

Учитель сказал:

Всегда будь искренним, люби учиться,
стой насмерть, совершенствуй путь.

Страна – в опасности, ее не посещай,
в стране – мятеж, там не живи.

Есть в Поднебесной путь – будь на виду,
а нет пути – скрывайся.

Стыдись

быть бедным и убогим,
когда в стране есть путь;

стыдись

быть знатным и богатым,
когда в ней нет пути.

В поисках истинного пути Конфуций и его ученики превратились в отверженных и искренне верили в то, что при любых условиях милосердие ведет к отказу от благополучия, если в стране есть кто-то, кто его не достиг. Конфуций и его последователи приветствовали отшельничество, подвижничество, аскетический подвиг, суть которого и проявлялась в юродстве. В конфуцианской традиции оно включало: 1) обет молчанья; 2) отречение от политической деятельности; 3) отказ от ритуала и музыки; 4) предельное ограничение в еде, одежде, жилище; 5) трехлетний траур по умершим; 6) воздержание от жизненных удовольствий; 7) почтительное отношение к родителям; 8) лицедейство, которое воспринималось нередко как пародия, буффонада, как элемент смеховой культуры. И все же, несмотря на некоторую странность, непредсказуемость, даже экзальтированность поведения Конфуция и его окружения, благодаря близости смеховой культуре морально-этические принципы учения получили широкое распространение, усваивались в виде афоризмов и анекдотов и в конечном счете способствовали упрочению конфуцианских традиций в Китае и за его пределами.

3.9. Ритуал

Культ мудрых, милосердных, добродетельных, честных, справедливых и заботливых ученых-чиновников и распространение конфуцианских канонов, обрядов и церемоний привели к тому, что представители всех сословий: чиновники, земледельцы и землевладельцы, ремесленники и торговцы – были вынуждены копировать образцы их поведения. Соблюдение ритуала было привилегией шэньши. Они следовали всем деталям этикета, регламентировавшим действия, поступки, одежду и выражение лица, убранство жилища, украшения и т. д. Они долго соблюдали траур по умершим предкам (на время траура по родителям чиновник мог уйти в отставку на два – три года с сохранением жалования и права возвращения на прежнюю работу; потомки всех поколений носили на одежде траурные повязки). Устройство пышных похорон считалось делом чести, и нередко церемония похорон стоила целого состояния.

Шэньши было свойственно несколько странное, на первый взгляд, чувство самоуважения и самоуничижения. Нормы поведения предполагали уничижительный тон в беседе и в письменном общении по отношению к себе с обеих сторон. Следовало использовать обороты типа: «Я, ничтожный, осмеливаюсь Вас побеспокоить...», или «Как Ваша драгоценная фамилия?», или «Ваш недостойный слуга смеет надеяться...» и т. д. Такая форма общения не означала, что собеседники, даже если их поза, поклоны и жесты соответствовали самоуничижительному тону, действительно считали себя ничтожными.

У большинства шэньши было обостренное чувство собственного достоинства. Самой страшной и непереносимой катастрофой для любого из них была так называемая «потеря лица», публичное обвинение, обличение, унижение, не соответствующее чину, положению, образованию, воспитанию. Например, публичное обвинение во взяточничестве, в мошенничестве во время экзаменов было для шэньши «моральной смертью».

Следование ритуалу в конфуцианской традиции можно считать аналогом молитвы и поста в христианстве и исламе или медитации в буддизме и индуизме. Регламент сковывал возможности волеизъявления, выражения чувств и действий отдельных социальных групп и каждого конкретного человека. Воспитание и образование помогало приспособиться к стереотипу поведения. С детства человек привыкал следовать канону, выполнять обряды, как закон. Уже в юные годы у каждого вырабатывался некий автоматизм в соблюдении этикета, детально продуманных и рассчитанных на все случаи жизни норм поведения, апробированных на протяжении веков.

Безграничное уважение к традиции, стремление сохранить опыт прошлого, приумножить его и использовать в будущем, сочетание культа предков, семьи, клана с культом знания, обращение к простым человеческим отношениям: честности, искренности, сыновней преданности, любви как основе государственности – обеспечивали устойчивость и долголетие конфуцианства, способствовали его распространению в странах ДВ (Корея, Япония, Вьетнам, Сингапур). Японское «экономическое чудо», нередко именуемое «конфуцианским капитализмом», и успехи в развитии «новых ин-

дустриальных стран» («драконов», «тигров») во многом оказались возможны благодаря плодотворному усвоению идей Конфуция, вниманию к проблемам человеческого общения и общественного согласия и наращиванию творческого потенциала.

В Китае после свержения последней китайско-маньчжурской династии Цин конфуцианство утратило статус государственной религии. И хотя военный диктатор Юань Шикай, стремившийся провозгласить себя императором, придерживался его канонов, попытки сохранить особый статус конфуцианства не оправдали себя. Желание сделать конфуцианство основой китайской государственности выражали Сунь Ятсен, Чан Кайши – лидеры Гоминьдана. В 1935 г. чиновникам даже вменялось в обязанность поклоняться Конфуцию как «величайшему и мудрейшему Первому Учителю». Большая часть коммунистов отвергала учение Конфуция, считая, что конфуцианство и монархия неразделимы по своей природе. Учителя обвиняли в ретроградстве и засилье деспотических порядков в стране. Конфуцианской традиции дали насмешливое прозвище «семейного магазина Конфуция». Она была подвергнута резкой критике, а Учитель Кун превратился в героя скабрёзных анекдотов.

Тем не менее после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. имя Конфуция вновь оказалось поставленным на службу политике. Мао Цзэдун, интересовавшийся творческим наследием Конфуция, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци и другие лидеры государства неоднократно использовали его идеи. Мао Цзэдун в своих выступлениях часто приводил цитаты из трудов Конфуция. Совместно с Лю Шаоци он совершил паломничество к могиле Учителя на горе Тайшань. Личный секретарь Мао Цзэдуна Чэнь Бода, которому приписывали авторство многих опубликованных под именем «великого кормчего» работ, рассматривал Конфуция едва ли не как предшественника научного коммунизма. И хотя в начале 1970-х гг., в период «кампании критики Линь Бяо и Конфуция», в ходе «великой пролетарской культурной революции» Учитель был подвергнут нападкам: его храмы и памятники разрушались, труды сжигались, а упоминание о нем каралось законом, – конфуцианство сохранило свои позиции.

В настоящее время, наряду с учением К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и идеями Мао Цзэдуна, оно считается одной из основ «социализма с китайской спецификой». Верность чувству долга, скромность, патриотизм и сыновняя преданность Отечеству стали едва ли не важнейшими элементами морального кодекса строителей «коммунизма с китайской спецификой». Выступая перед участниками Международного конфуцианского симпозиума в Пекине, Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь сказал: «Конфуций – великий древнекитайский мыслитель, его идеи – наше драгоценное культурное достояние. Мы должны бережно сохранить все лучшее, что есть в конфуцианстве, отвергнув то, что не соответствует нынешней эпохе... Нам следует извлечь зерна конфуцианских идей, отбросив плевелы, чтобы воспитать потомков на превосходных традициях китайской нации».

Названные выше идеи, пропагандируемые китайским руководством, вряд ли могут считаться центральными в учении Конфуция. Лидеры КПК в течение последних лет пытались поставить традицию на службу политике реформ и насаждали в обществе те элементы конфуцианства, которые были близки теоретикам и практикам социалистического строительства. Осознав себя преемниками сословия шэньши, высшие государственные чиновники рассматривали народные массы как пассивное большинство, как объект проводимой ими политики, как инструмент построения «социализма с китайской спецификой», как сяо жэнь. Ничего не было сделано для возрождения конфуцианской духовности, для формирования нормальных общественных отношений. По-прежнему ставка делалась на жертвенность, сверхнапряжение и сверхэнтузиазм, в стране культивировалось долготерпение, хотя подлинное возрождение конфуцианства должно было базироваться на совершенно иных морально-нравственных категориях, таких, как человеколюбие и уважение друг к другу, обеспечивающих доверие, искренность и радушие между людьми. Тем не менее, несмотря на то, что наследие Конфуция еще не обрело прежних устойчивых позиций, условия для этого сложились. Они были определены тем, что в XX в. тоталитаризм и его воплощения в виде фашистских и полуфашистских режимов потерпели крах. Соответственно потерял свою привлекательность

и социальный идеал этой модели – человек-борец, целью которого являлось господство над миром. Человек вновь был вынужден искать гармонию с природой, обществом, с самим собой. Общечеловеческие ценности стали определяющими. В этих условия учение Конфуция может обрести второе рождение.

Контрольные вопросы

1. Где и когда возникло конфуцианство? Почему его называют региональной религией?
2. Кем был Конфуций? Какие отрасли знаний изучают творческое наследие Конфуция?
3. Назовите основные священные тексты конфуцианства.
4. Назовите основные идеи Конфуция.
5. В чем смысл идеи «сяо»?
6. Что такое «ли»?
7. В чем состоят морально-нравственные установки конфуцианства?
8. Чему учили в конфуцианских школах?
9. Кого Конфуций называл благородным человеком? Какие качества должны быть ему присущи?
10. Кого Конфуций считал антиподом благородным людям?
11. Почему конфуцианство называют идеологией китайской государственности?
12. Кто такие шэньши?
13. В чем заключался смысл существования экзаменационной системы в Китае? Получение каких ученых степеней она предусматривала?
14. Какие отрасли знаний развивались в лоне конфуцианской традиции?
15. Какая семья считалась идеальной в Китае?
16. Назовите формулу порядка, которая сложилась в Китае еще с конфуцианских времен.
17. С чем связано существование в Китае феномена юродства? Что такое «мудрое безумие»?
18. Назовите страну «конфуцианского социализма».
19. Назовите страну «конфуцианского капитализма».

Заключение

Возникновение и распространение буддизма, даосизма, конфуцианства шло параллельно с развитием и расцветом великих культур древности (Инд, Хуанхэ). Религии играли в этом процессе роль «куколки», посредством которой традиции прошлого не забывались, а накапливались, обогащались, превращаясь в элементы современных цивилизаций (Китайской, Индийской и т. д.), меняя форму (способ) существования (яйцо, гусеница, куколка, бабочка). Таким образом обеспечивалась преемственность традиций. Они передавались от поколения к поколению и обретали силу привычки. Новое не отменяло старое, настоящее не вступало в конфликт с прошлым. Взаимодействуя, они давали жизнь ранее не имевшим аналогов процессам и явлениям. Так создавалась практика кодов, которые способствовали активизации процесса преемственности поколений, накоплению и ретрансляции интеллектуальных и духовных ценностей.

Мало кто задумывается сейчас о том, что основы тибетской, китайской, филиппинской традиционной медицины, получившей мировое признание, заложены буддийскими и даосскими монахами, что в поисках эликсира бессмертия даосы-алхимики изобрели порох, а геоманты – компас. Конфуцианская идея сяо («сыновняя почтительность») при взаимодействии с буддийским стремлением к самосовершенствованию в Японии способствовала оформлению кодекса чести сословия самураев бусидо («путь воина»), отдельные элементы которого впоследствии воплотились в государственную идеологию и трансформировались в социальную психологию японцев. Отличительными чертами характера последних принято считать верность, преданность, приверженность коллективизму, беззаветную храбрость и презрение к смерти. Культ сяо, тесно связанный с идеями «иэ» (в буквальном переводе с японского: «большая семья») и «ба» (клан), способствовали оформлению специфического типа взаимоотношений в обществе и на производстве, основанных на концепции патернализма, заботы «отца» (императора, предпринимателя, начальника – старшего) о «детях» (подданных, подчиненных – младших) и выполнении ими взаимных обязательств друг перед другом.

Даже «социализм с китайской спецификой» (его рождение связывают с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина), с присущими ему идеями самопожертвования, коллективизма, подавления личности, долготерпения и страдания, базировался на традиционных конфуцианских и буддийских канонах. Синтез учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Мао Цзэдуна и Конфуция был объявлен идеологической основой «социализма с китайской спецификой». Путь к его реализации лежал через ужесточение режима труда, сверхнапряжение, самопожертвование, единомыслие, подчинение меньшинства большинству при сохранении привилегированной прослойки партийных и государственных чиновников, сосредоточивших в своих руках не только власть, но и собственность, которую, с одной стороны, вполне можно сравнить по положению с бюрократической буржуазией, координирующей деятельность государственного сектора в промышленности, банковское дело и т. д., а с другой – с традиционным для Китая сословием ученых-чиновников, относительно образованных, строго соблюдавших регламентации и достаточно влиятельных для того, чтобы держать в повиновении народные массы.

Будучи весьма рациональными и органично включенными в окружающий мир – природу и действительность – буддизм, даосизм и конфуцианство оказались крайне устойчивыми и приспособленными к местным условиям. Ни деятельность христианских миссий, ни колониальные захваты и последующая за ними модернизация и вестернизация социально-экономических и политических структур не смогли уменьшить их влияния на образ жизни и стиль мышления жителей стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Чуждые им идеи, попадая на непривычную почву, как правило, не прививались и лишь ненадолго заполняли возникший по той или иной причине вакуум. Так, в XVI–XVII вв. в Японии на некоторое время христианство потеснило буддизм, а в Китае в период расцвета легизма в III в. до н. э. и в период «великой пролетарской культурной революции» в 1972–1976 гг. резкой критике подвергались учение Конфуция и его последователи.

В целом различные религиозные направления в регионе мирно сосуществовали в течение многих столетий, а буддизм превратился в мировую религию. Традициям конфуцианства и даосизма следуют десятки миллионов людей в Китае, Японии, Таиланде, Сингапуре, Гонконге, Корее, на Тайване и т. д. И хотя далеко не все они на рубеже XX–XXI вв. соблюдали ритуал, повсеместное празднование Нового года по восточному (лунному) календарю, коллективных дней рождения в первый день нового года, участие в традиционных конкурсах на лучшего поэта и живописца, проводимых ежегодно в странах ДВ (по возрастным группам), стали общепринятыми. Внимание к изучению таких дисциплин, как каллиграфия и живопись, стихосложение и музыка, пропаганда различных видов китайской гимнастики и восточных единоборств в школах Японии, Китая, Кореи в настоящее время не является следствием упрочения религиозных традиций. Буддизм, даосизм, конфуцианство так тесно переплелись с традиционной материальной и духовной культурой Китая, Японии, Кореи и других стран, что превратились в образ жизни, в мировоззрение и способствовали формированию в них своеобразного менталитета, определившего отношение людей к государству, обществу, образованию, науке и искусству.

Словарь имен, терминов и понятий

Буддизм

Абхиддхарма (*санскр.*), **абхидхамма** (*пали*) – третий и последний, после «Виная-питаки» и «Сутта-питаки», раздел буддийского канона; в буквальном переводе: «корзина, содержащая буддийские доктрины»; метафизические рассуждения; собрание текстов, предназначенных для проведения медитаций. Каждая из ранних буддийских школ имела свои доктрины, но только тексты таких школ, как сарвастивада и тхсравада, вошли в полный свод канонических текстов.

«**Абхинишкраманасутра**» – биография Будды, изложенная Дхармагуптой.

Акаша – космическое пространство.

Акусала (*пали*) – неблагоприятная карма, создаваемая невежеством, тщеславием и ненавистью. Символами пороков являются соответственно черная свинья, красный петух и зеленая змея.

Акшобья (*санскр.*) – будда, в махаяне и ваджраяне – олицетворение бесстрастия и невозмутимости.

Амитабха (*санскр.*), **Амида** (*яп.*) – будда, в мифологии махаяны ваджраяны – олицетворение неизмеримого света.

Архат (*санскр.*) – в буквальном переводе: «достойный; человек, прошедший четырехступенчатый путь духовного совершенствования и достигший его наивысшего уровня». К числу архатов относятся ученики Будды: в хинаяне их 16, в махаяне – 18.

Асита – придворный предсказатель, мудрец, предрекший Сиддхартхе Гаутаме при рождении свершение религиозного подвига.

Ашвагхоша (80–150 гг.) – индийский философ и поэт, отец санскритской драмы. Ему приписывали авторство трактатов «Махаянашраддхотпада-шастра» («Пробуждение махаянской веры»), «Буддхачарита» («Жизнеописание Будды»), «Махакакнкара» («Книга славы»).

Ашока (268–231 гг. до н. э.) – правитель империи Маурьев, при котором начался расцвет буддизма в Индии.

Бенарес – город в Индии (современное название – Варанаси).

Бодхи (*санскр., пали*) – в буквальном переводе: «пробуждение, просветление»; одно из основных понятий буддизма: духовное просветление, высшее знание. В буддизме существуют различные уровни его достижения: низший – состояние архата, средний – уровень

бодхисаттв, высший – уровень будд. Достижение состояния бодхи – цель каждого последователя буддизма. Для этого нужно преодолеть барьер обыденного мышления. Достичь его сложно: следует первоначально пройти через состояния самадхи, праджня и сатори.

Бодхи – дерево познания, разновидность баньяна.

Бодхидхарма – (умер в 528 г.) – двадцать восьмой буддийский и первый патриарх школы чань в Китае. Считается, что он прибыл в Китай из Индии примерно в 520 г. После беседы с императором Уди, разочаровавшись в неверном понимании и трактовке принципов буддизма, удалился в монастырь Шаолиньсы на горе Сушань, где провел 9 лет в неподвижной медитации, сидя перед стеной. С его именем связывают процесс распространения чая, чайной церемонии и шаолиньского стиля самообороны.

Бодхисаттва (*санскр.*) – в буквальном переводе: «существо, стремящееся к просветлению»; в буддийской философии и мифологии человек, решивший выйти за пределы сансары и достичь состояния будды. Нередко бодхисаттвами именуют тех, кто достиг совершенства путем преодоления в себе жажды существования, заслужив переход в нирвану, но добровольно остался в миру, чтобы спасти другие существа; олицетворение мудрости, щедрости, нравственности, справедливости, терпеливости, честности, мужественности, лучших человеческих качеств.

Будда – в буквальном переводе: «просветленный, осененный истиной, приобщившийся к высшему знанию». Слово «будда» является производным от санскритского «будх» (будить, пробуждаться) и отождествляется с процессом перехода от спящего, затемненного сознания к пробуждению, к просветленному состоянию. Собственное имя «Будда» отождествляется с конкретным человеком, царевичем по имени Сиддхартха Гаутама Шакьямуни, жившим, согласно буддийской традиции, в VII–VI вв. до н. э. (или в VI–V вв.).

Буддизм – религиозно-философское учение, возникшее в Индии в середине I тысячелетия до н. э.; одна из мировых религий.

«**Буддхачарита**» – биография Будды, изложенная философом и поэтом Ашвагхошей (I–II вв.)

Бхикшу – монах-аскет.

Ваби (*яп.*) – красота бедности, суровая простота, шероховатость; один из принципов японского искусства.

Ваджра (*санскр.*) – символ буддизма, аналог креста в христианской традиции и полумесяца – в исламской: алмаз, громовой топор, пучок скрещенных молний.

Ваджрапани (*санскр.*) – в буквальном переводе: «рука, держащая ваджру»; в мифологии махаяны и ваджраяны один из бодхисаттв; изображается в угрожающей позе с ваджрой в поднятой руке. Его главная функция – борьба с тупостью и заблуждением.

Ваджраяна (*санскр.*) – в буквальном переводе: «алмазная колесница»; одно из направлений буддизма в целом и махаяны в частности. Философия и практика ваджраяны тесно связаны с учением йоги; получила распространение в Индии, Шри-Ланке, Индонезии и Китае; в Тибете считается венцом учения Будды.

Вайрочана (*санскр.*) – в мифологии махаяны и ваджраяны будда, олицетворение сияния, сияющего света. С его именем ассоциируются Центр (или Восток) из сторон света, из животных – лев, из элементов – эфир, из чувств – слух; изображается сидящим на белом лотосе с колесом учения (дхармачакрой) в руках.

«**Виная-питака**» (*санскр.*) – «Корзина поучений», один из разделов буддийского канона, сборник древних канонических правил буддийских общин, морально-этические нормы жизни монахов и мирян.

Восемь драгоценностей – восемь эмблем славы, восемь знаков счастья, аштамангала (*санскр.*). К ним относятся *зонт* (защищает от злых помыслов), *две золотые рыбы* (символизируют счастье и единство), *ваза, наполненная напитком бессмертия* (сокровищница благих намерений), *цветок лотоса* (символ божественного происхождения и залог спасения), *закрученная спиралью вправо раковина* (символ блаженства), *узел, не имеющий начала и конца* (символ бесконечного цикла перерождений), *штандарт* (знак победы) – символ горы Меру, центра буддийской Вселенной, *колесо с восьмью спицами* – символ восьмеричного пути к совершенству. Все они использовались и в интерьерах буддийских храмов, и как самостоятельный орнаментальный мотив в искусстве.

Восемь звуков – восемь оттенков голоса Будды. Голос Будды характеризуется как *завораживающий*, чтобы привлечь внимание слушателей; *нежный*, чтобы усладить их; *гармоничный*, чтобы смягчать сердца слушающих и настраивать их на понимание сказанного; *торжественный*, чтобы внушать уважение к Будде; *мужествен-*

ный, чтобы заставить слушателей трепетать от волнения и почтения; убеждающий; побуждающий слушателей накапливать добродетели; не знающий усталости.

Вэнь-да (*кит.*) – диалог наставника с учеником в учении чань; вопрос-загадка; в дзэн-буддизме – коан.

Ганджур (*тибет.*) – в буквальном переводе: «Переводы сказанного Буддой Шакьямуни»; собрание канонических текстов, переведенных с санскрита на тибетский язык.

Гаутама – род, к которому принадлежал царевич Сиддхартха.

Далай-лама (*монгол, тибет.*) – полный титул «вачирдара далай-лама», в буквальном переводе: «державший ваджру океан-учитель; учитель, чьи знания бесконечны, как океан». До 1951 г., когда Тибет вошел в состав КНР, так именовали политического и духовного владыку тибетского народа; защитник и покровитель верующих, земное воплощение Авалокитешвары, бодхисаттвы – олицетворения сострадания в мифологии махаяны и ваджраяны. В истории Тибета известно 14 носителей титула – верующие принимали их за одного, последовательно существовавшего в каждом из четырнадцати тел. После смерти далай-ламы его преемника избирали по характерным признакам среди мальчиков, родившихся спустя 49 дней и не позднее чем через два года после смерти предыдущего далай-ламы. До совершеннолетия (16–18 лет) его обучали в монастырях школы гелугпа, а функции политического и духовного наставника выполняли регенты.

Дана (*пали, санскр.*) – в буквальном переводе: «подавание, щедрость, милосердие». Подавание милостыни бедным, а также монахам, отшельникам, странникам, монашеской общине – одно из трех добродетельных деяний наряду с моральным поведением (сила) и медитацией (бхавана).

Данджур (*тибет.*) – «Танджур». В буквальном переводе: «Переводы пояснений к сказанному Буддой»; собрание переведенных с санскрита текстов, комментариев к проповедям Будды.

Дао-ань (312–385) – монах, переводчик сутр на китайский язык; создал в буддизме особое направление, получившее название «Бэнь-у-цзун» («школа исходного отсутствия»), отождествил понятие «шуньята» (пустота) с китайским «у» (отсутствие), ввел обычай, в соответствии с которым каждый китайский монах при пострижении получал фамильный знак «ши» (учитель, наставник).

Дао-и (701–788) – наставник школы чань; пришел к выводу, что всякое живое существо изначально обладает природой будды, поэтому любая физическая или умственная деятельность есть приобщение к Дао через природу будды.

Дао-шэн – монах, привнесший в буддизм идею мгновенного восприятия истины.

Джамбудвипа – символ полуострова Индостан, где, согласно буддийской мифологии, рождаются будды и праведные правители.

Джатака – повесть о прошлых рождениях Будды, его жизни, истории его перевоплощений или о деяниях бодхисатв; часть буддийской канонической литературы.

Дзэн (*яп.*) – одна из наиболее распространенных в Японии буддийских школ. Ее название происходит от санскритского слова «дхиана», в буквальном переводе: «медитация». Сформировалась под воздействием проникновения в Японию из Китая идей чань. Философия дзэн признает реальность феноменального мира, но воспринимает его как иллюзорный, ненастоящий, несуществующий (ничто – му). При помощи медитаций дает возможность постичь «природу будды», состояние просветления, пробуждения (сатори) и истинную природу вещей, как правило используя практику дзадзэн (сидячей медитации) и коана.

Дхарма (*санскр.*) – происходит от арийского слова «dhar»; в буквальном переводе: «утверждать, защищать»; трактуется как система, доктрина, добродетель, долг, справедливость, религия, закон, моральное качество, образец, норма, идеал, истина, форма, условие, причина; в буддизме – частица мироздания, основа всех вещей и явлений, первоначало, первоэлемент как материального, так и нематериального мира; то, из чего состоит все.

Дхармагупта (*санскр.*) – в буддийской традиции «те, кто защищает дхарму», «те, которых защищает дхарма».

Дхармакая (*санскр.*); дхармакама – космическое тело Будды, одно из трех, наряду с феноменальным и телом блаженства.

Дхьяни-будда – будда созерцания. Всего в буддийской мифологии их пять.

Идам (*санскр.*) – в ваджраяне божество-охранитель; главное божество мандалы; объект почитания и медитации. Созерцание идама

способствует достижению просветления. Изображается имеющим гневный, полугневный и мирный облик.

Кальпа – период времени, равный 24 000 божественных лет или 8 640 000 000 человеческих лет.

Карма (*санскрит*) – в буквальном переводе: «обязанность, действии»; сумма добродетелей и пороков индивида, моральных (кусала) и аморальных (акусала) действий и поступков не только на протяжении одной жизни, но и на протяжении всех предыдущих рождений, а также жизни семьи, рода, коллектива, социальной общности, государства, Вселенной.

Коан (*яп.*) – в китайском языке «гуньань»; наряду с медитацией, важнейшая практика дзэн-буддизма, в процессе овладения которой можно достичь сатори; истории из жизни буддийских патриархов и наставников, полные парадоксов и противоречий, которые они предлагали ученикам в качестве интеллектуальных задач; решить их обычным путем невозможно. Они становятся разрешимы только в процессе озарения, прорыва, отказа от заурядных способов мышления, методом неформальной логики. Два самых знаменитых сборника коанов были составлены в XI–XIII вв.: это «Умэньгуань» («Застава без ворот») и «Бияньлу» («Записки у бирюзовой скалы»).

Кушала (*санскр.*), **кусала** (*пали*) – в буквальном переводе: «моральные действия и поступки».

«Лалитавистара» (*санскр.*) – биография Будды, составленная во II–III вв.; одно из легендарных жизнеописаний Будды; в буквальном переводе: «Подробности о занятиях Будды»; название биографии происходит от санскритского слова «лалита», в буквальном переводе: «игра», «развлечение».

Лама (*тибет.*) – в буквальном переводе: «высший»; учитель-наставник в ламаизме.

Ламаизм (*тибет.*) – региональная форма северного буддизма, основанная на сочетании идей махаяны и ваджраяны. Формирование ламаизма началось в VII в., когда буддизм начал проникать в Тибет. Наибольшее распространение учение получило в Тибете, Монголии, Бурятии, Калмыкии. Священные книги ламаизма – Ганджур и Данджур. Центральной идеей ламаизма является бхавачакра (колесо жизни); в практике медитаций наибольшее внимание было обращено на роль мандалы, в мифологии – на образ страны всеобщего благоденствия и счастья Шамбалы.

Ли (*кит.*) – в буквальном переводе: «принцип, разумность, долг». Категория «ли» вошла в чань-буддизм и была позаимствована из конфуцианских текстов. Рассматривается обычно в оппозиции: ли (принципы) – ши (деяния).

Лхаса (*тибет.*) – в буквальном переводе: «обитель богов»; столица Тибета; главный историко-культурный, политический и религиозный центр Тибета; до 1959 г. – место проживания далай-ламы. Обителью богов город назвали потому, что на его территории были установлены две статуи Будды, привезенные царю в качестве приданого женами и превратившиеся в святыни ламаистов.

Майтрейя (*санскр.*) – в китайской буддийской традиции Милэ Фо; будда будущего, грядущего мирового порядка, бодхисаттва; обитает на небесах и ждет, когда сможет переродиться в мире людей. Этот момент наступит, когда продолжительность жизни людей на Земле достигнет 84 000 лет, а править миром будет буддийский последователь, честный и справедливый. Как правило, он изображается сидящим на троне со спущенными вниз ногами. Его характерные атрибуты: золотистый цвет кожи, ступа, ваза с напитком бессмертия и колесо дхармы.

Мандала (*санскр.*) – сложное сакральное явление в буддизме. В древнеиндийской традиции это слово обозначало круг, шар, орбиту, колесо, кольцо, страну, пространство, совокупность, общество, змею. Все эти слова, кроме слова «змея», в санскрите имеют мужской род. В буддийской традиции мандала – слово, определяющее *магическую диаграмму*, используемую в практике созерцания; *философскую концепцию буддийской Вселенной*; *карту космоса*; *иерархическую лестницу*, вдоль которой размещен пантеон богов; в культовой практике – *блюдо для жертвоприношений*. Как магическая диаграмма и карта космоса мандала представляет собой круг, вписанный в квадрат, который, в свою очередь, опять вписан в круг. Внешний круг рассматривается как Вселенная, внутренний – как средоточие Бога или другого сакрального объекта. Квадрат ориентирован по сторонам света. Его поле поделено на четыре части, пятую образует центр. Каждая из частей имеет свою окраску: синюю, красную, белую, желтую, зеленую и ассоциируется с одним из будд. Мандалу часто изображают на полу и потолке храма. Ее изображения могут быть плоскостными и объемными (рельефными), сделанными на ткани и песке, из камня, металла, кости.

Манджушри – символ, олицетворение мудрости.

Мантра (*санскр.*) – заклинание, волшебство; магическая формула призыва и заклинания богов. Особую силу мантры приобрели в Тибете и в Японии. Каждому божеству в буддизме адресована своя мантра, состоящая из особого набора звуков, самая известная ныне мантра, превратившаяся в некое подобие молитвы, выглядит следующим образом: ОМ МА НИ ПАД МЕ ХУМ.

«**Махавасту**» (*санскр.*) – «Великая история», собрание текстов, принадлежавших хинаянистической школе махасангхика, одна из биографий Будды (I в. до н. э. – II в. н. э.)

Махамайя – Великая Майя, жена правителя шакьев, согласно буддийской традиции, мать Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни, позднее ставшего Буддой.

Махасангхика (*санскр.*) – в буквальном переводе: «великая община»; одна из школ раннего буддизма, объединившая последователей монаха Пураны.

Махаяна (*санскр.*) – в буквальном переводе: «большая колесница», широкий путь спасения; одно из направлений в буддизме, иногда его называют северной ветвью буддизма.

Мацуо Басё (1644–1694) – японский поэт, изучал дзэн-буддизм, что заметным образом повлияло на содержание и форму его поэтических произведений.

Медитация (*санскр.* – *дхиана*) – внутреннее сосредоточение сознания на определенной идее, обычно подкрепляемое созерцанием какого-либо объекта и ведущее к успокоению, обретению внутренней гармонии, что как бы способствует приближению к нирване. Целью медитации является достижение просветления (бодхи) и нирваны.

Медицина тибетская – теоретическая база ее восходит к текстам тантры и абидхармы. Ее основу составило учение о трех нѐпа (виновниках). К их числу относились лунг (ветер), три (желчь) и бадкан (слизь). Они функционировали в организме по законам ца (пульсации). Дисбаланс трех сил приводит к органическим нарушениям, а их гармония является залогом отличного здоровья. Наиболее известным из древних трактатов по тибетской медицине считается «Чжудши» (V в.) – «Четыре основы».

Меру, Су меру (*санскр.*) – самая высокая гора, центр мироздания, символ полуострова Индостан в буддийской мифологии и кос-

мологии; место обитания будд и бодхисаттв, а также самых различных живых существ; вокруг нее вращаются звезды и планеты, с нее стекают на землю реки, только здесь можно обрести просветление и стать буддой; вокруг нее расположены другие обитаемые материки.

Нагарджуна – буддийский богослов, ученый-монах Бихарского монастыря I в. до н. э.; с его именем связано оформление махаяны. Он причислен к лику святых бодхисаттв махаяны и сиддхов ваджраяны, канонизирован. Известен как врачеватель и целитель. Ему приписывают более 200 трудов на санскрите, известных в переводах на китайский и тибетский языки.

«**Ниданакатха**» – биография Будды (I в.)

Ниданы (*санскр., пали*) – цепь, связь; согласно буддийской традиции, процесс перерождения живых существ, представляющий собой колесо, образуемое двенадцатью ступенями (уровнями) существования.

Нирвана (*санскр.*) – в буквальном переводе: «затухание, угасание»; отсутствие желаний, избавление от страстей и страданий; состояние блаженства, успокоения, освобождения. Переход в состояние нирваны сравнивается с процессом угасания пламени костра, свечи. Он становится возможен, когда человек избавляется от страсти, ненависти и заблуждения.

ОМ МА НИ ПАД МЕ ХУМ – магическая мантра, состоящая из шести самостоятельных слогов, самая популярная во всех странах. Камни (мани), на которых она написана, встречаются повсюду. Впервые была найдена в тантрийских текстах в III в. Нередко ее записывают в виде четырех слогов: ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ и переводят: «Ом, ты сокровище на лотосе». МАНИ переводится как драгоценность, жемчужина; ПАДМЕ – цветок лотоса. Однако если верующие воспринимают мантру как обычную молитву, то богословы, последователи ваджраяны, рассматривают ее как шесть магических слогов. Каждый из них ассоциируется с одним из шести миров, из которых состоит Вселенная: миром Богов, воинственных небожителей асуров, миром людей, животных, голодных демонов, миром ада. Мантра обращена к бодхисаттве Авалокитешваре, олицетворявшему страдание. Произнося слог ОМ, наиболее значимый в мантре, нужно взором обратиться к его изображению в белых одеждах, символизирующих сострадание; слог МА должен сопровождаться созерцанием будды Вайрочаны и синего цвета, символизирующего спокойствие; произ-

нося НИ, направляли взор на Ваджрасатву и белый цвет, символ очищения; говоря ПАД, следовало смотреть на Ратнасамбхаву и желтый цвет, олицетворяющий процесс созерцания; слог МЕ сопровождался созерцанием красного и Амитабхи, символизирующего уничтожение заблуждения; слог ХУМ требовал фиксации взгляда на зеленом и лике Амогасиддхи – символа трансцендентного мышления.

Панча сила (*санскр.*) – пять моральных принципов буддизма: отказ от убийства живого существа, отказ от воровства, отказ от лжи, отказ от употребления алкоголя, соблюдение супружеской верности.

Патра – чаша для сбора подаяний.

Праджня (*санскр.*) – высшая мудрость, божественная интуиция.

Пратьекабудда (*санскр.*) – будда для самого себя; достигал нирваны путем самосовершенствования и избавлял от страданий только самого себя.

Пурана – монах, инициатор раскола в буддизме.

Реандзи – дзэнский храм в Киото; был построен по приказу Хо-сокава Кацумото в 1450 г. Наиболее известен сад камней при храме, выполненный в традиции «сухого пейзажа» мастером Соами (умер в 1525 г.) и состоящий из 15 камней, искусно расположенных среди белого песка так, что в любой точке сада посетитель мог видеть только 14 из 15 камней.

Рёкан (1758–1831) – японский поэт-архаик, монах, получивший конфуцианское образование, последователь секты дзэн. Он стал широко известен благодаря своему поэтическому дарованию, а также тому, что очень любил фиалки, танцы на празднике Бон, игры с детьми.

Рупа (*санскр.*) – форма; в махаяне – дхарма формы, основа физических конструкций.

Саби (*яп.*) – красота печали, красота древности, один из принципов традиционного искусства в Японии.

Самадхи (*санскр.*) – сосредоточение, озарение, состояние просветления, достигаемое в процессе медитаций; последняя ступень восьмеричного пути, целью которого является достижение нирваны; спокойствие, затухание сознания; приблизительно соответствует сатори в дзэн, но пути достижения последнего более разнообразны; близко по смыслу понятиям «чань», «дхиана».

Сангити (*санскр.*) – совместное монотонное песнопение, собрание монахов, на котором происходит восстановление и корректировка по памяти канонических текстов. В махаяне признаются четыре сангити: первый состоялся спустя три месяца после смерти Будды в г. Раджагрих. На нем были канонизированы тексты «Сутта-питаки»; второй – в г. Вайшали – прошел через сто лет после первого; именно на нем обозначился раскол сангхи; через двести лет на третьем сангити в Паталипутре было образовано 18 школ раннего буддизма, а царь Ашока признал истинным учение тхеравадинов; на четвертом сангити (Кашмир) в I–II вв. был канонизирован текст санскритской редакции «Типитаки» школы сарвастивадинов. Тхеравадинская традиция признает решения шести сангити. Согласно тхераваде, четвертый сангити состоялся в 29 г. до н. э. в Анурадхапуре и Алувмхаре недалеко от Маталы, где на пальмовых листьях были записаны тексты «Типитаки» на пали и бенгальском языках. Пятый съезд прошел в Мандалае в 1851 г. В ходе него монахи записали «Типитаку» на 729 каменных плитах и над каждой возвели пагоду. Шестой сангити состоялся в ознаменование 2500-летия со дня перехода Будды в нирвану в Бирме в 1954–1956 гг. В ходе него были отредактированы 54 текста «Типитаки» на пали и переведены на бирманский, английский и другие языки.

Сангха (*санскр.*) – буддийская община, община монахов.

Сансара (*санскр.*) – в буквальном переводе: «блуждание, переход от одного состояния к другому, круговорот»; круговорот жизни, бытие, которое неизбежно связано с изменчивостью существования, со сменой желаний, страстей и страданий и является как бы антиподом понятия «нирвана».

Сарвастивада (*санскр.*) – «те, которые проповедуют учение о том что все существует»; одна из школ стхавиравады.

Сарнатх – город в Индии, где Будда произнес первую проповедь.

Сатори (*яп.*) – в китайском языке – «у»; в буквальном переводе: «пробуждение, просветление».

Свастика (*санскр.*) – древнеиндийский знак благоденствия и процветания, в буддизме – символ закона Будды, изображается на груди будд и бодхисаттв.

Сидхартха (*санскр.*) – личное имя создателя буддизма. В буквальном переводе: «выполнивший свое назначение».

Сила (*пали*), **шила** (*санскр.*) – привычка, поведение, природа, характер, мораль.

Ступа (*санскр.*) – вершина, курган.

Стхавиравада (тхеравада) – проповедующая со слов старейшин, древнейшая из восемнадцати ранних буддийских школ.

Судзуки Дайдзэцу (1870–1966) – японский буддолог, последователь дзэн-буддизма. Его настоящее имя – Судзуки Тэйтаро. В 1892 г. он закончил филологический факультет Токийского университета, прошел обучение в монастыре дзэнской школы Риндзай-сю, жил в США и Западной Европе, читал лекции по буддизму в Колумбийском, Гарвардском и других университетах, член Японской академии наук; его труды хорошо известны в Европе, особенно его книга «Дзэн-буддизм в японской культуре».

Сутра (*санскр.*) – нить, на которую нанизаны жемчужины; проповедь Будды.

«Сутта-питака» (*санскр.*) – в буквальном переводе: «Корзина поучений»; сутры; включает наиболее значительные памятники художественной литературы.

Эн-чжао (384–414) – буддийский монах, привнесший в буддизм идею мгновенности и мимолетности существования.

Тантра (*санскр.*) – непрерывность, поток, тайное зрение.

Тантризм (*санскр.*) – одно из названий ваджраяны.

Тара – символ милосердия.

«Типитака» («Три-питака») (*пали*) – в буквальном переводе: «Три корзины»; сборник канонической литературы буддизма. Письменно зафиксирован в I в. до н. э. Включает три части: «Абидхарма-питака», «Виная-питака», «Сутта-питака».

Тхеравада – ортодоксальная секта, объединившая истинных последователей Будды (см. стхавиравада).

Тя-но-ю (*яп.*) – искусство чая, чайная церемония.

Тясицу (*яп.*) – чайный домик.

Упасака (*санскр.*) – почитатель буддийских идей и традиций; попечитель монастырей и монастырских общин. Первым упасакой буддизма был царь Ашока (268–231 гг. до н. э.)

Урна (*санскр.*) – «третий глаз», символ духовной сущности и духовного видения, интуиции, изображается на лбу у будд, реже у бодхисаттв и всех принадлежавших к их семейству и их эманациям.

Хинаяна – «малая колесница», «узкий путь спасения»; одно из направлений в буддизме.

Хой-кэ (487–493) – второй патриарх школы чань, ввел в буддийскую практику традицию вэнь-да (вопроса-ответа).

Хой-нэн (637–713) – тридцать третий буддийский, шестой чаньский и первый патриарх южной школы чань.

Чайгасика – в махаяне дхарма сознания.

Чань-буддизм – школа чань возникла в Китае на рубеже V–VI вв. в результате взаимодействия буддизма, даосизма и конфуцианства. У ее истоков стоял Бодхидхарма.

Чита – в махаяне дхарма мысли.

Шакья – племя, жившее в долине Ганга, к которому принадлежал полупоупендарный создатель буддизма царевич Сиддхартха Гаутама Шакьямуни.

Шаньшуй – в буквальном переводе с китайского: «горы и потоки»; один из почитаемых стилей китайской живописи.

Шуддходан – правитель шакьев, отец царевича Сиддхартхи.

Энсай (1141–1215) – родоначальник дзэн-буддизма.

Югэн (*яп.*) – невыразимая словами истина; один из принципов изобразительного искусства Японии.

Ясодхара – двоюродная сестра и супруга полупоупендарного создателя буддизма царевича Сиддхартхи.

Даосизм

Ба-сянь – восемь бессмертных, почитаемых даосами. В их числе: Чжунли Цюань – полководец эпохи Хань; Чжан Голао – легендарный владетель волшебного мула; Люй Дунбинь – мудрец, легендарный владетель волшебного меча; Ли Тегуай – «Железная нога», странствующий отшельник; Хань Сяньцзы – предсказатель, живший в эпоху Тан, конфуцианский мудрец; Цао Гоцзю – мудрец, отшельник, толкователь идей даосизма; Лань Цайхэ – китайский юридивый; Хэ Сяньгу – отшельница, одна из немногих женщин, сумевших обрести бессмертие.

Великий Юй – изобретатель метода строительства каналов и ирригационных систем в Китае.

Вэй Боян – легендарный изобретатель эликсира бессмертия.

Дао – одна из философских категорий даосизма: источник всего сущего, закон, первоначало, первоматерия.

«**Дао Дэ Цзин**» – «Книга о Дао и Дэ», священная книга даосизма.

Даосизм – религиозно-философское учение, возникшее в Китае в эпоху Чжоу (II в. – 770 г. до н. э.); древняя религия Китая; как религиозное направление оформилось во времена правителя Шуньди (125–144 гг.) династии Восточная Хань; оказало влияние на развитие экономики, культуры и политического мышления в Китае. Древние даосы, веря, что человек путем самосовершенствования может достичь бессмертия, строили свое учение на основе древней магии, а в поисках эликсира бессмертия немало сделали для развития естественнонаучных знаний. Большой интерес даосы проявляли к астрономии, астрологии, геологии, геомантии, математике, медицине. В процессе научных изысканий им удалось изобрести порох, компас; они научились производить бумагу, высококачественную керамику, фарфор и сделали множество важных открытий. В 1949 г. в Китае насчитывалось около 40 тыс. священнослужителей и монахинь, 20 тыс. храмов и монастырей. Более поздние сведения о численности даосской общины отсутствуют.

Дэ – одна из основных категорий даосизма; в буквальном переводе: «гармония».

Инь – олицетворение женского начала в природе; одна из основных философских категорий даосизма.

Лаоцзы – прозвище древнего китайского ученого-философа Ли Даня, с именем которого в историко-философской традиции связано возникновение даосизма; в буквальном переводе: «старый ребенок», «старый младенец». Согласно легенде, он верхом на буйволе покинул Китай, направляясь на Запад, и оставил на пограничной заставе трактат «Дао Дэ Цзин».

Ли Дань – китайский ученый, философ VI в. до н. э.; с его именем историко-философская традиция связывает возникновение даосизма; ему приписывают авторство «Дао Дэ Цзин».

«Люйши чуньцю» – в буквальном переводе: «Весна и осень господина Люя», один из известных китайских трактатов по медицине.

Паньгу – согласно даосской традиции – первочеловек.

Сиванму – богиня Запада.

Син – в буквальном переводе: «природа, форма».

Сыма Цянь (145–86 гг. до н. э.) – китайский историк, автор «Исторических записок» («Шицзи»), первого и наиболее полного трактата по древней китайской истории, составленного в 104–91 гг. до н. э.

Тайцзи – Великий Предел.

Тайчу – Великое Начало.

Тан – династия, правившая Китаем в 618-907 гг.

Тянь-ши – в буквальном переводе: «Небесный учитель», титул главы даосской общины, патриарх.

Хуанди – в буквальном переводе: «Желтый император». Этнические китайцы (ханьцы) во всем мире называют себя потомками Хуанди. Согласно даосской традиции – один из наиболее почитаемых мудрецов и героев; прославился как изобретатель повозок, лодок, одежды, наземных жилищ и китайской письменности. Его жена, Лэй Цзу, занималась разведением шелковичных червей и шелкоткачеством.

Ци – в буквальном переводе: «энергия».

Шунь – потомок Хуанди, строитель каналов, инициатор углубления русла рек.

Шэньнун – в буквальном переводе: «священный земледелец»; согласно легенде, изобрел мотыгу и научил свой народ возделывать просо; одним из первых стал употреблять в пищу хлебные злаки, приготовленные на пару.

Ян – олицетворение мужского начала в природе.

Яо – потомок Хуанди, искусный строитель каналов.

Конфуцианство

Кун Фуцзы, Кунцзы, Конфуций (551 – 479–478 гг. до н. э.) – в буквальном переводе: «Учитель Кун», «почтенный учитель Кун», «господин Кун»; китайский ученый, философ, создатель «религии ученых», воспринятой учеными-чиновниками (шэньши). В отличие от полубоготворных Будды и Лаоцзы, Конфуций – реально существовавший человек, потомки его в семьдесят шестом – семьдесят восьмом колене в настоящее время живут в КНР. Первая биография Конфуция была написана Сымой Цянем.

«**Лун-Юй**» – «Книга изречений и афоризмов Конфуция и его учеников». Текст книги был канонизирован в эпоху Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.). В ней нашли отражение идеи Конфуция: *жэнь* (человеколюбие, гуманность, милосердие); *вэнь* (культура, образованность); *Дао* (законность); *и* (долг); *чжэнь* (верность, преданность); *ли* (правила поведения, этикет, ритуал); *чжи* (ум, знание); *Дэ* (гармония, мораль); *чи* (стыд), *сяо* (сыновья почтительность).

Мэнцзы (371–289 гг. до н. э.) – один из последователей Конфуция, китайский ученый, философ.

Синь – в буквальном переводе: «доверие, искренность».

«Сы-Шу» – в буквальном переводе: «Четверокнижие», один из сводов канонической конфуцианской литературы наряду с «У-Цзин» («Пятикнижием»). «Сы-Шу» включает: «Дасюэ» («Великое учение»), систему взглядов и представлений о самосовершенствовании человека, изложенную согласно учению Конфуция одним из его учеников; «Чжунюн» («Книгу о середине»), учение о необходимости соблюдать гармонию; «Лун-Юй» («Книгу изречений и афоризмов Конфуция и его учеников») и «Мэцизы», учение конфуцианского философа Мэцизы.

Сюцай – низшая ученая степень в Китае до 1949 г.

Сяо жэнь – в буквальном переводе: «маленький человек», антипод цзюнь-цзы.

«У-Цзин» – основной свод канонизированной конфуцианской литературы; в буквальном переводе: «Пятикнижие». Включает «И-Цзин» («Книгу перемен», сборник магических формул и заклинаний); «Шу-Цзин» («Древнюю историю», истории легендарных императоров); «Ши-Цзин» («Книгу песнопений», сборник поэзии и трактатов космологического и мифологического содержания); «Ли-Цзи» («Книгу церемоний», описания многочисленных, в том числе религиозных, обрядов); «Чунцю» («Книгу весны и осени», хронику одного из китайских княжеств).

Ученики Конфуция – согласно традиции, у Конфуция насчитывалось более 3 тыс. учеников. Наиболее известны Цзыгун, Чжунгун, Янь Цзыюань, Минь Цзыцзянь, Жань Боню.

Цзиньши – высшая ученая степень в Китае.

Цзюйжэнь – средняя (вторая) ученая степень в Китае.

Цзюнь-цзы – в буквальном переводе: «благородный муж», образец добродетели, пример для подражания, социальный идеал Конфуция, просвещенный, добродетельный человек; антипод сяо жэнь.

Чжи – в буквальном переводе: «простой, неприкрытый, незащитный».

Шэньши – сословие ученых-чиновников в Китае.

Список источников и литературы

1. Абаев, Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев. – М., 1989.
2. Алексеев, В. М. Китайская литература / В. М. Алексеев. – М., 1978.
3. Алексеев, В. М. Китайская народная картина / В. М. Алексеев. – М., 1966.
4. Андросов, В. П. Нагарджуна и его учение / В. П. Андросов. – М., 1990.
5. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. – М., 1967.
6. Белоусов, С. Р. Конфуцианство и модернизация Китая / С. Р. Белоусов // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 5.
7. Будда. Истории о перерождениях: пер. с пали Б. Захарьина. – М., 1991.
8. Буддизм: Словарь. – М., 1992.
9. Буддийские сутры. – М., 1900.
10. Буланже, П. А. Конфуций. Жизнь и его учение / П. А. Буланже. – М., 1910.
11. Быков, Ф. С. Зарождение политической и философской мысли в Китае / Ф. С. Быков. – М., 1966.
12. Ван Вэй. Избранное / Ван Вэй. – М., 1959.
13. Ван Вэй. Стихотворения / Ван Вэй. – М., 1979.
14. Васильев, В. П. Буддизм, его догматы, история и литература / В. П. Васильев. – СПб., 1857.
15. Васильев, В. П. Заметки по буддизму / В. П. Васильев. – СПб., 1899.
16. Васильев, В. П. Религии Востока: буддизм, даосизм, конфуцианство / В. П. Васильев. – СПб., 1873.
17. Васильев, Л. С. История Востока: в 2 т. / Л. С. Васильев. – М., 1993.
18. Васильев, Л. С. История религий Востока / Л. С. Васильев. – М., 1988.
19. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М., 1970.

20. Го Можо. Философы Древнего Китая / Го Можо. – М., 1961.
21. Григорьева, Т. П. Красотой Японии рожденный / Т. П. Григорьева. – М., 1993.
22. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. – М., 1979.
23. Джатаки. – М., 1979.
24. Древнекитайская философия. – М., 1972. – Т. 1–2.
25. Завадская, Е. В. Культура Востока в современном западном мире / Е. В. Завадская. – М., 1977.
26. Завадская, Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая / Е. В. Завадская. – М., 1975.
27. Завадская, Е. В. Японское искусство книги / Е. В. Завадская. – М., 1986.
28. Игнатович, А. Н. Буддизм в Японии: Очерк ранней истории / А. Н. Игнатович. – М., 1987.
29. Игнатович, А. Н. Лотос и политика / А. Н. Игнатович, Г. Е. Светлов. – М., 1989.
30. Игнатьев, И. П. Как стать буддой? / И. П. Игнатьев. – Л., 1991.
31. История китайской философии. М., 1989.
32. Кацуки, С. Практика Дзэн / С. Кацуки // Дзэн-буддизм. – Бишкек, 1993.
33. Кин, Д. Японская литература XVII–XIX столетий / Д. Кин. – М., 1978.
34. Китай и соседи. – М., 1970.
35. Китайская классическая поэзия. – М., 1984.
36. Китай: традиции и современность. – М., 1976.
37. Конрад, Н. И. Запад и Восток / Н. И. Конрад. – М., 1972.
38. Конрад, Н. И. Избранные труды. Синология / Н. И. Конрад. – М., 1977.
39. Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. – М., 1982.
40. Корнев, В. И. Буддизм и его роль в общественно-политической жизни стран Азии / В. И. Корнев. – М., 1983.

41. Корнев, В. И. Буддизм – религия Востока / В. И. Корнев. – М., 1990.
42. Кочетов, А. Н. Буддизм / А. Н. Кочетов. – М., 1983.
43. Кроль, Ю. Л. Сыма-Цянь – историк / Ю. Л. Кроль. – М., 1970.
44. Лисевич, И. С. Литературная мысль Китая / И. С. Лисевич. – М., 1979.
45. Литература Древнего Востока. Тексты. – М., 1984.
46. Литература и культура Китая. – М., 1972.
47. Лукьянов, А. Е. Становление философии на Востоке: Древний Китай и Индия / А. Е. Лукьянов. – М., 1992.
48. Лутовинов, А. Буддизм и его появление до конца I в. н. э. / А. Лутовинов. – М., 1988.
49. Малявин, В. В. Конфуций / В. В. Малявин. – М., 1993.
50. Мартынов, А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. / А. С. Мартынов. – М., 1979.
51. Мещеряков, А. Н. Древняя Япония; буддизм и синтоизм / А. Н. Мещеряков. – М., 1987.
52. Мещеряков, А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины / А. Н. Мещеряков. – М., 1988.
53. Мещеряков, А. Н. Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. / А. Н. Мещеряков. – М., 1984.
54. Минаев, И. П. Буддизм: Исследования и материалы. Т. 1, вып. 1–2 / И. П. Минаев. – СПб., 1897.
55. Мюллер, М. Религия Китая / М. Мюллер. – СПб., 1901.
56. Николаева, Н. С. Художественная культура Японии XVI столетия / Н. С. Николаева. – М., 1986.
57. Николаева, Н. С. Японские сады / Н. С. Николаева. – М., 1975.
58. Ольденбург, Г. Жизнь Будды / Г. Ольденбург. – Буэнос-Айрэс, 1966.
59. Палийские джатаки // Восточный альманах. – М., 1983. – Вып. 2.
60. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М., 1981.

61. Переломов, Л. С. Слово Конфуция / Л. С. Переломов. – М., 1992.
62. Переломов, Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба / Л. С. Переломов. – М., 1993.
63. Пишель, Р. Будда, его жизнь и учение / Р. Пишель. – М., 1911.
64. Повести о мудрости истинной и мнимой. – М., 1989.
65. Попов, П. С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц / П. С. Попов. – СПб., 1910.
66. Розенберг, О.О. Труды по буддизму / О. О. Розенберг. – М., 1991.
67. Рубин, В. А. Идеология и культура Древнего Китая / В. А. Рубин. – М., 1970.
68. Семенов, И. И. Афоризмы Конфуция / И. И. Семенов. – М., 1987.
69. Сидихменов, В. Я. Маньчжурские правители Китая / В. Я. Сидихменов. – М., 1985.
70. Судзуки, Д. Основы дзэн-буддизма / Д. Судзуки // Дзэн-буддизм. – Бишкек, 1993.
71. Учение Будды // Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 1–5.
72. Учение Будды: Изречения Будды. – Элиста, 1992.
73. Сыма Цянь. Исторические записки / Сыма Цянь. – М., 1972–1987. – Т. 1–5.
74. У Цзинды. Неофициальная история конфуцианства / У Цзинды. – М., 1959.
75. Федоренко, Н. Т. Древние памятники китайской литературы / Н. Т. Федоренко. – М., 1978.
76. Шицзин. – М., 1957.
77. Щербатской, Ф. И. Избранные труды по буддизму / Ф. И. Щербатской. – М., 1988.
78. Этика и ритуал в традиционном Китае. – М., 1988.
79. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань Кэ. – М., 1965.
80. Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лаоцзы и его учение / Ян Хиншун. – М.; Л., 1950.

Лекция

Искусство садов и парков в Китае и Японии

Буддизм, даосизм и конфуцианство (в Японии еще и синтоизм) способствовали развитию садово-паркового искусства Китая и Японии, которое не имеет аналогов в мировой культуре. Теория и практика религиозных учений ДВ наложила отпечаток на менталитет местных жителей, приобщила их к искусству медитаций, которые, в свою очередь, способствовали распространению *культуры созерцания*. Ее созидание (визуализация образов) стало одной из духовных практик. Визуальное восприятие окружающего мира оказалось близко (по сути) восприятию художественных образов в процессе любования произведениями скульптуры и живописи. Однако их место в китайской и японской традиции заняли объекты природы: горы, реки, камни, растения и животные. Восхищение могли вызвать грациозная поза рыси, крадущейся к месту водопоя, и кружевные крылья стрекозы, парящей над ручьем. В Китае и Японии часами принято любоваться игрой света и тени на парковых оградах, слушать журчание воды или пение цикад. Так, с точки зрения китайских и японских богословов, можно проникнуть в мир вещей и явлений, постичь истину, приблизиться к Абсолюту, пережить озарение.

История садов и парков в Китае

История садов и парков в Китае исчисляется тысячелетиями. Наиболее ранние упоминания о них в литературе относятся ко II тысячелетию до н. э. Мифические цари Китая имели парки, где в прудах держали драконов. Реальные правители населяли свои сады и парки диковинными растениями, животными. Сады рассматривались как свидетельства особой власти, как привилегия знати и символ роскоши.

Проникновение буддизма в Китай и оформление школы чань привело к широкому распространению традиций садово-паркового искусства. Возникли императорские и монастырские сады. Они создавались в городах и сельской местности. Со временем возник-

ла теория садово-паркового искусства, сформировались его символика и стиль. Сады обрели свою философию и эстетику, в основе которых лежали идеи буддизма и даосизма. Сад стал воплощением могущественных сил Природы (с большой буквы – *прим. автора*). Основой аранжировки садово-паркового пространства стала *идея Хаоса* (с большой буквы – *прим. автора*), которая определила главное направление развития искусства в целом.

Многообразие форм и воплощений привело мастеров к реализации образа философского сада. Его жизнь была ограничена во времени и пространстве. Сад являлся символом вечности и переменчивости, покоя и движения и демонстрировал удивительную гармонию бытия, в которой, как в зеркале, отражались реалии окружающей его действительности.

Садам предписывалось быть благословенным, блаженным (райским) местом (оазисом); обладать изобилием воды и пищи, пышной растительностью, богатой фауной; радовать глаз; вызывать умиротворение в душе. Они «заселялись» волшебными травами и грибами. Позднее на склонах гор стали выращивать чай.

Обустройство садов всегда было связано с религией, ритуалом. Воплотить идею сада даже на крохотном участке земли с минимальными затратами могли все, кто обладал стилем, начитанностью, вкусом, воображением и мастерством.

В XIII в. был заложен императорский сад в Пекине, сохранившийся до настоящего времени, – Бэйхай («Северное море»). В 1267 г. по приказу тогдашнего монгольского правителя князя Хубилая здесь были созданы два искусственных озера, а в самом крупном из них – так называемом Северном море – был насыпан остров, символизирующий по традиции Небесный чертог. На нем был построен дворец, установлены привезенные из других стран камни, посажены редкие породы деревьев и кустарников. В XV в. к двум озерам добавили третье – Южное море (Наньхай) – с искусственными островами. До 1925 г. доступ в парк был закрыт. Главными его достопримечательностями в настоящее время являются Бэйта («Белая пагода») – буддийская пагода, построенная в 1651 г. вблизи озера, «Стена девяти драконов» и «Павильон пяти драконов».

В XVIII в. сложился еще один знаменитый парковый комплекс Пекина – Ихэюань («Парк безмятежного отдыха») в Пекине. На его территории находится Ваньшаушань (Гора долголетия) и озеро Куньминху. Сооружение парка началось в XII в. Позднее его много раз перестраивали. В 1900 г. он был практически полностью разрушен в ходе интервенции франко-британских войск, но восстановлен спустя год как государственное достояние и в таком виде сохранился до настоящего времени. Площадь парка составляет 330 га и включает дворцовые палаты, храмы, павильоны, беседки. В прошлом парк служил летней резиденцией императоров, в том числе любимым местом проживания и отдыха императрицы Цы Си.

Эстетика садов и парков в Китае

Эстетика китайского сада проста. Она сложилась в период Средневековья. Классический китайский сад – сад ученого-чиновника – вырос из хозяйственного двора в усадьбах служилой знати. Огромную роль в его формировании сыграла идея «уединенного покоя», отшельничества, понимаемого не как образ жизни, а как состояние духа. Простота в садах сочеталась с утонченностью, изыском. В них не было ничего кричащего: все радовало глаз.

В VI в. в Лояне (столица Китая в эпоху Тан) знатные семьи строили особняки и разбивали сады один роскошнее другого. При каждом имелись рощи плодовых деревьев, пруды с извилистыми берегами; росли персики и сливы; ярко зеленели в летнюю пору и бамбук, и кипарисы, не менявшие своего цвета зимой. В Лояне в XI в. было 20 садов, в XIII в. – 30, в Сучжоу в XVII в. насчитывалось 270 садов.

В эпоху Мин (1644–1912 гг.) создание садов превратилось в повальное увлечение знати (ученых, чиновников, зажиточных горожан). Сады стали продолжением дворца и дома, как бы раздвигая пределы обжитого пространства. Они превратились в средоточие культурной жизни, место игр и прогулок, чтения и музицирования, занятий живописью, местом уединенных встреч литераторов и художников; местом тайных свиданий и экскурсий.

О садах были написаны повести и стихи. Центром садоводства стал город Сучжоу. В нем появились высокие образцы садово-паркового искусства: «Сад лвиной рощи», «Сад беспокойного управляющего», «Сад хозяина рыбацких сетей», «Вечносущий сад», «Сад благодатной тени», «Сад отдохновения» (г. Уси) и другие. В 1634 г. в Китае был издан первый классический трактат по садоводству – «Устройство садов» Цзи Чэна.

Создание садов является духовной практикой мастера. Как произведение искусства, сад возникает в результате игры воображения. Китайские сады не повторяют друг друга. Они существуют как мир в себе, миниатюрное организованное пространство, «оазис художественности в пустыне житейской рутины» и как окно в мир, заглянуть в которое может каждый.

Китайский иероглиф «сад» можно рассматривать как *совокупность земли, воды, листьев и ограды*. Он вмещает реальную жизнь человека («мир в мире») и воображаемые им образы.

Цзи Чэн, разделяя традиционное приращение китайцев к типизации и классификации, перечислил в своем трактате пять мест, где можно устроить сад: в горах, в городе, в деревне, в пригороде, возле естественного водоема (озера или реки). К какому бы виду ни относился сад, в нем неизменно должны были присутствовать основные *элементы природного мира – земля, вода, камни, растительность*.

Камни и вода – олицетворение мужского и женского начал в природе; основа жизни. Камни – тело Земли, горные хребты – вены; вода – ее душа, дыхание. Камни символизируют созидательные силы Природы. Вода – ее мысли и эмоции.

Главное достоинство любого сада, по мнению китайцев, – его естественность, гармоничное сочетание камней и воды. В описаниях лучших садов неизменно воспеваются «заросшие травой дорожки», «чистые ручьи», «дикие камни». Размеры сада не имеют значения. Можно создать сад размером с горчичное зерно, а можно и город сделать садом (примером тому является Сучжоу).

В китайских садах отсутствует абстрактно-геометрическая фигуративность и симметрия. Господство Хаоса – естественности – их отличительная черта. Однако эта естественность всегда

достигалась искусственным путем. Примером взаимодействия естественного и искусственного в аранжировке садового пространства является *ограда*. Именно она, согласно китайским представлениям, сделала его «миром в мире».

Ограды могут быть разными. Высокая, глухая, вровень с крышами зданий стена, не ущемляя естественности сада, придает ему законченные формы. Ограда имеет утилитарное, практическое значение, обозначая границу усадьбы или земельных владений хозяина. Она напоминает о конечности (предельности) бытия. Сооружалась ограда всегда с таким расчетом, чтобы не разрушить, а вписаться в окружающий ландшафт. Она может слепо следовать складкам местности, взбегать вверх и нырять вниз по склонам холмов, подобно извивающемуся дракону.

Дракон в китайской традиции символизирует мудрость и счастье. Его образ тесно связан с образом карпа – он покрыт чешуей этой рыбы. Дракон – это божественный покровитель, податель воды, гарант плодородия и богатства, объединяющий, подобно цветку лотоса, три стихии (воду, землю и воздух). Он живет в воде, но на лапах может передвигаться по суше, а на крыльях – летать.

Ограда всегда дополняла впечатление дома-сада; она играет роль своеобразной одежды для тела Земли.

Стена служит эстетическим и символическим целям и может иметь белый («женский») или красный («мужской») цвет. Садоводы эпохи Мин сравнивали стены с листом бумаги. На ней человек, обладающий вкусом, мог писать (рисовать, творить). Белизна стены служила фоном для композиции. Она располагала к созерцанию теней, отбрасываемых цветами и бамбуком, при свете дня и в лунную ночь. Письмена природы непринужденно соседствовали на стене с письменами человека. На стенах специально оставляли пустое пространство, чтобы кто-то из друзей или почетных гостей хозяина при случае мог начертать надпись: приветствие или пожелание. Так возникла в Китае традиция дацзыбао (в буквальном переводе: «стенная газета»).

Красный цвет в китайской традиции символизирует жизнь, он защищает от болезней и злых духов.

Естественные ограды: горы, водоемы, мандариновые и мангровые леса – также защищают парки от нежелательных посетителей. Между тем в искусственно возведенных стенах ограды всегда имелись специальные окна (преимущественно округлые), в которые можно заглянуть, чтобы полюбоваться картинным (красивым) видом. Окна и тем более ворота, ведущие в сад, обеспечивающие входение в новую (иную) реальность, обычно богато украшали. Цзи Чэн считал, что «при входе в сад создается настроение».

Сад включал обычно несколько уровней, на которых располагались *плантации и цветники*. Плантации размещались так, что изолированно друг от друга произрастали сосны и кипарисы, вечнозеленые (они являются символами благородства); упругий, полый внутри бамбук (символ учености, олицетворение жизненной силы пространства, пустоты); слива и персик (деревья счастья, семейного благополучия), ивы (воплощение животворящей энергии ян), тополя, магнолии, бананы. Неувядающие и изменчивые, они наполняли сад непреходящей радостью и печалью. Она ощущалась не только визуально, но и через различные органы чувств: через запахи – на уровне обоняния; через звуки – на уровне слуха. В садах следовало испытывать умиротворение, послушав пение птиц, погладив храмового кота (в парке Бэйхай, например, можно пообщаться с тайским котом по имени Конфуций и его семьей); понаблюдать за игрой золотых рыбок в водоеме; насладиться ароматом цветущих орхидей или магнолии (магнолия – символ достатка; эмблема Шанхая) и вспомнить об ушедших предках и потерянном времени.

Плантации лекарственных трав и чая имеются во многих парках. Они имеют практическое значение.

Особую роль играют цветы. В китайских садах их высаживают в виде беспорядочных зарослей у воды (или в горшках). Традиция разведения цветов в Китае не знает ни клумб, ни травяных газонов – формально выделенное пространство чуждо принципам китайской философии.

Многообразие цветов в садах провоцирует к игре – к эксперименту. Именно «говорящие» цветы несут в себе самое большое число знаков и символов. Пион – царь цветов, воплощение

энергии ян. В Китае это оберег от злых духов (тайное, магическое оружие). Хризантема в царстве цветов олицетворяет собой женское начало инь, символизирует покой и долголетие; это символ совершенства, а в Японии – эмблема императорского дома.

В китайских садах разводят гортензии, розы, гиацинты, нарциссы, на юге – орхидеи, но всюду предпочтение отдают лотосу. Тянущийся из темных глубин вод к солнцу, лотос, как бы пронзая все этажи мироздания (землю, воду, воздух), символизирует силу жизнеутверждения. Его нежные цветы, распускающиеся над самой водой, предстают символом душевной чистоты, неуязвимой для «грязи и тины» суетного света.

Сады Китая олицетворяют взаимосвязь времени и пространства. В них есть уголки, предназначенные для посещения весной, летом, осенью, зимой и символизирующие отдельные времена года. Зимние пейзажи моделируются из сосен и елей; весенние – из цветущей вишни, жимолости, миндаля, ранних роз; летние – из дуба, ясеня, бука, платана. Созерцание красоты осени невысказано без наслаждения благоуханием мандариновых деревьев.

Сады Китая никогда не рассматривались как эталон красоты. Они, как реальность, воплощают в себе красоту конкретного (реального) времени. Каждая деталь в них имеет значение. Деревья призваны вызывать паутину вполне определенных (и конкретных) зрительных образов (воспоминаний), звуковых и литературных ассоциаций. Например, вид сосны неизменно вызывал в воображении образ устремленного ввысь дерева на скале, на утесе, шум ветра, шум моря, запах хвои и моря (смолы и йода), пенье птиц. Ива рождала образ воды, реки, озера; бамбук – картину лунной летней ночи и колышущихся теней на белой стене; банановое дерево – шум капель дождя в густой листве, кваканье лягушки; клен – многоцветье осени.

Обязательной составляющей китайского сада является *вода*. Она может занимать более половины его территории. С одной стороны, вода в садах рассматривается как зеркало мира, воплощение покоя и пустоты (как олицетворение женственности). С другой – как символ вечного движения, изменчивости, быстротечности. Вода наполняет сад жизнью и хранит изменчивость

бытия. Она живет и дышит. Вдоль рек и каналов, прудов и озер кружатся стрекозы и бабочки, в воде плещется рыба. Чаще всего это карп (символ упорства, стойкости и мужества: такими качествами его наделяли за исключительную жизнеспособность; японцы считали карпа священной рыбой, рыбой-императором). В воде отражаются тени прибрежной растительности и силуэты камней и холмов. Она журчит в родниках и водопадах, бурлит, приводит в движение песок и камни. Дорожки выются вдоль воды. Даже крыши домов, павильонов и галерей строили с таким расчетом, чтобы дождевая вода низвергалась на камни с шумом, как настоящий водопад.

На юге и юго-востоке Китая лучшим временем в жизни сада считалась осень, когда «в воздухе носится аромат орхидей, а вода словно сливается с небесами; и вверху и внизу прозрачно и светло». Человек в таком саду чувствует себя своим в самой своей архаической стихии – стихии воды, благодаря переходам, павильонам, террасам, мостам, мостикам, с которых можно предаваться созерцанию и любованию.

Озера, каналы, реки, пруды имеют в садах и утилитарное значение. В них всегда разводили рыбу (карпа). К водоему на водопой приходят животные.

Особое свойство воды отражать предметы стало еще одним знаковым элементом в процессе создания садов. В буддизме зеркало – один из священных предметов. Отражая предметы как они есть, оно не дает им оценки, не сохраняет память о них и не изменяется само. Сад, подобно зеркалу, является отражением человеческого духа.

Важнейший элемент садовых пейзажей в Китае – *камни*. Они считались материалом полуестественным-полуискусственным. Почти всегда их подвергали обработке. В садах камни уравнивали природные (естественные) стихии дерева и воды и возведенные людьми архитектурные (искусственные) сооружения – знаки человеческого присутствия. Камни воплощали силу Земли и Неба. Они служили моделью мира в миниатюре. В садах устанавливали святыне камни, обереги. Их созерцали, слушали, к ним прикладывали руки.

Камень в Китае – это своеобразный скелет мира. Обилие камней – характерная черта китайских садов. Мастера предпочитают использовать камни с видимым налетом времени. Причудливой формы камни (известняк, гранит) нередко устанавливают на специальных площадках – на обозрение.

Классификация камней в садах производилась в основном на основе эстетических признаков. Они подразделялись на дырчатые, ноздреватые, морщинистые, волнистые, пористые, камни-побеги (подобия ростков бамбука). Даосский мудрец Бо Цзюйи утверждал, что камни, как люди, имеют свой нрав и характер; есть благородные камни, есть не очень (одни подобны драконам и фениксам; другие – демонам и тварям земным). Некоторые поглощают или даруют энергию.

В садах эпохи Мин есть камни, имеющие свои имена, а один из садов Сучжоу, где стоят камни, напоминающие львов, так и называется – «Сад львиной рощи».

Важным элементом сада являются *горки из камней*. Их сооружение является самостоятельной наукой. Они стилизовались под определенное время года. Груда желтоватых камней могла символизировать усыпанный осенней листвой холм, горка белых – заснеженную гору.

В садах устраивали естественные и искусственные пещеры и гроты. И конечно, китайский сад немислим без архитектурных сооружений, символизирующих человеческое присутствие в мире. В архитектурных элементах китайского сада отображена вся жизнь человека: семейная жизнь, досуг, труд, творчество, созерцание, общение. В садах можно найти павильоны (для чтения, рисования, музицирования и театральных постановок); беседки, кабинеты, башни (пагоды), чайные домики, галереи, дворики и площадки, обустроенные для самых различных нужд.

Большую роль в садах и постройках играли окна, двери, балконы, балкончики, они были сориентированы по сторонам света столь гармонично, что всегда открывали «лучший (картинный – *прим. авт.*) вид на сад», похожий на искусно выполненную картину.

В лоне садово-паркового искусства Китая жестко соблюдался принцип «сделать малое вместительным великого». Карлико-

вый сад (например, размером с ячменное зерно или блюдце) – не курьез, а образ полноты бытия, универсума, спрятанного внутри нас. По мнению китайцев, в таком саду можно заблудиться, о чем повествует популярная легенда. Ее главный герой – маг – вошел в миниатюрный сад и пропал там (исчез или увлекся?!), что свидетельствует о его (сада – прим. авт.) безграничных возможностях. Это «предельная радость» и «радость предела», попытка одним взором охватить Вселенную; игра, аналогом которой является любимое детское развлечение – строительство городов из песка. Главное в такой игре – радость творчества.

Шэнь Фу, аранжировщик садов, так вспоминал игры своего детства: «Прилитнув к ямкам и выступам стены или к цветам и травам, я пристально разглядывал их, и тогда травинки становились для меня деревьями, муравьи и букашки превращались в зверей, комья земли и камешки оказывались горами, а углубления в почве – долинами. Дух мой привольно странствовал в этом мире, и я был счастлив».

Миниатюрный сад – цепь ассоциаций, мир вольного скитания духа, паутина воспоминаний. Теоретик искусства Ли Юй отмечал: «Когда нет настоящего места, где можно жить в свое удовольствие, – всегда можно вообразить несуществующее место, где можно жить так, как сам того пожелаешь».

В небольших по размеру садах Сучжоу многоплановая перспектива создавала иллюзию пространства. Новизна восприятия основывалась на личном эмоциональном опыте и состоянии. В садах прокладывали извилистые тропы и строили зигзагообразные мосты, чтобы сделать расстояние от одного места к другому более протяженным.

Использовалась и техника «заимствованной перспективы». Внешние элементы включались в дизайн сада. Этому способствовало знание геомантии. Не только соседние монастыри и храмы, но и солнце, небо, горы звезды вписывали в окружающий ландшафт. Таким образом раздвигались пределы пространства и времени – сад становился обителью вечности, что соответствовало религиозным традициям ДВ.

Сады Японии

Японские сады и парки похожи на китайские. Их сходство и различия базируются на установках устроителей. В японских садах больше изысканной красоты (ухоженности) и печали (в силу господства принципов ваби, саби и югэн). Под воздействием синтоизма и культивируемой в его традициях (и в философии дзэн-буддизма) любви к природе в Японии сложились особые представления о Красоте (с большой буквы – *прим. авт.*): мгновенной и вечной.

Японцы живут на удивительно живописных островах. Природа, обрекая людей на страдания (землетрясения, тайфуны, цунами), щедро вознаградила их уникальной (по многообразию) растительностью. В Японии арктическая и тропическая растительность гармонично сочетаются. На юге рядом с пальмами, магнолиями, бананами произрастают реликтовые вечнозеленые дубы; на севере – ель, береза, бамбук. В Японии есть реки, горы, деревья, цветы, камни – все для создания садов.

Сады существуют повсюду: в городах и сельской местности, на миниатюрных островах и крышах небоскребов, на балконах, террасах и подоконниках – везде, где есть возможность заняться фантазированием и разместить плоды игры воображения.

Японский сад – это большая картина, написанная камнями и деревьями, травами и водой, светом солнца и серебряным сиянием луны. Это гимн красоте, естественной и неповторимой. Основа красоты – асимметрия. Японский сад строится как ритмичное чередование пустых и наполненных пространств. Число объектов в нем, как правило, является нечетным. Если сад большой, то предпочтительно, чтобы ни с одной из точек не были видны все его элементы. Примером тому является знаменитый сад Рендзи – сад пятнадцати камней, в пределах которого камни расположены таким образом, что одновременно в поле зрения могут находиться только четырнадцать. Один камень всегда остается невидимым, с какой бы точки на сад ни смотрели.

Мастера – аранжировщики садов – часто используют прием мизэгакурэ (построение сада как ряда «картин» – отдельных уголков, открывающихся и затем скрывающихся по мере продвижения по саду).

Нередко они воспроизводят в миниатюре известные места, воспетые в произведениях китайской и японской религиозной канонической и классической художественной литературы. Сами сады также воспеты в стихах и прозе. Например, в хайку.

Звон цикад среди ночи
Не дал мне уснуть.
Я по саду бродил до рассвета.

Друг к дружке головы склонили,
Как будто в поцелуе,
В моем саду пионы.

Японские сады делятся на две группы – *сухие сады* и *сады воды*. Сады воды в большинстве своем копируют лучшие образцы китайских садов, где вода занимает большое пространство. Сухие сады – уникальное явление. В них воду имитируют различные виды песка и мелкой гальки. Нередко их называют садами камней.

Условно сады можно поделить на так называемые «динамичные» и «статичные». Критерием классификации является возможность передвижения зрителя в пространстве сада. К категории «динамичных» садов можно отнести сады-парки, расположенные вокруг большого озера и рассчитанные, например, на созерцание с лодки, находящейся в движении. Такие сады любила аристократия эпохи Хэйан. Один из таких садов входит в настоящее время в ансамбль храма Дайкокудзи в Киото. Он был создан по указанию императора, решившего построить себе виллу на окраине Киото, откуда открывался прекрасный вид на город, горы и пруд, ставшие неотъемлемым элементом сада. Позднее Асикага Ёсимицу (1358–1409), подражая аристократам давних времен, создал свою виллу с прудом, на берегу которого возвел знаменитый Золотой павильон, где вид на окружающие горы в настоящее время перекрыт разросшимися деревьями, но прогулка на лодке сохраняет свою прелесть, благодаря живописности многочисленных островков и скал, разбросанных по пруду.

Пешеходные прогулки возможны в садах «Чистой земли» (в буддизме – аналог христианского рая – *прим. авт.*). Их характерной особенностью является арочный мост, ведущий через центральный остров к храму, находящемуся на противоположной стороне пруда. Переход по мосту символизировал переход от бренного мира к посмертному блаженству, что впоследствии (в момент кончины) могло обеспечить приближение к нирване.

В ходе пеших прогулок создатель сада как бы невзначай заставляет то подниматься на склон, то спускаться к воде, то блуждать среди зарослей. Дорожки проложены так, чтобы вовремя посмотреть вниз, под ноги, переступая с камня на камень, или устремить взор вдаль. Мастера при создании такого сада тщательно выбирают смотровые площадки, откуда открываются лучшие виды, и сооружают галереи и беседки для созерцания. Такие сады стали особо популярными в эпоху Эдо (1603–1868). Им отдавали предпочтение владельцы земельных участков (князья, верхушка самурайского сословия). Образцом такого парка может служить Коракуэн, созданный в столичном поместье боковой ветви рода Токугава-Мито.

Особую – переходную – группу между «динамичными» и «статичными» садами составляют миниатюрные чайные сады, разбиваемые вокруг павильонов для чайных церемоний. Их главное предназначение – подготовить участников к чайной церемонии, помочь им «настроить свое сердце в лад с другими сердцами», избавиться от повседневной суеты, прикоснуться к миру тишины и вечности. Чайные сады окружены глухим забором и внутри обычно разделены на две части: внешнюю и внутреннюю, между ними имеется еще одна ограда с небольшой калиткой. Движение в них происходит по установленному маршруту в одном направлении. В таких садах нет цветов, преобладают в них неброские, неяркие, нередко вечнозеленые растения – символы вечного покоя.

«Статичные» сады рассчитаны на созерцание с определенной точки – изнутри (из дворца, дома, галереи) и снаружи (через окно в изгороди или ворота в сад). Преимущественно это небольшие по размерам сады, содержать которые могли позволить себе как самураи, так и зажиточные горожане, – места уединенных прогулок и медитаций. Лучшие образцы таких садов являются

трехмерной живой картиной, выстроенной по определенным канонам в соответствии со вкусами заказчика.

Примером садов такого типа является сад «Драконьего ому-та». Он был создан в XVII в. Его создателю удалось мастерски воспроизвести в миниатюре на небольшом отрезке земли пейзаж величественной горной гряды. Небольшие холмы с удивительно гармоничным ритмом камней и стриженных кустов азалий рисуют картину горных вершин, тянущихся вдоль берега моря (или озера) и разделенных поросшими лесом долинами с низвергающимися меж скал потоками воды. Любование садом в другом ракурсе – под углом – позволяет увидеть огромного спящего дракона.

Самые известные и необычные японские сады выполнены в технике карэсансуй – «сухих гор и вод», – распространенной в лоне традиций дзэн-буддизма. Это лучшие образцы «статичных» садов. Изначально использование техники «сухого» сада было мерой вынужденной – отнюдь не во всяком месте имелся доступ к воде. Однако с появлением дзэн-буддизма применение этого стиля перестало определяться исключительно утилитарными соображениями. С одной стороны, использование камней и песка при почти полном отсутствии растений позволяло создавать пейзажи в духе монохромной китайской живописи, ставшей весьма популярной в ту эпоху. С другой стороны, такой абстрактный лаконичный пейзаж сам по себе соответствовал духу дзэн-буддизма, призывавшего к мгновенному постижению истины. Соседство «утесов» и «песчинок» демонстрировало взаимосвязь и взаимозависимость Неба и Земли, Человека и Природы, Разума и Красоты.

Кроме того, передние дворы буддийских храмов, для удобства сплошь усыпанные мелкой галькой, в результате реформы начала XVII в. утратили свое утилитарно-ритуальное предназначение (здесь перестали проводиться обряды под открытым небом), функционально оказавшись излишними. Именно на месте такого двора был создан всемирно известный сад пятнадцати камней храма Рёандзи.

Примером «статичных» садов являются также и «сады в горшке» – цубонива. В жилищах горожан такие сады появились во многом по утилитарной необходимости. В условиях чрезвы-

чайно плотной городской застройке в домах устраивались световые колодцы, на «дне» которых и разбивались миниатюрные сады. Отличным образцом такого сада может служить «горшечный сад» одной из старейших и знаменитейших гостиниц Киото – «Таварая». Такие сады могут быть созданы в любых условиях, даже в современной городской квартире, создавая атмосферу красоты и изысканности.

Японские сады полны символов. Простейшие из них – сакура (она символизирует весну), хризантема (осень). Альпинисты в заснеженных горах Японии могут любоваться цветущей сливой (мэйхуа). Вьюнок и сосна одинаково почитаемы и вызывают восхищение как символы мгновенной и вечной силы природы. Кто-то восхищался глицинией, кто-то – пастушьей сумкой. Главное – каждый был свободен в выборе предметов своего восхищения и любви: так учит дзэн.

Японские сады призваны отразить уникальность и величие природы, многообразие ее форм.

Японский сад – это многообразная коллекция растений (низкорослые карликовые сосны с причудливо искривленными ветвями, пальмы, сливы, вишни, криптомерии, напоминающие пирамидальные тополя, кипарисы, бамбук, кактусы); цветов (у каждого времени в Японии свой цветок или растение: в январе – сосна и слива; в феврале – ива и камелия; в марте – персик и ирис; в апреле – пион; в мае – бамбук, в июне – лилия и лотос и т. д.). Классический японский сад немислим без старинных храмов, пагод, чайных домов, кумирен. Пожар – главный враг садов и деревянного зодчества.

Киото – «город поэтического настроения», императорская столица Японии. В настоящее время в Киото около 3 тысяч храмов. Сады окружают монастырские постройки, павильоны для медитаций, чайные дома. Сады изменчивы в зависимости от курса, под которым на них смотрят, от сезона, погоды, настроения. Монахи, создавая сады, заботились о главном – об организованном вхождении в естественный процесс общения с окружающей средой, о гармонии существования человека и природы.

Жизнеописание Хуанди

Хуанди от рождения обладал необыкновенными дарованиями. Младенцем он умел говорить, в детстве отличался смекалкой, в отрочестве – сообразительностью, став взрослым, приобрел большую ясность ума.

Став императором, он установил мир в государстве. Он своевременно сеял злаки, сажал деревья, приручал и разводил зверей, птиц, шелковичных червей и бабочек, наблюдал за Солнцем, Луной, звездами и созвездиями, добывал землю, камни, металлы и яшму, трудился с утра до ночи, в трудах не жалел своих способностей и сил, ушей и глаз, бережливо использовал воду, огонь, лес и другие богатства.

(Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1972. Т. 1. С. 133–134.)

Великий Юй

Великий Юй, первый правитель династии Ся (XXI–XVI вв. до н. э.), одевался скромно, ел просто, с крайней почитательностью служил духам людей и небесным духам, почитал Землю и Небо. Жил он в бедном жилище, но ничего не жалел для того, чтобы бороться со стихией. Во времена Юя воды потопа разлились до небес, они окружили горы и залили холмы. Обуздать воды смог только Юй. До него даже мудрецы не могли справиться с ними. Он вырыл рвы и каналы, углубил русла рек, направил их в озера и моря, соорудил дороги. Земли стали плодороднее, народ получил рис и мясо. Все это было великой заслугой Юя.

(Сыма Цянь. Исторические записки. С. 150–160.)

Жизнеописание Лаоцзы

Лаоцзы родился в княжестве Чу, в деревне Цюйжэнь. Это была одна из нескольких деревень волости Лайсян Кусяньского уезда.

Фамилия его Ли, имя – Эр, второе имя – Боян, а посмертное – Дань. Служил он на должности хранителя архива чжоуского царского двора.

Однажды Кунцзы побывал в Чжоу, там он посетил Лаоцзы и задал ему вопрос о сущности этикета.

Лаоцзы ответил ему: «То, что вы говорите, напоминает мне человека, кости которого давно уже сгнили в могиле, и лишь памятны его слова. Совершенный человек в благоприятные для него времена разъезжает в колеснице, а в неблагоприятные времена странствует с места на место пешком. Слышал я, что хороший купец скрывает от людей накопленные им богатства. Добродетельный человек старается показать, что он глуп. Бросьте свою заносчивость и чрезмерные желания, напыщенные манеры и низменные страсти – они не принесут вам никакой пользы. Вот что я хотел бы вам поведать».

Распровавшись с Лаоцзы, Кунцзы сказал своим ученикам: «Я знаю, что птица летает, зверь бегает, рыба плавает. Бегающего можно поймать в тенета, плавающего – в сети, летающего можно сбить стрелой. Что же касается дракона – то я еще не знаю, как его можно поймать! Он на ветре и облаках взмывает к небесам! Ныне я встретился с Лаоцзы, и он напомнил мне дракона».

Лаоцзы проповедовал «Дао» и «Дэ». Он считал, что человек должен жить в уединении и чуждаться славы.

Лаоцзы долгое время жил в Чжоу, но, когда начался распад династии, решил уехать. Когда он проезжал через заставу Саньгуань, начальник этой заставы обратился к нему с просьбой: «Вы собираетесь навсегда удалиться от мира. Напишите мне что-нибудь на память».

Лаоцзы написал книгу из двух частей, в пять тысяч слов. В ней говорится о сущности «Дао» и «Дэ».

После этого Лаоцзы уехал, и никто больше ничего не знает о его судьбе.

Некоторые говорят: «Лао Лайцзы был тоже родом из Чу. Он написал книгу из пятнадцати глав, в которой излагается сущность учения даосов. Лао Лайцзы жил в одно время с Кунцзы».

Другие возражают: «Если это и был Лаоцзы, то мог ли он прожить более ста шестидесяти лет?»

Третьи утверждают: «Он прожил целых двести лет, потому что занимался самоусовершенствованием и добился долголетия».

Через сто двадцать девять лет после смерти Кунцзы историограф династии Чжоу, по имени Дань, на приеме у циньского князя Сяньгуна рассказывал: «Сначала княжество Цинь жило в согласии с царством Чжоу, затем в разладе. Этот раздел длился более пятисот лет. Потом наступил период согласия, который длился семьдесят лет. Потом наступил период согласия, который длился семьдесят лет, после чего появились гегемонь»³.

Одни говорили, что историограф Дань – это и был Лаоцзы. Другие им возражали: «Нет!».

Никто в мире не знал, так ли все это было.

Лаоцзы был ученым-отшельником, а его сын, по имени Цзун, – полководцем княжества Вэй, и ему был пожалован во владение город Цзягань. У Цзуна был сын – Гун, а сыном Гуна был Ся. Ся состоял на службе у ханьского императора Вэнь-ди, а сын Ся, по имени Цзе, получил от Цзяо-сивана звание тай-фу⁴, в связи с чем семья Ли переехала на жительство в княжество Ци. Все сторонники Лаоцзы поносили конфуцианство, а последователи Кунцзы ругали Лаоцзы.

«Неужели "Дао" представляет собой истину, если оно непостоянно и нашему уму непостижимо?» – вопрошали последователи Кунцзы.

Ли Эр проповедовал надеяние. Он говорил, что, если преобразования будут совершаться сами по себе, каждая вещь встанет на свое место.

(См.: Сыма Цянь. Избранное. Жизнеописание Лаоцзы и Хань Фэйцзы. М., 1955. С. 56–58).

³ В VII–VI вв. до н. э. в Китае образовалось пять могущественных царств, которые вели между собой борьбу за объединение страны. Их правители присвоили себе титул бо-ван (правитель-гегемон).

⁴ Чин сословной иерархии в период царствования династии Первой Хань (III в. до н. э. – I в. н. э.).

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
1. БУДДИЗМ	6
1.1. Возникновение и распространение буддизма	6
1.2. Литературные памятники буддизма	13
1.3. Раскол в буддизме. Хронология распространения буддизма	14
1.4. Пантеон буддизма.....	16
1.5. Философия буддизма.....	16
1.6. Этика буддизма.....	19
1.7. Буддизм в Китае.....	22
1.8. Этика и эстетика чань (дзэн)	25
1.9. Буддизм и японская поэзия.....	31
1.10. Притча и диалог в традиции дзэн.....	36
1.11. Искусство чая.....	38
1.12. Эстетические принципы дзэн-буддизма. Бонсай, бонкэй, бонсэки. Икебана	41
Контрольные вопросы	48
2. ДАОСИЗМ	49
2.1. Возникновение даосизма	49
2.2. «Книга о Дао и Дэ»	50
2.3. Диалектика даосизма.....	51
2.4. Космогония даосизма.....	55
2.5. Этика даосизма. Обеты и добродетели.....	56
2.6. Даосизм и развитие естественнонаучных знаний.....	57
2.7. Культы и обряды.....	65
Контрольные вопросы	70

3. КОНФУЦИАНСТВО	71
3.1. Конфуций и его ученики.....	71
3.2. Каноническая литература конфуцианства	73
3.3. Конфуций о человеке	75
3.4. Культ предков и нормы сыновней почтительности.....	80
3.5. Конфуций о государстве	81
3.6. Система воспитания и образования	83
3.7. Шэньши: сословие ученых-чиновников.....	86
3.8. «Мудрое безумие»	88
3.9. Ритуал	92
Контрольные вопросы	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	97
СЛОВАРЬ ИМЕН, ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ	100
Буддизм.....	100
Даосизм.....	112
Конфуцианство	114
Список источников и литературы.....	116
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	120

Учебное издание

Гавристова Татьяна Михайловна

Буддизм
Даосизм
Конфуцианство

Учебное пособие

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка И. Н. Иванова

Подписано в печать 30.12.10. Формат 60×84 1/16.
Бум. офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 6,49.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.